

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

4 '86

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

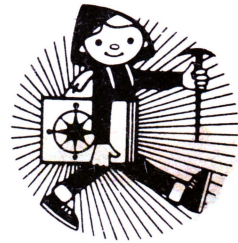
Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

Этот искусный акварельный портрет Ильича до недавнего времени был известен очень узкому кругу людей. А написал его в 1925 году большой мастер — художник Георгий Семенович Верейский. Он был одним из тех, кому посчастливилось не раз видеть и слышать Ильича. Г. С. Верейский вспоминал выступление В. И. Ленина перед делегатами II конгресса Коминтерна 19 июля 1920 года: «Я видел его сравнительно близко и в течение продолжительного времени. Наружность Ленина, его манера держаться или лучше сказать всякое отсутствие какой бы то ни было манеры производили впечатление необычайной простоты и говорили о колоссальной воле, действие которой ощутилось чувствовалось в зале».

Читайте на стр. 2-й
статью С. Чаплина
«Портрет Ильича».

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

4 '86

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

- 2/ С. Чаплин
ПОРТРЕТ ИЛЬИЧА
- 3/ Л. Козлов
ВСЕСОЮЗНЫЙ СТАРОСТА В КОПЕЙСКЕ
- 4/ М. Найдич
ДЕРЕВЬЯ ВСКИНУЛИ ЗАРЮ... Стихи
- 6/ Г. Федорова
ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ
- 10/ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» НА ЯМАЛЕ
- 11/ Н. Березовский
ИНТЕРНАТ ИМЕНИ ГАГАРИНА
- 14/ ПОНЯТЬ, ЧТО ТВОРИТСЯ НА СВЕТЕ... Диалог-клуб
«Подросток»
- 22/ В. Кудрявцева
ИГРУШКА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ. Рассказ
- 26/ Л. Чумичев
ПУСТОВАЛА МАЛУХА... Рассказ
- 30/ В. Боже
ЗЛАТОУСТОВСКИЙ АКАДЕМИК
- 31/ Ю. Борисихин
НЕПРИКОСНОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ
- 33/ С. Другаль
ВАСИЛИСК. Повесть
- 59/ Е. Брандис
ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ...
- 60/ О. Булгакова
ЗОВ КОСМОСА
- 65/ СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЮТ...
- 66/ С. Максимов
ПЛАВНЯ. Очерк уральской казачьей общины
- 67/ С. Плеханов
ПИСАТЕЛЬ-ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ
- 78/ МИР НА ЛАДОНИ
- 80/ И. Горячев
УФА, УЛИЦА КРУПСКОЙ...

На 1-й стр. обложки — рисунок Ю. Буданова

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 года

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Портрет ИЛЬИЧА

Сергей ЧАПЛИН

Более шестисот различных произведений насчитывает сегодня художественная Лениниана Ленинградского филиала Центрального музея Владимира Ильича Ленина. Причем пополняется она постоянно: люди, обладающие различными реликвиями, связанными с именами вождя и его соратников, передают их в музей на вечное хранение. За последние годы, например, в музей переданы подлинный документ 1918 года, подписанный Ильичем, письмо Надежды Константиновны Крупской, датированное 1938 годом, орден Ленина первого образца № 38, принадлежавший краснопутиловцу А. Г. Давыдову... Недавно в зале № 17 появился ранее неизвестный портрет В. И. Ленина. Как же он попал в экспозицию, кто его автор?

В музей позвонил сотрудник Ленинградской областной конторы Госбанка Владимир Иванович Цибро и сообщил, что в одной из комнат этого учреждения висит акварельный портрет Ленина, причем, по его мнению, весьма искусно написанный. Разумеется, пройти мимо такого сообщения работники музея не могли, и в контору Госбанка немедленно отправилась Анна Александровна Короткова, заведовавшая в то время фондами музея. Работа выполнена на высоком профессиональном уровне, определила она. Размер портрета 65 на 76 сантиметров, в правом нижнем углу имеются буквы «Г. В.» и дата: «1925».

Так начался кропотливый поиск. Пытаясь расшифровать таинственные «Г» и «В», Анна Александровна сравнивала манеру написания этих букв с подписями разных художников на десятках картин и рисунков. Настойчивым и трудолюбивым, как известно, сопутствует удача: очень похожая подпись была обнаружена на одной из литографий известного советского художника Георгия Семеновича Верейского.

Народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии СССР, он был мастером ярких по характеристике графических и поэтических рисунков, литографий, офортов. Мало того, Г. С. Верейский был из тех художников, которым посчастливилось не раз видеть и слышать Ильича.

19 июля 1920 года художник сделал набросок, изображающий Ленина во время его выступления в Таврическом дворце перед делегатами II конгресса Коминтерна.

«Я видел его сравнительно близко и в течение продолжительного времени,— вспоминал позже художник.— Наружность Ленина, его манера держаться, или, лучше сказать, всякое отсутствие какой бы то ни было манеры, производили впечатление необычайной простоты и говорили о колоссальной воле, действие которой ощутительно чувствовалось в зале. Я пытался зарисовать Ленина... Это было трудно, так как Ленин во время своей речи проявлял резкую подвижность. Еще труднее было с моего места, все-таки отдаленного, детально разглядеть черты лица Ленина, все время менявшегося в выражении. Глаза Ленина и на этот раз особенно врезались в память и остались для меня главной чертой, которая прежде всего встает в моем воспоминании, когда я сужу о схожести того или иного портрета Ленина».

Известно, что на основе своего наброска Верейский создал ряд литографированных портретов Ильича, в том числе и литографию для Госиздата в 1924 году.

Специалисты подтвердили, что в 1924—1925 годах Г. С. Верейский действительно работал акварелью, сочетая ее с тушью, и после тщательного исследования пришли к заключению: портрет принадлежит кисти именно этого художника.

А вот что написал в своем письме работникам музея его сын народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР Орест Георгиевич Верейский:

«После некоторых колебаний и сравнений с работами отца двадцатых годов могу подтвердить, что портрет В. И. Ленина написан им. Манера лепки головы, движение кисти на пиджаке и фоне близки к манере других рисунков этого времени, сделанных кистью. Сначала подлинность самой подписи вызывала у меня сомнение, так как на большинстве его рисунков, выполненных карандашом или пером, в обозначении года в цифре «два» очко не замкнуто. Однако, просмотрев работы,

сделанные кистью, я нашел на некоторых двойки, написанные точно так же. Это еще один аргумент в пользу подлинности портрета.

Как попал портрет в контору Госбанка? Видимо, он был написан по заказу, потому что в то время портретов Владимира Ильича было не так уж много. Так или иначе, но отныне это интересное произведение искусства находится в музейной экспозиции, и тысячи посетителей могут познакомиться с еще одной работой, навсегда вошедшей в золотой фонд художественной Ленинианы.

Всесоюзный староста в Копейске

Лука КОЗЛОВ

В ноябре 1920 года во время поездки по Уралу и Сибири с агитпоездом «Октябрьская революция» Челябинские угольные копи посетил Председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин. Он трижды выступал на митингах и собраниях перед шахтерами, побывал на угольных разрезах, беседовал с каждым, кто обращался к нему с вопросом.

Н. Е. Андросенкову, потомственному горняку, участнику гражданской войны, довелось дважды встречаться с М. И. Калининным. Первый раз — в ноябре 1920 года, когда Михаил Иванович приехал на Челябинские копи, а второй — в мае 1929 года, на V съезде Советов, делегатом которого был Никифор Егорович.

На съезде решался вопрос о размещении важнейших промышленных предприятий. Андросенкову было поручено выступить с предложением начать строительство тракторного завода в Челябинске. Во время одного из перерывов в работе съезда Н. Е. Андросенков пошел на прием к М. И. Калининну как к старому знакомому, повто-

М. И. Калинин — в разрезе № 1 Челябинских угольных копей
Снимок сделан в ноябре 1920 года.

рил ему просьбу челябинцев. Михаил Иванович обещал поддержать уральцев. Съезд Советов, как известно, принял решение о строительстве ЧТЗ.

Тесные связи копейских горняков с М. И. Калининным продолжались и в дальнейшем.

В 1929 году на Челябинских копи сгорел единственный в те годы клуб — Народный дом. Шахтеры по старой памяти обратились к М. И. Калининну со своим горем. Всесоюзный староста внимательно, как всегда, впрочем, отнесся к просьбе горняков. Он посодействовал, чтобы построили не просто клуб, а прекрасный Дворец культуры. По его личному указанию этот Дворец был обставлен мебелью из бывших царских особняков и дворянских имений. Долгое время служила украшением Дворца культуры эта обстановка. Сейчас там установлена новая современная мебель, а некоторые старинные вещи стали экспонатами городского музея.

ДЕРЕВЬЯ ВСКИНУЛИ

Михаил НАЙДИЧ

НАГОВОРИТЬСЯ ВДОВОЛЬ

Вновь перебежка.
 Падаем. Живые.
 Лежит боец, лицом почти что бел,
 Как будто на земле лежит
 впервые
 И с ней наговориться не успел.
 Сказать бы ей хоть слово,
 хоть полслова,
 Лишь в благодарность что-нибудь сказать.
 Но небосвод ракетой красной взломан —
 И рота поднимается опять.
 Рванемся —
 и продолжим наступленье,
 Атаку и стремительный бросок,
 Ни землю не почувствуем, ни время,
 Ни даже кровь,
 стучащую в висок...
 Нет, ни о чем на свете
 не жалею,
 Я жил как все, как большинство
 я жил,
 И если вдруг в атаке уцелю,
 То выйду в поле,
 где металл провыл,
 На землю лягу... Где-то рядом тополь
 Листвой притихнет, обрывая гром,
 Чтоб мне с землей наговориться вдоволь,
 Пока еще живой.
 А не потом.

***

Режут воздух снаряды.
 Знакомый мотив;
 Закружился рассвет, догорая.
 И трава беспокойно мне шепчет:
 «Ты жив?»
 «Ну а ты... ты жива, дорогая?»
 С ней, зеленой,
 мы снова лежим под огнем,
 Где все стонет, сжимаясь упруго,—
 Так мы с нею друг друга уже не поймем,
 Как сейчас понимаем друг друга.

РАСПУТИЦА

Дожди.
 На вязкой фронтовой дороге
 Такая грязь, такая в общем жуть,
 Что, кажется,
 вытаскивая ноги,
 Мы шар земной потянем вверх чуть-чуть.
 А там вверху —

в ладошку —
 голубое,

А в голубом
 и солнышку приют.
 А сапоги почистим после боя,
 А победим —
 так новые дадут!

НЕСКЛАДНОСТЬ

Нет, мы не встретились внезапно
 На перекрестии дорог,—
 Когда твой поезд шел на запад,
 Мой поезд мчался на восток.
 Не знаю, в чьей мы были власти,
 Но понимаю все равно —
 Я, может, в двух шагах от счастья
 Стоял тогда, давным-давно.
 Пусть кто-то скажет —
 он в бреду, мол,
 К чему в такие дебри лезть?
 О да, я всю тебя придумал,
 Но ты и вправду
 где-то есть!..
 Меня не видела ни разу,
 Но — и такое может быть! —
 Ты неоконченную фразу
 Сейчас не можешь закруглить.
 Замрешь, тревожась,
 беспокоясь,
 Тебе ведь просто невдомек,—
 Когда на запад шел твой поезд,
 Мой поезд мчался на восток.

***

Деревья вскинули зарю
 и сквозь рассвет,
 пока что куцый,
 корнями вышли к январю,
 а им бы к марту дотянуться!
 Им эту вьюгу одолеть
 и выстоять не так-то просто.
 Но есть надежда,
 будет впредь:
 вон и подлесок —
 выше ростом.
 Ему бы в солнечную медь
 рвануться высоко-высоко,
 скорее б ветви отогреть
 и нить березового сока.
 А до весны-то столько дней:
 еще снега нигде не тают,
 но лес задумался
 о ней...
 И мысли наши
 совпадают.

Зарю...

ОКРУЖЕНИЕ

А я здесь неделю,
Семь дней, семь ночей,
Вот капли дождя — чет и нечет.
Приткнулся доверчиво к соснам ручей
И что-то щебечет, щебечет.
Слегка порыжел от зари
Небосклон,
Мол, справимся с тучками сами.
Неделю
Деревьями
Я окружен,
А кажется — будто друзьями.

Да, листопад... Уже понятней
Пропахший снегом ветер с гор,
И все-таки над голубятней,
Взгляни-ка,
Голубой простор.
Там свет пока еще не убыл,
От солнца в меру золотист...
А до предела звонкий купол
К себе притягивает птиц.
Летят!

Голубизной омыты!
То разворот, то круто вверх.
Видать, они не позабыты
И ныне, в деловитый век.

***

Чего ж ты сердиться теперь,
гнев подавляя еле-еле, —
ведь ты сама закрыла дверь,
не оставляя даже щели.
Все иль не все пошло на слом,
кто ж виноват, скажи на милость, —
не ты ль от лучших в мире слов
сомнением
отгородилась;
они к тебе неслись — поверь! —
но ты молчала, выжидая...
Чего ж ты сердиться теперь,
что их услышала другая?

***

Над нами сочно наклонились вишни,
да только в темноте не увидеть.
Но звезды вышли, наконец-то вышли —
серебряная россыпь,
благодать.

Пронзающие облако упруго,
они стремятся мир спасти от бед.
И кто же мы с тобою друг для друга —
на это тоже
проливают свет...

Туман прополз
сквозь решето ветвей
и загустел чуть ниже, под горою,
как жаль, что настроение людей
зависит и от этого порою.
Зависит от пустых нелепых дней,
и от ночей безмолвно одиноких,
и от ползущих во поле теней,
по милости лиловых туч высоких...
Но каждому известно с давних пор,
что мужество — оно не только снилось:
умение вставать наперекор
всегда и замечалось и ценилось.
Мир может стать
светлее, чем он есть,
в лучах рассвета, бронзово звенящих,
лишь нужно, чтобы радостная весть
скорей легла
и в твой почтовый ящик.

Рисунки Г. Копыриной

Галина ФЕДОРОВА

ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ

Ребенок удивляется полету бабочки, рождению радуги, появлению изображения на фотобумаге... И тот, кто сумеет сохранить свежесть взгляда, способность в обычном увидеть необычное, может стать ученым...

Ребенок мастерит из кубиков небывалый замок, собирает фантастическую машину... И тот, кто сумеет пронести этот творческий заряд через всю жизнь, подкрепив его знаниями и четким научным мышлением, может стать ученым...

Ребенок в отчаянии — его замок рушится. Он строит его снова и снова — и не бежит играть на улицу, и не идет ужинать. Тот, кто сохранит эту увлеченность, эту способность загораться, подкрепив ее трудолюбием и настойчивостью, может стать ученым...

Борис Митрофанов убежден: творческому отношению к делу можно и нужно учить, как азам изобретательства. Борис — химик. Его работа — создание новых сплавов из компонентов очень далеких, например, металлов и неметаллов. Свести их воедино и заставить служить человеку может только творческая фантазия ученого.

Борис — сторонник комплексных творческих молодежных коллективов, когда в одну упряжку впрягаются люди самых различных специальностей, из институтов и с предприятий, и делают в итоге важное государственное дело. В Новосибирске несколько лет назад была создана фирма «Факел» — прообраз нынешних творческих молодежных коллективов. Борис, тогда студент Новосибирского университета, работал в «Факеле» и с тех пор убежден: этот путь верный!

И в самом характере Бориса сплавлены воедино качества, как будто исключаящие друг друга. Он рационалист и лирик. Теоретик и практик. Спокоен и стремителен. Умеет торопиться не спеша. Это совершенно необходимое свойство — при том объеме работы, которую надо, должно сделать сегодня, сейчас. Ритм! Жесткий ритм каждого дня. Нет и не может быть резкой грани между научными, общественными, личными интересами — это все ветви одного дерева, и одни корни, одни соки питают их... Характер этого вобрал в себя многие черты, типичные для советских ученых.

НАЧАЛО

Молодой сибиряк попал в лабораторию тугоплавких соединений Института химии, возглавлял которую директор института, член-корреспондент Академии наук СССР Геннадий Петрович Швейкин, и пришлось здесь ко двору. Тема увлекательная: создание конструктивных материалов с заданными свойствами, синтез твердосплавных материалов.

Зачем нужны твердые сплавы? Сегодня, куда ни глянь, без них не обойтись. Буровики ищут нефть; только оборудование, в котором использованы твердые сплавы, может прогрызть земную толщу... На всех заводах — станки, и на каждом станке — резцы. Они должны быть прочные и надежные. Даже вселяясь в новую квартиру, мы не обойдемся без стенопробойников и сверл...

Твердые сплавы выпускали и прежде. Но для их производства нужен вольфрам. А вольфрам дорог, мало его... Приходилось покупать за границей. Значит, нужно создать другой материал, на другой основе, но с теми же замечательными свойствами. Решение этой задачи было делом государственным.

Ученый всегда знает, что его путь не усыпан розами. Он всегда помнит, что может получиться и отрицательный результат, и этот отрицательный результат — тоже результат. Хотя кому-то может показаться, что человек вытащил черный шар — успеха нет. Уральские химики, ступив на новый путь, никем не пройденный, не раз вытаскивали этот черный шар. Не все и не сразу получалось...

Мы говорим, что работа — радость и наслаждение. Творческая работа... Сколько раз химики готовы были проклясть свое призвание, работа приносила не радость — муки! Где оно — то счастливое сочетание всех компонентов? Икебана — японское искусство составления букетов... Борис составлял сплавы, как букеты, тщательно подбирая компоненты, продумывая композицию...

Теоретические разработки, потом сотни экспериментов на маленьких печах — и черный шар. Опять поиск, проверки, опыты. Это была не лотерея — не удачный случай. Лишь глубокое изучение теории, разработка научных основ синтеза могли позволить предсказать свойства нового соединения, а эксперименты — подтвердить, что поиск идет правильно... В конце концов именно уральским ученым удалось предсказать и выплавить без вольфрама новый сплав — прочный, надежный, не уступающий прежним.

Борис не стал поступать в аспирантуру, хотя такая возможность была. Диссертация — не самоцель, не смысл жизни. Целью было найти этот чудесный сплав. Ну, а по мере работы накопился и материал для диссертации, оставалось только написать ее. Редкий случай — он подготовил диссертацию за три года после окончания университета и успешно ее защитил. Тимирязев в своей статье о красном цвете писал о том, что он думал о красном цвете больше, чем другой человек на земле. И это так. Ученый действительно думает о предмете своего исследования больше, чем какой-либо другой человек. Так и Митрофанов. Думал не вообще о химии — о той узкой задаче, решения которой еще нет. Думал и на работе, и после пяти часов — время суток значения не имело...

— Есть хорошее выражение, — говорит Борис. — «Тот, кто хочет работать, ищет возможности, а тот, кто не хочет, ищет причины».

Он всегда искал и находил возможности... Впрочем, поиск свой Борис вел не в одиночку. Создание нового сплава — гигантский труд, посильный лишь большому коллективу. Но в этой общей работе вклад Митрофанова значителен.

Я иногда думаю, смог ли бы он так глубоко разрабатывать свою научную тему, если бы не нес двойную нагрузку (Борис был секретарем комитета ВЛКСМ института)? Вряд ли. Потому что, хотя общественная работа и отнимала немало времени, но она давала и новый импульс, это была как бы подзарядка аккумуляторов... В институте каждый третий — комсомолец. Все шло как везде, по традиции: собрания, субботники, вечера, спортивные соревнования. Но было и сверх того — проводились конкурсы работ молодых ученых, конференции, школы молодых. На ощупь делались первые шаги в научной организации общественной работы.

Позднее один из комсомольских работников скажет мне:

— Думаю, что сегодня крупной комсомольской организацией должен руководить технар. Развелось много любителей толочь воду в ступе, а сегодня надо дело делать!

Организация института вошла в число лучших организаций центра. У Бориса были верные сподвижники: один из организаторов первого в стране совета по науке при Свердловском горкоме ВЛКСМ В. Бамбуров, председатель областного совета молодых ученых В. Губанов — оба доктора наук — и многие другие.

КОМАНДИРОВКА

В. Солоухин в одной из своих книг определил сущность творческого процесса с помощью оригинального сравнения из области химии. Стоит в перенасыщенный раствор бросить затравку или просто стукнуть по стенке сосуда, как начнется выпадение кристаллов — стремительно и мгновенно. Главное условие творчества — вот эта перенасыщенность, иначе кристаллов не будет, чего ни бросай и как ни стучи... Есть задел, возникла перенасыщенность, и потом — снежным комом — яркие, красивые кристаллы.

В институте достигли этого состояния перенасыщенности. Но для выпадения кристаллов нужен толчок! Это сейчас распространение твердых сплавов идет как бы само собой — добрый джинн выпущен из бутылки и делает свое дело. Но вот выпустить его из бутылки было непросто.

— Подковать блоху можно, а вот пустить это дело на поток... — шутит Борис. Он-то знает, сам месяцами жил в Кировграде, где шло внедрение новых сплавов.

Между институтом и Кировградским заводом твердых сплавов заключен молодежный договор о социалистиче-

ском содружестве. Использовался и этот — тогда еще новый — путь для ускорения внедрения.

Борис автобусом едет в Кировград. В начале пути, когда слева и справа бегут нарядные, заполненные народом центральные улицы Свердловска, и потом, когда стеной встают с обеих сторон мощные заводы, и позднее, когда их сменяют опять жилые кварталы, а потом — теплицы, целый городок под стеклянными крышами, Борис думает о вчерашнем.

Было партсобрание — и его принимали кандидатом в члены КПСС. Рекомендацию дал ему Швейкин, член-корреспондент АН СССР, директор института, его учитель.

Пожалуй, так волновался Борис только в Москве, когда приехали они целой группой во главе с директором института Швейкиным и кандидатом наук Владиславом Дмитриевичем Любимовым во Всесоюзный научно-исследовательский институт твердых сплавов. Приехали доказывать, что можно получить новые твердые сплавы — без вольфрама, на основе карбонитрида титана. Москвичи не верили. Они пробовали повторить опыты уральцев — не вышло... Ситуация была хуже не придумаешь! Целый отраслевой институт — нельзя же скакать со своими рекомендациями через их голову. Стенка! Оно, если спокойно разобраться, может, и верно. Мало ли кто чего напридумывает, нельзя же каждый раз промышленность перестраивать... Надо было доказать!

Только первую лодочку с образцами в печь посадили — волнение как рукой сняло! Что ж, пусть поглядят, поучатся...

Все вышло в высшей степени удачно. Лед тронулся. Лед-то тронулся — министерство на ноги подняли, Госкомитет СССР по науке и технике подключили, заверили, что могут предложить промышленности интересные разработки. А что теперь? На маленьких установках все получалось, а заводская не потянула.

Автобус катил по Уральским горам, легко съезжал с небольших перевалов и снова, натужно гудя, полз вверх. Туристы на задних сиденьях слаженно, задушевно пели:

А на крыше Хибин три недели пурга,
Стелет ветер мужчинам лихую постель.

И дрожат перевалы, и пляшут снега,
И пурга вылетает из труб пропастей...

Песня уводила Бориса далеко-далеко, на Чукотку, где студенческий строительный отряд разгружал баржи с цементом. По двое суток вкальвали, и не уйдешь, не скажешь: устал, братцы! В тюрм спустишься, там облако пыли, дышать нечем. Мешок на плечи — и пошел. Как маятник: вверх-вниз, до того, что кровь из носа... Работал отряд в районе БАМа и Амурской области, под Магаданом и на мысе Шмидта. В стройотряды рвались. Конкурс — шесть человек на место. А уж попал — держись!

В Кировград на днях уехал сотрудник лаборатории Виктор Яглыев, как-то у него дела?

...Бросить портфель в заводской гостинице — один момент — и на работу. Вахтерша здоровается с Борисом, как со старым знакомым. И пропуск, постоянный завод-

Партия будет и впредь повышать роль комсомола в воспитании подрастающей смены, в практическом решении задач ускорения социально-экономического развития страны.

Программа Коммунистической партии Советского Союза.

ской пропуск, не надо показывать. Вместе с мастером Володей Кругловым прошли по цеху. На печи карбонизации инженеры завода предложили поставить вторую трубу — теперь через печь можно пропускать больше лодочек с брикетами... Да и брикетирование смесей помогло, но все это не решает главного. А главное: вакуумная печь капризничает. Такой печи не было прежде в цехе, специально для производства нового сплава заказали ее, а остальное оборудование использовали старое, приспособили прежнюю технологическую цепочку.

— Насосы каждые три дня летят... Замучились мы с ними.

— А что качество?

— А... То же самое! Твердость есть, а прочность ни к черту!

Вакуумная печь стояла. Рабочие перебирали насосы.

— Где Жилиев?

— Сейчас спустится... Да воп идут с начальником цеха...

Жилиев привез на завод температурный режим разложения каучука. Каучук должен был склеивать сыпучую смесь, а потом улетучиваться. Склеивать-то он склеивал, а потом начинались неувязки.

— Привет, Борис! Наконец-то! Тебя ждали. Завтра будем опять пробовать.

— Корректировку режима сделаем, как вы предлагаете. — Начальник цеха Д. И. Пельц надеется на ученых. В самом деле, такую кашу заварили, и вот осечка.

— Будем смягчать режим. — Борис знает, что в конце концов укротят они эту печь, сколько же она будет сопротивляться! Фундамент есть, фундамент надежный — за теоретическую часть можно ручаться! Такой крепкий фундамент, что высокий замок можно возводить и со шпилем.

Вечером Борис с Виктором Жилиевым и Сашей Хохловым, молодым инженером из этого же цеха, бродили по улицам городка, раскинувшегося по сопкам. Лес — рукой подать... Рядом — Висимский заповедник, где стоят первобытные, никогда не рубленные леса. Где волюно живут звери и птицы. Где на шиханах греются змеи, снуют ящерки да обитают, паверное, еще и герои бажовских сказов. Висим — родина Мамина-Сибиряка, древний Урал...

Кировград — бывший демидовский рудник Калата. Это старое имя помнят жители городка, и давняя слава этого края сегодня расцветает новыми красками.

— Сам Орджоникидзе приезжал, помогал налаживать производство на медькомбинате. — Саша Хохлов направлен сюда после окончания ленинградского института, но история этих мест занимает его разве чуть-чуть меньше, чем производство твердых сплавов и рационализация.

— Знаю, слышал, — отзывается Борис, — а наш завод эвакуирован в годы войны из Москвы...

«Наш» — не случайная оговорка. Завод твердых сплавов стал для Бориса своим, родным.

— Но как бы все-таки удлинить процесс спекания? — он все время думает об этом, мысль тревожит, как рана...

Через несколько дней на совещании у директора предложения ученых получают четкую форму. Чтобы удлинить процесс спекания, добиться полного удаления паров каучука и высокого качества сплава, нужно поставить еще одну вакуумную печь. Разделить процесс на два этапа. Решение простое — удивительно простое! Но вот вопрос: а где взять вторую печь?

— Попробуем использовать корпус от старой печи... Кое-какие детали из нержавеющей стали сделаем...

Не зря инженеры Кировграда работали это время рука об руку с учеными — творческий запал коснулся всех...

И они победили.

Сплавы, изготовленные на Урале, триумфальным маршем проходят по выставочным павильонам ГДР, ФРГ, Югославии, Франции, Болгарии. Золотая медаль Лейпцигской ярмарки — свидетельство высокого уровня разработки уральских химиков. В восьми странах мира, в том числе в ведущих капиталистических, запатентованы новые сплавы. В нашей стране они используются на двухстах предприятиях.

Однако настоящий ученый всегда недоволен. Борис едет на стажировку в США, занимается новой темой — плазменным нанесением тугоплавких покрытий...

СТАЖИРОВКА

Уже была за плечами Австрия, где Борис читал лекции по химии в одном из университетов. Австрия — картинно красивая, праздничная страна. Но поездка в Соединенные Штаты Америки особенно ответственна. И по срокам больше, и работа серьезнее. Борис ехал с ясным сознанием того, что надо выложиться, поработать на максимуме, чтобы не посрамить земли русской.

Вел исследования, работал вместе с химиком Луисом Тотом и специалистом в области плазмы Эмилем Пфендером — опубликовали совместные статьи. Потом Борис рассказывал:

— Один из американских ученых, Дональд Эллис, бывал на стажировке в СССР, работал в Институте химии. Его всегда удивляла и поражала атмосфера доброжелательности, для нас совершенно естественная. Сотрудничество помогает нам лучше понять друг друга.

Коллеги по работе относились к нам в высшей степени дружелюбно: они видели, что мы приехали дело делать, а они дело превыше всего ценят.

Знают они о нас очень мало, порой их неосведомленность просто поражает. Некоторые уверены, что в мире есть только три крупных города: Сан-Франциско, Нью-Йорк и Вашингтон. Телевизор включишь, только и слышишь: «Советская угроза...» Но, к чести американцев, надо сказать, что они хотели бы знать о нас больше, им просто не дают достаточно объективной информации. И когда в кинотеатрах идут советские фильмы, они пользуются большой популярностью. Для многих это — открытые неведомого мира...

Шовинизм процветает. Достаточно посмотреть, как неистовствуют зрители на трибунах во время матчей. Великая нация должна везде и всегда побеждать! Они чувствуют, что теряют свои позиции в мире, и это отражается не только на экономике, но и на характерах и взглядах людей. В большинстве они — индивидуалисты. Такими их делает неуверенность в завтрашнем дне. Даже профессор в Штатах не знает: а не потеряет ли он место на будущий год?

БУДНИ

Суета будничной работы... Борис возглавляет группу по изучению физико-механических свойств материалов. Но суета — это внешне. Все подчинено главной цели.

— Истина относительна — вот основной тезис, который движет ученым. Видим недостатки, смотрим, как крутить дело дальше. Скептицизм ученого — понятие конструктивное. Внедряем один сплав, а разрабатываем уже другой!

...Плазменная струя рождает грохот и свет молний. Фантастически преобразается мир вокруг, и даже темные очки кажутся бесполезными.

— Очень прочно садится покрытие, — объясняет Бо-

рис. когда молния гаснет, — промышленность уже использует такие установки, но это лишь первые шаги. Мы должны научиться исследовать структуру этой тонкопленочной пленки, добиваться наибольшего эффекта. Делать «слоенные пироги», чтобы полнее раскрывались свойства различных веществ.

Новая тема — продолжение прежних исследований, но и ломка первичного, выход на новые горизонты. Дни уходят на работу с технической литературой, нужно быть в курсе всего, что делается в мире по этому направлению. Чтобы не изобретать велосипед.

Кто-то из ученых в шутку говорил, что занятие наукой — это удовлетворение собственного любопытства. Но это не совсем так. То «эгоистическое» удовольствие, которое дает процесс познания, соединяется с удовлетворением от мысли, что не зря живешь на свете, не зря ешь свой хлеб. Но удовольствие и удовлетворение посещают ученого редко — в момент победы, научного прозрения. Чаще же — неудовлетворенность и беспокойство.

СОВЕТ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Желтый песчаный пляж, спокойная голубая гладь воды, чайки, что с криками посятся за кормой маленького прогулочного катера. Тишина... Чуть слышно шумят вековые сосны. Все вокруг уже напоено прохладой, но в воздухе еще стоит знойный солнечный запах уральского леса... На базе дома отдыха «Шарташ» проходит областной семинар секретарей комсомольских организаций НИИ, проектных и академических институтов. Идет серьезный разговор о главных задачах советов молодых ученых и специалистов. Выступает делегат XIX съезда ВЛКСМ Борис Митрофанов: «Мы должны заниматься пропагандой целевых комплексных программ развития края, используя для этого все возможные пути: выставки, конференции, семинары. Во-вторых, нужно выбрать из необъятного конкретного дела и довести его до конца. Комплексные творческие молодежные коллективы — КТМК — это кратчайший путь к внедрению. У нас в области их более 300. Развитие КТМК — отряды «Наука».

— Не надо нам никаких коллективов! Работаем по договорам, и хватит!

— Забот — сверх положенного, а в оплате никаких преимуществ!

Тянется лес рук. Скептиков и сегодня больше чем довольно.

— Но такие коллективы зарекомендовали себя отлично. У нас как еще порой бывает? Человек приходит в институт и годами кальки трет. А тут — реальная возможность проявить себя! Интерес личный и общественный соединяются. К тому же в коллектив вливаются люди с предприятий, проще решать вопросы внедрения.

Борис говорит, как всегда, по сути и главное. Он готов сто раз объяснить тем, кто не понимает, доказать тем, кто сомневается. Но вот тем, кто сознательно не хочет работать, — тем он не прощает! Не понимает и не хочет понимать, чем можно объяснить равнодушие...

С приходом Бориса в совет работа пошла веселее. Многие из членов совета по характеру — полная противоположность Митрофанову, мягкие, ровные, спокойные люди. И в этом коллективе уравновешивается взрывная энергия Бориса.

Генератор идей, физик по образованию Андрей Королев, заведующий отделом обкома комсомола, комсорг ЦК ВЛКСМ по Уральскому научному центру АН СССР, кандидат химических наук Виктор Краснов. В небольшой комнатке отдела затеваются горячие споры, тут спокойно не проживешь...

А вокруг них молодые ученые, те, кто приходят в обком запросто, как к себе в институт — с идеями и предложениями. Товарищи рядом — спора Бориса. Как сегодня наука — дело коллективное, артельное, так и общественные поручения молодые ученые выполняют дружно, вместе, в одной связке.

Урай... Туда я ездила с Вениамином Дрягиным, лауреатом премии Ленинского комсомола, руководителем областного штаба по шефству над разработками научных идей и рекомендаций для Тюмени, на скважины, где внедряются предложения ученых Уральского политехнического института.

Поздняя осень. В Свердловске — морось, слякоть, а в Урае ребята катятся на коньках, лихо съезжают с небольших горок. Мы едем к своей скважине. Катерок перетаскивает через Конду паром. Среди машин и паш «Урал-375» — передвижная лаборатория. По лежневкам едем сквозь болота и чахлые леса. Места тут низменные, и наша скважина, в которую опущен излучатель ультразвука, стоит посреди скучного, ветреного болота. Машина идет осторожно — в ней установлен генератор. На время командировок ученых эта машина — их дом и место работы. Из досок сколочен «сервант», тут же продукты, посуда. В ящике под скамейкой — палатки, спальные, накомарники...

В ноябре на севере, кажется, всего лучше: и гнуса нет, и морозец легкий, ласковый. Ученые подключают аппаратуру к излучателю. Становится жарко. Вениамин скидывает куртку, пиджак, остается в одном свитере. Наступает главный миг. Включается генератор — мощный рев наполняет машину и весь окружающий мир. Там, на глубине в километр, начинается акустическое воздействие на пласты — то самое, что должно увеличить добычу нефти.

Но тогда ученые только отправляли в путешествие звук. Теперь же решено создать новую аппаратуру для исследования глубоких горизонтов, и в первую очередь Баженовской свиты, этого загадочного, богатого, но капризного горизонта тюменских месторождений. Звук будет отправлен в глубь пластов, а эхо его услышат точные приборы. Ученые хотят исследовать пласты, как врач прослушивает сердце больного. Тут найдется работа и математикам, и геологам, и радиоэлектронщикам. Новый коллектив, в состав которого входят молодые ученые из нескольких институтов Свердловска и Тюмени, возник на стыке наук, на грани теории и практики. Может быть, в этом и заключено то зерно неформального подхода, которое, прорастая, дает новые всходы. Это только одна работа из тех 35, которые контролирует штаб по шефству... Вместе с Вениамином занимается этой работой и Борис, председатель областного совета молодых ученых и специалистов.

Владимир Пыхтин, инженер Уралцветметавтоматики, начальник штаба по автоматизации и механизации ручного труда, несколько лет занимался автоматизацией «широкополки» и универсального балочного стана на Нижнетагильском металлургическом комбинате. Восемнадцать организаций страны заключили договор. Работа завершена, автоматика действует. Чем теперь должны заниматься члены штаба?

Думали вместе с Борисом Митрофановым, тем больше что живут они по соседству. И мысль родилась...

В Кировском районе много предприятий легкой и пищевой промышленности, которые не имеют своей научной базы. Почему бы не посмотреть их проблемы? Сергей Щеклеин, тоже кандидат наук, председатель районного совета молодых ученых и специалистов, вместе с Володей ходил по предприятиям, в райком партии.

В итоге был составлен темник узких мест, своеобразный банк заказов для комплексных творческих молодежных коллективов и отрядов «Наука». Одна из первых тем, за которую взялись молодые инженеры, — это разработка датчиков для определения влажности муки на хлебо-заводе-автомате. Вот — конкретное дело, конкретное участие в выполнении Продовольственной программы.

Я назвала только несколько человек, на которых опирается Борис Митрофанов, которые составляют мозг и силу совета. Можно было бы назвать еще многих-многих увлеченных, для которых, как и для Бориса, их дело — это их страсть, и занимаются они им не по обязанности, а по желанию, выполняют не только свой долг ученого, инженера, но подчиняются велению совести. Об этом я думала, когда сидела и слушала на семинаре выступления ребят.

— Однако мне надо еще в институт, я вернусь часа через три. — Борис Митрофанов крепко жмет руки друзьям. И по привычке своей вскидывает вверх кулак — приветствие интернационалистов, его, митрофановский, характерный жест. Уходит быстро, легкой походкой, стремительно. Невысокий, крепкий, в неизменном своем кожане, не шел — летел вперед Борис.

НАДЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Послушай, послушай Высоцкого...

Он любит песни Высоцкого, сам немного поет и играет. Воскресный вечер, когда можно позволить себе и отдохнуть. Утром с сыном бродил по Уктусу — такая разрядка помогает закрутить себя, как закручивают пружину часов, чтоб энергии хватило на рабочие дни недели. Я удивляюсь, почему по Уктусу, ведь рядом Шарташ...

— Там горы.

Между делом выполняя обязанности хозяйки, Надя, жена, успевала проверить, как сын выглядел брюки, — это тоже воспитание привычки к труду. Надя во всем помогает мужу, понимает его. Ее мягкостью, добротой, приветливостью живет этот дом.

«Быть может, кто-то скажет, что Борису Митрофанову, мол, легко сохранять жизнелюбие и светлое восприятие — все-то у него хорошо, все блага идут в руки. Но это не так. Истина в том, что он гнется, да не ломается! Порой организм не выносит бешеной нагрузки, прихватит сердце... Но он заставит и болезнь отступить. И неудачи воспринимает как полосу, которую можно пересечь...»

Есть в технике термин — «надежность». И как надежны сплавы, которые делают на Урале, твердые сплавы, так бывают надежны и люди...

Когда верстался этот номер, стало известно, что в Институте химии Уральского научного центра АН СССР создана новая лаборатория — проблемная лаборатория износостойких покрытий. Заведующим ее назначен Борис Митрофанов. Работа идет в тесном контакте с лабораторией резания уралмашевского научно-исследовательского института, с заводской наукой. То есть разработки ученых непосредственно служат задачам развития производства. И трудности внедрения таким образом сами собой исчезают. Разработки ученых, проверенные на Уралмаше, становятся достоянием всей нашей машиностроительной промышленности. Создание таких лабораторий в Уральском научном центре — это ответ ученых на новые требования жизни, их вклад в ускоренное научно-техническое прогресса, в укрепление связи науки и производства, в решение задач, поставленных XXVII съездом партии.

«Уральский следопыт» на Ямале

В декабре прошлого года из Тюмени в Харасавэи вахтовым самолетом вылетела творческая группа журнала «Уральский следопыт». В нее вошли члены редколлегии, главный редактор журнала С. Ф. Мешавкин, зам. главного редактора Д. Я. Лившиц, зав. отделом краеведения А. П. Поляков, ответственный секретарь Тюменской писательской организации Е. Г. Ананьев, поэт О. А. Поскребышев (г. Устинов), а также свердловские писатели Г. Ф. Дробиз, В. Т. Станцев, Р. П. Ругин (Салехард), заведующий редакцией художественной и детской литературы Средне-Уральского книжного издательства С. И. Казанцев, зав. отделом критики журнала «Урал» Е. С. Зашихин, зав. отделом культуры Ямало-Ненецкого окрисполкома А. М. Марласов.

В Харасавэе состоялось заседание выездной редколлегии «Уральского следопыта», которое обсудило перспективный план содружества трудовых коллективов округа и редакции журнала, в частности, план публикаций под рубрикой «Ямал — «Уральский следопыт». Члены редколлегии, а также начальник Карской нефтегазоразведочной экспедиции Н. Ф. Лагутин, секретарь партбюро А. И. Зуев, бурильщик Владимир Руденко, главный геолог Г. В. Чебышев, председатель профкома Г. А. Матвеев, комсорг Лариса Чабанюк, машинист котельных установок А. Д. Храпцов и другие высказали ряд интересных, глубоких предложений по улучшению содержания и оформления журнала.

Из Харасавэи журналистско-писательский десант на вертолете в условиях полярной ночи пересек Ямальский полуостров и «опустился» в Сабете, где расположена Тамбейская нефтегазоразведочная экспедиция. Далее маршрут проходил через Обскую губу — в вахтовый поселок Тадебьяха.

Писатели, журналисты выступали с рассказом о журнале, с чтением своих произведений в клубах, мастерских, непосредственно на буровых. Всего для геологов и буровиков Карской, Тамбейской и Гыданской экспедиций было дано шестнадцать литературных вечеров. Читатели, надеемся, лучше узнали журнал, творчество уральских и тюменских литераторов, для сотрудников журнала ближе и понятнее стали проблемы, волнующие разведчиков недр далекого Ямала.

ИНТЕРНАТ имени ГАГАРИНА

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

1. НАЧАЛО

Когда интернат открылся, я перешел во второй класс. Воспитательница привела меня в спальню, где на койках была навалена одежда, и сказала:

— Выбирай.

Я долго выбирал, а выбрав и переодевшись, вышел из спальни в зал, где стоял бильярд и громадилось большое зеркало — трюмо. И первым, кого я встретил, был Колька Радин.

Он подошел ко мне и, усмехаясь, спросил:

— Новенький?

— Да, — признался я.

— В морду хошь?

— Нет, — оробел я.

— Плохо, — сказал он.

— Почему? — спросил я, сам не зная зачем.

Он засмеялся, выставив мелкие колючие зубы:

— Потому что рыжий.

Я не понял.

— Кто?

— Ты.

Самое странное было в том, что он был рыжее меня, и я огрызнулся:

— Сам ты рыжий!

— Что?! — Он подступил ко мне вплотную. — Ты рыжий! Понял?

И я не выдержал. Ударил в сунувшиеся желтые глаза, как учил меня отец: прямо, со всей силы, в нос.

И мы схватились, упали на пол, забарахтались, а когда нас разняли, то трудно было определить, кто из нас кто: кровь из разбитых носов залепила лица, новая форма была в пятнах. Нас послали мыться, а потом наказали, заперев в одной комнате до обеда. Так мы и подружился.

2. ЛЕВОЧКА...

С того дня, как мы пришли в интернат, мир как бы разделился на два противоположных лагеря: на нас, живущих в интернате, и домашних, которые жили в бараках за интернатским забором. Они дразнили нас инкубаторскими. Вражду начали именно они.

Теперь я понял, почему мы не ладили. Домашники завидовали нашей добротной одежде, разнообразной жизни, трехразовому питанию с первым, вторым и третьим, бесплатному кино и еще многому другому, что казалось им никогда недоступным. Мы же завидовали одному — свободе домашних. И еще, конечно, тому, что их не могли назвать безотцовщиной, как нередко, жалеючи, называли нас.

Часто между нами возникали драки.

Побеждали обычно мы. Нас было не больше, чем домашних, но мы были дружнее. Даже самые слабые и робкие из нас, и те никогда не уклонялись от потасовок, стояли до конца. Мы были коллективом.

Никогда не дрался один Левка. Он был сыном старшего воспитателя, ходил каждую неделю в чем-нибудь новом, всегда в белоснежных рубашках, повязанных у горла черным бантом, и до блеска начищенных ботинках. Учителя называли его Левочкой. Он был наш и вроде не наш. Наш — потому что учился вместе с нами, а не наш по той причине, что жил дома, у него были отец и мать, бабушка и дедушка и многочисленные тети. Эти тети, тощие и плоские, приходили за ним после занятий и уводили в музыкальную школу. Там Левочка учился играть на пианино.

Поначалу мы относились к Левочке равнодушно, но позже, узнав о пианино, стали над ним смеяться. Нам казалось, что музыкой могут заниматься лишь девчонки.

— Левочка-девчоночка, — издевались мы, — покажи пальчики...

Он никогда не жаловался учителям или отцу, а нам очень хотелось этого, только его безропотное молчание сдерживало нас от более решительных поступков. Чего только мы не выдумывали, надеясь вывести его из себя, принудить к жалобе, но он терпел и молчал.

В актовом зале стояло пианино. Выбрав время, когда учителя ушли на педсовет, мы отомкнули гвоздем замок крышки и принялись в несколько рук бить по клавишам.

— А ты хоть так умеешь, Левочка-девчоночка?..

Он поднял на нас затравленные глаза и молча подошел к инструменту. Мы расступились, а Ле-

вочка, ведь совсем маленький мальчик, встал у черной громады, поднял руки и опустил их на клавиши...

...Последний звук давно уже уснул внутри черного ящика, Левочка ушел в класс, а музыка все звучала и звучала.

— Я видела маму,— тихо сказала Галя Павлова.

Никто ей не ответил. Мы стояли молча, наедине с собой, пытаюсь понять, что в нас произошло. Мы не знали, что именно, но знали, что это сделала музыка, а музыку — наш Левка.

3. ЛЯЛИН...

Его привели в наш класс два милиционера и сказали:

— Вот ваш новый товарищ.

«Новый товарищ» сплюнул на пол, растер плечок разбитым футбольным бутсом и изрек:

— Волк свинье не товарищ.

— Гусь,— поправили милиционеры и ушли, громко топоча сапогами.

А Петька Лялин остался. И началось...

В классе:

— Лялин, перестань резать парту!

— Какую?

В столовой:

— Лялин, не бросайся хлебом!

— Куда?

В спальне:

— Лялин, все уже легли, а ты?

— А я не лег...

Воспитательницы разводили руками, звонили в милицию, созывали педсоветы, а Лялин говорил нам:

— Все это мур!

И мы соглашались. Мы страшно завидовали Петьке. Завидовали его исколотым рукам, его расхлябанной походке, длинному чубу, прикрывающему маленькие юркие глаза, папиросам, которые он курил в открытую, не прячась в саду или в уборной, а особенно слову, каким называл себя Лялин,— урка.

— Урка,— объяснял он,— это вор.

И часами рассказывал, как воровал, как сбывал краденое на толкучке, обводя вокруг пальца ментов, и как потом встречали его на малине знатные воры и первыми протягивали руки.

— Я,— хвалился Петька,— вор в законе и в любой колонии свой человек.

И мы верили ему, хотя ничего такого за ним не замечали, и продолжали завидовать. И не только его необычной жизни, но и тому, как он играл в хоккей и работал в мастерской. Любой инструмент оживал в его татуированных руках и делал

то, что желал Петька. И клюшки, какими мы гоняли шайбу, и стулья, на которых сидели, и шахматные фигурки — все умел делать Петька Лялин. И учитель по труду, Степан Петрович, один защищал его на бесчисленных педсоветах, а после говорил Петьке, хмурясь и капляя:

— Ты вот что, брат, кончай...

И Лялин на несколько дней смирился, воспитатели облегченно вздыхали. А потом на Петьку будто накатывало: он срывал уроки, бил стекла, курил у кабинета директора, а иногда куда-то пропадал и возвращался через неделю-две. И после очередного такого возвращения педсовет постановил: при малейшем нарушении передать Петьку Лялина в исправительную колонию. На этот раз Степан Петрович не сказал Петьке своего обычного: «Ты вот что, брат, кончай...», а молча ушел, сутуля и без того сутулые плечи.

Лялин, проводив его взглядом из-под чуба, поднялся на второй этаж в класс и впервые стал делать домашнее задание.

И мы не удивились, мы поняли, что Петьке пельзя.

С этого дня Лялина стало не узнать.

— Исправился,— гордились собой учителя.— Молодец!

Петька слушал и уходил в мастерскую к Степану Петровичу, с которым проводил все свободное время.

Наступила весна, когда Толик Шелков принес из дома длинный острый нож с разноцветной наборной ручкой, и после уроков, окруженный нами, принялся метать его в дверь. Нож, взвизгнув в воздухе, ударялся в нее то ручкой, то плашмя. И сколько Толик ни бросал, сколько ни клялся, что бросать умеет, нож не втыкался в дерево.

Нож взял Петька Лялин.

Как-то по-особому вложив его в ладонь, отвел руку за спину и, подавшись немного вперед, метнул. И в то мгновение, когда нож вошел в дверь, она распахнулась и в проеме застыл завуч, Михаил Павлович, не спуская глаз с дрожащей ручки ножа на уровне своего контуженного в войну плеча.

Мы сблизись в кучу.

— Лялин, со мной.

Петька побледнел, сжал тонкие губы...

— Это не Лялин,— вдруг услышали мы.— Это я.

Михаил Павлович посмотрел на Толика Шелкова.

— Значит, будешь исключен ты.

Когда Толик, плача, выплеснулся из учительской, где проходил педсовет, нас, сразу замолчавших, растолкал Петька Лялин и шагнул навстречу самому себе, в еще незакрытую дверь...

4. ЖИВАЯ СТЕНА

У всех малышей есть большие и маленькие тайны.

Нашей тайной был кривоногий, черно-белый, рыжехвостый щенок Верный.

Мы нашли его за кочегаркой, на куче шлама, еще слепым и липким. Он тыкался розовой пуговкой носа в труп огромной собаки — его матери — и мяукал. Мяукал как котенок. Мы взяли его с собой, незаметно пронесли в спальню и спрятали от воспитателей в стенном шкафу, где хранились половые тряпки и вставленные одно в одно, как матрешки, ведра. Там он высиживал до обеда, а после обеда приходили мы и, выставив за дверь дежурного, кормили щенка и играли с ним.

Верный оказался невероятно смышленным. Уже через месяц он выучился ходить на задних лапах, а позже мы научили его сердиться, как сердился учитель по физкультуре, отчитывая кого-нибудь из нас.

— Верный, — просили мы, — посердись.

Щенок, для вида поломавшись немного, подтягивал под живот хвост и осторожно крался к двери. Подкравшись, косил по сторонам, затем вставал на задние лапы и, прильнув вислым ухом к двери, прислушивался, морща как бы в раздумье мордочку. Войдя в роль, он прижимался к полу и, побыв в таком положении с полминуты, вскакивал и бегал взад и вперед, громко и отрывисто повизгивая. Точно так, как делал физорг.

Представления и погубили Верного.

Однажды, увлекшись игрой щенка, мы забыли выставить дежурного, забавляясь, не заметили учителя физкультуры, бесшумно вошедшего в спальню. Он досмотрел все до конца, а потом, растолкав нас, ошеломленных, схватил щенка и швырнул его в распахнутое по-весеннему окно. С третьего этажа.

Мы бросились вниз...

Жестокость рождает жестокость.

В этот же день мы изрезали ножом новый плащ физрука, а на следующее утро отказались учиться. Отказались не только мы — вся школа, с первого по восьмой класс.

Мы собрались в актовом зале и встали вдоль стен, наблюдая за физруком, который метался между нами, то угрожая, то заискивая. А мы молчали и не двигались. Но когда он бросился к выходу, его не пропустили. Перед ним сомкнулась стена.

Живая стена.

Наконец пришла директор, Ксения Михайловна, и сказала:

— Я вам обещаю, что этот, — она кивнула на

подскакившего к ней физрука, — получит по заслугам.

Больше мы его не видели.

Никогда.

5. ПИСЬМО ГАГАРИНУ

Нашему интернату присвоили имя Юрия Алексеевича Гагарина. В честь такого события приехали шефы. И не просто, а с подарком. Им был настоящий истребитель марки «Як». На таких воевали в войну.

На улицах стояла весна, всех нас выстроили на стадионе, говорили разные речи, а потом лучших учеников сфотографировали возле истребителя. На следующий день один из снимков появился в областной газете. Самолет же остался стоять на стадионе.

Все свободное время мы проводили возле него: протирали фюзеляж, стекла кабины, которую Толик Шелков называл фонарем, мыли колеса — шасси, а раздобыв красной краски, подновили звезды на крыльях. Истребитель блестел, как новый.

Через полмесяца, когда мы забыли уже о пальто, задули сильные ветры, повалил снег, и истребитель перетащили в гараж, отняв у него крылья. А на двустворные ворота навесили амбарный замок.

— Это ничего, — утешали мы друг друга, — вот наладится погода...

Погода наладилась, а замок с ворот не снимали.

Отчаявшись увидеть свой самолет, мы решили написать письмо Гагарину. Писали мы его много дней, споря между собой о каждом слове, наконец, запечатали конверт «АВИА», а в положенных графах написали: «Москва. Летчику-космонавту СССР Юрию Алексеевичу Гагарину». И, конечно, обратный адрес не забыли.

Мы не сомневались, что письмо дойдет и Гагарин нам ответит, поэтому ждали терпеливо, тщательно скрывая нашу тайну от учителей и воспитателей. Забыли об одном — летних каникулах...

Первого сентября, вернувшись в интернат, мы сразу же увидели наш истребитель.

Он стоял, подняв нос в небо, на каменном постаменте.

Не знаю, возможно, учителя специально спрятали самолет до летних каникул в гараж, чтобы потом поставить его на постамент. И все-таки хочется верить, что письмо от Юрия Алексеевича было.

г. Омск

«...КАКИМИ БЫ МЫ БЫЛИ УМНЫМИ И ДОБРЫМИ ЛЮДЬМИ!»

Самуил Яковлевич Маршак написал эти стихи:

Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети.
И все же они умудряются как-то
Понять, что творится на свете...

Сданы экзамены по литературе. И экзаменационные билеты начинает подсовывать сама жизнь. Формулировки в них расплывчаты, ответы противоречивы... «Что-то ты делаешь не так», «Не кажется ли тебе, что ты сбился с курса, потерял ориентиры?», «Откуда у меня столько злости!», «Ужас, я становлюсь все добрее и добрее, что делать?».

Вопросов много. И нет строгого экзаменатора, который поправит, даст консультацию, выручит советом. Отвечать приходится перед самим собой.

А может, есть такой советчик?..

Корреспондент: Исключаем вынужденный вариант — задали подготовиться к уроку. Исключаем вариант авиапассажира — чтение «от нечего делать». Оставляем только тот, который диктуется внутренней потребностью. У литературы есть синоним — жизневедение. Итак, что дает литература вам?

Владик Тихонов: Примеры для подражания. Я на них постоянно ориентируюсь. Любимая книга — «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова. Разве не стоит учиться у Буранного Едигея стойкости, несуетливости, обстоятельности? А вниманию к прошлому? Нет, я не розовый мечтатель. Я прекрасно понимаю, что Едигей будет жить сам по себе в истории нашей литературы, а современные манкурты с бритыми висками и наколками фашистских свастик — сами по себе, они могут никогда и не узнать, что был на свете такой Едигей... Но мы-то отметим, сравнивая: вот этого, едигейского, у них нет, нет памяти и боли прошлого...

Банально, но четко: духовное развитие — от литературы. Сопоставляя свои поступки с поступками литературных героев, мы развиваем в себе лучшие качества ха-

ПОНЯТЬ, НА

рактера, добреем, умнеем. Хорошая литература — и как популярный учебник психологии. А если неплохо разбираешься в человеческой психике — легче жить. По крайней мере, понимаешь действия и свои, и чужие, которые одной логикой не объяснить.

Таня Сигал: Ты сказал: «Легче жить». Но ведь личность воспитывается не только для себя?

Владик Тихонов: Я не думаю, что кому-то будет плохо, если его научатся понимать. Вот если бы ты меня правильно поняла, я бы от твоей «отсебятины» несколько бы не пострадал.

Катя Малышкина: Мы знакомимся не только с психологией, но и со взглядами на разные стороны жизни. Даже в беллетристике писатель дает какие-то конкретные сведения. За «Тихим Доном» встает история гражданской войны, быт казачества... За романом «Сто лет одиночества» — жизнь Латинской Америки...

Саша Очканов: «Цените книгу — источник... информации!» Так к литературе подходят в классе третьем. «Ух ты, крепостные стены на яйцах замешивали...», «Ах ты, оказывается, в Китае живут китайцы...». О-ей-ей! Тогда надо всю жизнь читать «Энциклопедический словарь»... От литературы берут другое.

Марина Дзюба: Литература учит любить людей. Сначала — Колобка (хотя какой же он человек?), потом баламута Незнайку, одинокую Пеппи, Овода...

Б. А. Каземирова: ...Болконского, Анну Каренину, Раскольникова, князя Мышкина. Людей неоднозначных, со своей широтой и ограниченностью.

Анжелла Колпащикова: По-моему, все, что вы называете, — вторично. Главное в том, что литература учит нас размышлять, ставит вопрос за вопросом. А отвечать на эти вопросы — дело наше, читательское. А по большому счету — человеческое. «Я мыслю, значит, я существую».

«Вот они безмолвно стоят перед нами, книги, — дома ли, в библиотеке ли, в чужой ли квартире, на прилавке... Если бы они сами обладали способностью заставить читать себя! Какими бы мы были умными и добрыми людьми!

Молчат книги. Сверкает экран телевизора, требует внимания радио, манит афишей кино. Книги молчат. Нет ничего на свете терпеливее их, послушнее, безропотнее. Самые значительные книги забыты, небрежно заброшены на чердаки, в чуланы, подвалы. Книга все стерпит, погибнет, не издав ни стога. Книги не жалуются, когда их не читают и не радуются, когда их открывают. Полные страданий, мудрости, улыбок, иронии, лукавства, гнева — живые, каким и не всякий человек может быть, — книги замирают на полках. И все-таки они кричат.

Услышим их...

«Ни дня — без строчки», — сказал древний писатель Кай Плиний. «Ни дня — без странички», — скажем мы, читатели, вслед за ним.

Великая это радость — жить на земле еще и читателем. За все время существования нашей страны мы — первое поколение, которое все, до одного человека, умеет читать. Так давайте же читать».

(Из книги С. Соловейчина «Учение с увлечением!»)

ЧТО ТВОРИТСЯ СВЕТЕ...

О ролч книг в нашей жизни размышляют выпускники школы № 76 Свердловска и их учитель литературы Белла Андреевна Каземирова. Дискуссию ведет свердловский журналист Юрий Шинкаренко.

Даниил Пивоваров: Вторично, не вторично... Положительные и отрицательные примеры (поступки, характеры, личности) мы все же получаем. Важно, что они видоизменяются от эпохи к эпохе. Вот почему нужно знать не только древнюю литературу, но и современную. Современные авторы показывают нам Героев Нашего Времени. Причем чем тоньше и незаметнее они это делают, тем больше в них веришь. Я вижу в книгах жизнь, вижу людей и либо верю им, либо — нет.

Корреспондент: Читатель — синоним мыслителя, это верно. Но умение думать приходит не сразу, процесс этот сложен. Когда в полную меру включаются мыслительные ресурсы? Конечно, в критических ситуациях, которых, не сомневаюсь, у вас предостаточно. Хорошо, если выход виден, если внутренних ресурсов достаточно, чтобы осмыслить ситуацию, просчитать варианты и выбрать один, правильный. А если — нет? Не используете ли вы тогда своего читательского опыта? Не прибегаете ли к методу сопоставления, не ищете ли ответа в чьей-нибудь чужой, описанной судьбе? Грубо говоря, вот — неразрешимая ситуация в жизни и вот, аналогичная, — в литературе. Что вы об этом думаете?

Марина Дзюба: Ответы на сложные жизненные ситуации могут быть совершенно разные. Я допускаю, что можно подобрать сходные в литературе. Но герои там не всегда принимают верное решение. Возьмите отчаяние Анны Карениной, или мытарства Григория Мелехова, или ошибки Наташи Ростовой... И потом мы — не они. Какое-нибудь маленькое отличие нашей ситуации потребует, может быть, прямо противоположного решения. Можно играть в шахматы, забывив единственную партию, но неожиданный ход противника собьет все карты. А жизнь куда сложнее шахмат. Литература должна заставлять думать, а не давать рекомендаций.

Корреспондент: А не могли бы вы привести пример какой-нибудь сложной ситуации для вас?

Алеша Кукушкин: Пожалуйста, одна из самых чуждых. Родители мечтают, чтобы ты поступил в один вуз, ты же мечтаешь о другой профессии. Все осложнено тем, что ты глубоко уважаешь родителей и прежде их мнению доверял.

Илья Иохлидов: Нужно поступать, как считаешь нужным.

Алеша Кукушкин: Я считаю нужным выбрать профессию по душе. Но я также считаю нужным считаться со своими родителями...

Илья Иохлидов: Родителей — убедить!

Алеша Кукушкин: Не убеждаются!.. На то он и конфликт!

Корреспондент: Есть ли подобные случаи в книгах?

Марина Дзюба: Наверное, есть такие повести... Но зачем их искать? Есть же дело чисто индивидуальное: сколько бы поколений опыт не сложился, а человек должен найти решение, только для него единственное. Тут важнее другой вывод из той же литературы: нужно быть творческим человеком. Это уже почти истина! А какой из тебя творец, если ты занимаешься нелюбимой работой?!

Анжелла Колпащикова: Как сравнивать, если ты — в книгу с вопросом, а оттуда, как из зеркала, — такой же вопрос, только сформулирован он, может, глубже.

Корреспондент: Повесть «Новенькая» Ивана Зююкина читали? Помните накал страстей? В классе появляется новенькая. Наш герой влюбляется в нее, приглашает в кино. Чтобы скрыть неловкость, зовет с собой преданного друга. Но сам, по стечению обстоятельств, пойти в

кино не может. И когда там возникает любовь, наш герой остается один. Узнаваемая ситуация?

Катя Малышкина: Мы о стихах тоже говорим... Так вот я приведу пример из поэзии начала XX века. Марина Цветаева:

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.
Ни на час, ни на луч, ни на взгляд.
Никому. Никогда.
Пусть погибнут в бессменной ночи города.
В руки возьму, чтоб не смело вертеться по кругу,
Пусть себе руки, и сердце, и губы сожгу!
В вечную ночь пропадет — погонюсь по следам.
Солнце — мое! Я тебя никому не отдам!..

Теперь вложите эти строки поочередно в уста всех троих. Треугольник абсолютно неразрешим...

Илья Иохлидов: Конечно, литература готовит нас к жизни, но не явно. Весь опыт жизни, который накоплен книгами, откладывается в подсознании. Литература — хорошая проповедник, но она не исключает, а включает и наше мнение, и наше отношение.

Оксана Шеварова: Существенный момент!.. В нас что-то должно быть заранее заложено, чтобы воспринимать нравственный мир книг. Я знала одного человека, который поссорился со всем светом, от всех отвернулся и решил жить один. И нашел себе единомышленника в лице... Гюго. Сопоставил аналогичную ситуацию в «Человеке, который смеется» со своей жизнью и сделал вывод: прожизну один! Это как раз говорит против прямого тезиса «литература — пример — жизнь». Если бы парень был умным читателем, имел опыт вдумчивого чтения, а не искал похожих случаев, он бы и у Гюго нашел другие «рекомендации».

Б. А. Каземирова: Вы правы, нужен и предварительный опыт, и какой-то собственный стержень, который закладывается воспитанием, семьей, школой, генетикой в какой-то мере. И чем больше опыт нравственной ориентации в жизни, тем больше дают книги.

Оксана Шеварова: ...Разве есть люди, которые бы не читали «Что такое хорошо и что такое плохо» Маяковского? Но в жизни они поступают иначе. Почему? Книжки их учат одному, а в жизни они видят другое... Толстой вызывает: стань добрее. А дворовая компания подзуживает: не хочешь ли снять часики вон с того хлюпика?.. Достоевский учит: относись к людям с пониманием. А дома твердят: «Думай только о себе!» Астафьев просит: бережнее к старикам! А пьяный хулиган на улице глумится над фронтовыми наградами... И растут лицемеры, которые страшнее неприкрытых подонков!

Б. А. Каземирова: Не книги учат этому. Жизнь — да, преподносит сложности. И в том-то задача читателя, человека, чтобы, оглядываясь на опыт героев книг, найти и сохранить в самом себе нравственные критерии.

Корреспондент: У Джона Пристли есть такая мысль... Каждый из нас существует в собственном мире, и мы «выглядываем» из этого мира наружу и видим, что там что-то совсем другое, неравнозначное — другой мир, внешний, он живет по своим законам... Так вот, литература открывает детям и подросткам оба мира — она помогает «жить в ладу с самим собой».

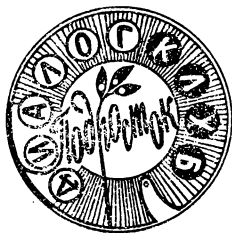
...Вот видите как: литература помогает нам жить в ладу с самим собой. Принимая из книг опыт жизни, накопленный другими людьми, мы добавляем к нему опыт своей собственной жизни. Недаром именно в литературе столь часто слово «типично», то есть собранное воедино из многих характеров, многих ситуаций...

Герои книг помогают жить нам — реальным, не «литературным» — тем, что заставляют думать и над своей, и над их жизнью...

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Учебники нас приучают с детства,
Что несовместны гений и злодейство...
Но приглядитесь к пушкинским стихам:
Герой кто? — Моцарт или же Сальери? —
И Моцарт, и Сальери в равной мере,
А может быть, в неравной — знать не нам.
Нам сложным представляется порою
Отождествление автора с героем, —
С самим собой возможен диалог.
И Медный Всадник скачет, и Евгений
По улице бежит, и грустный гений
Мицкевича все видит между строк...
Из тьмы полночной возникают лица,
Изображение зыбкое двоится,
Коптит лампада, и перо дрожит.
Кто больше прав перед судьбою хитрой —
Угрюмый царь Борис или Димитрий,
Что мнением народным дорожит?
Не просто все в подлунном этом мире,
В нем мало знать, что дважды два — четыре,
В нем сплетены коварство и любовь...
Немного проку в вырванной цитате —
Внимательно поэта прочитайте
И, жизнь прожив, перечитайте вновь!..

Ни дня- без странички!

По его появлению можно было узнавать точное время. Ровно в час он неизменно стоял у кафедры библиотекаря. Каждый день, за исключением единственного выходного. «Что-нибудь про милицию, про убийства» — эти слова он произнес в первый день своего посещения библиотеки и остался им верен. Шестнадцатилетний теперь уже читатель очертил для себя раз и навсегда круг чтения. Но случилось... Иногда удавалось вложить в его руки книги, которые были предложены библиотекарем. На следующий день он возвращал их, утвердительно кивнув на вопрос: «Прочли?» — и снова твердил свое: «Про милицию...»

«ПРО МИЛИЦИЮ, ПРО ШПИОНОВ...»

Галина Алексеевна УСОЛЬЦЕВА, библиотекарь юношеского абонемента первоуральской городской библиотеки:

— Я таких читателей про себя называю «книжными наркоманами». Это не чтение, а проглатывание книг с единственной целью — отключиться...

Корреспондент: ...Или убить время. На римском вокзале можно увидеть такую рекламу: «От Рима до Милана скорым поездом пять часов езды, но если вы возьмете в дорогу детективный роман издательства «Мондадори», то доедете до Милана за полтора часа». Реклама как нельзя вернее подчеркивает сущность детектива как легковесного жанра. Кстати, в Италии детективы издаются в яркой желтой обложке; закоренелый любитель издалика видит то, что создано ему на потребу... В этом отношении нашим читателям посложнее. Но как вы считаете, Галина Алексеевна, такой читатель, принимающий только детектив, — не исключительный случай?

Галина Алексеевна: Очень бы мне хотелось ответить отрицательно, да не могу! Много 15—16-летних ребят, особенно учащихся ПТУ, об-

ращаются с такой просьбой: «Про милицию». Как мы относимся к таким читателям? Очень даже хорошо относимся! Мы рады. Рады, что они пришли в библиотеку... На то и существует библиотекарь, чтобы перекинуть мостик от легковесного детектива к литературе о подвигах наших воинов и разведчиков, а затем — и к серьезному детективу, требующему вдумчивого чтения. Не удается это лишь в тех случаях, когда, «заболев» детективом, юноша уже разучился читать и только просматривает книги.

Корреспондент: В чем видится вам главная беда того, что шестнадцатилетний человек приходит в библиотеку с откровенно пугающей просьбой: «Про милицию, про убийства...»?

Галина Алексеевна: Главная беда в том, что всему есть свое время... Если человек до шестнадцати лет не прочитал Жюль Верна — в двадцать четыре, по-моему, читать его уже бесполезно.

Есть две категории читателей: разносторонние и односторонние. Разносторонние читают всю литературу, рекомендуемую школьной программой, готовятся к защите рефератов, читают фантастику, берут поэтические сборники. Это самая уважаемая нами категория читателей. Но и среди односторонних есть такие, что тоже могут вызвать уважение своей увлеченностью, устремленностью. Конечно, они обедняют себя, когда читают только техническую литературу или только книги о животных и утверждают, что «у них нет времени распыляться». Специалисты из них получатся превосходные, но вряд ли они станут хорошими читателями. К односторонним мы относим и тех, кто «поглощает» фантастику и приключенческие повести.

Я второй год работаю с учащимися первых — седьмых классов. Проблема комплектования библиотек для меня особенно остра. За «Золотым ключиком» — очередь в пятьдесят ребят. «Винни-Пух» — один на тысячу маленьких читателей. А эти книжки тоже надо читать в свое время... В тридцать лет «Винни-Пух» так не воспримется, как в семь! За

Конан Дойлем, Уэллсом, Вальтером Скоттом, Дюма — такие очереди, что половина ребят выбывает из библиотеки по возрасту, так и не получив желаемых книг. Вообще, маленькие читатели настолько доверчивы, что в полном смысле слова смотрят на библиотекаря, как на оракула. Но терпения у них мало: не получив раз-другой желаемой книжки, они больше не приходят. Читают потом то, что ходит по рукам приятелей, — вы знаете, какая это случайная и неприятная литература.

Серьезный, вдумчивый читатель — отрада для сердца!.. Но не дай бог, если хоть третья часть юношества вдруг станет серьезной и вдумчивой!.. Что мы им предложим?! У меня был очень читающий юноша, которого я просто боялась. Он спрашивал Блока, Цветаеву, Ахматову. Что я могла предложить ему? Блока из серии «Школьная библиотека» — тоненькую книжку из огромного наследия! Цветаевой и Ахматовой нет... Он просил Паустовского. Нет... На пять из шести его просьб я отвечала: нет, нет, нет! Тютчев — в серии «Школьная библиотека». Нет даже собранной сочинений Пушкина и Лермонтова...

Корреспондент: Так туго приходится библиотекарям?

Галина Алексеевна: Мягко сказано. Один читатель в сердцах спросил: «А что у вас вообще есть?!» — и ушел. Конечно, без книг он не останется, потому что не сможет жить без них. Но обидно как...

...Читатель, воспитанный на классической приключенческой литературе, способен критически воспринимать легковесные детективы, он попросту не может довольствоваться ими.

Остается предположить, что наш шестнадцатилетний «герой», требующий только «про милицию, про убийства...», лет восемь назад попросил в библиотеке «Приключения Тома Сойера»... и не получил.

ЧТЕНИЕ «ПО ДИАГОНАЛИ»!..

Наталья Васильевна МАСЛОВСКАЯ, заведующая библиотекой Первоуральского завода комплектных металлоконструкций:

— Бездумно можно читать не только детективы...

Добросовестная ученица десятого класса с присущей ей обязательностью читает все, что рекомендуется по программе. Она кладет на стол список, я подбираю ей книги. Если судить по читательскому формуляру, она очень серьезный читатель. А попробуйте с ней побеседовать... И Толстого, и Чехова, и Фадеева она прочла «по диагонали». Добросовестно запомнила сюжет, чтобы пересказать и получить отметку — и все. Иного она не читает.

Рядом с такой читательницей гораздо более симпатичным покажется любитель детективов, у которого романтически-счастливо сияют глаза, когда он возвращает мне «Розыск» Ю. Кларова; целую неделю он воображал себя сотрудником уголовного розыска Косачевским. Уж про него никак не скажешь, что читал бездумно: в воспитании полюбившимся героем, он даже речь свою строит «под Косачевского», по-старому интеллигентно: «Смею вам заметить...»

Корреспондент: Согласна с вами... Интересно только, в какую сторону этот мальчик сделает следующий шаг, какие книги он дальше выберет для чтения. Если от исторических детективов шагнет к историческим романам — хорошо. А если потянется к произведениям Агаты Кристи, к щекочущим нервы романам ужаса — то помимо воли своей станет в ряд бездумных читателей.

Каково ваше отношение, как библиотекаря, к подбору книг для списка обязательной литературы, который составляет школа?

Наталья Васильевна: Программа внеклассного чтения явно устарела. Например, у Ч. Айтматова в последние годы вышли в свет новые произведения, которые никак нельзя оставлять без внимания, а в программе все те же: «Джамилля», «Первый учитель»... Рекомендательный список должен составляться с учетом новых произведений — ведь они ближе к жизни и время их тоже сделает классикой. Старшеклассники, особенно девочки, читают всю рекомендуемую литературу. Дальше программы, правда, не идут — стоят на полках Чехов, Куприн, Достоевский... Хорошо хоть по программе чита-

ют, от чеховских пьес откажутся, но хоть «Ионыча» осилят. Тут вот какая опасность таится: для иных чтение превращается в безрадостную повинность, они под ярмом этого списка и сами замыкают свой выбор...

Корреспондент: Эта выборочность, в другом качестве, может остаться и во взрослой жизни. Будут гоняться за «Челюстями», читать из соображений престижа, чтобы вовремя вставить словечко и выглядеть не хуже других. Но глубины-то нет... Они уже никогда не полюбят книгу потому, что, памятуя слова Горького, она не помогала им «разобраться в пестрой путанице жизни», не учила их ничему. Выходит, путь к психологии потребительства формируется и бездумным чтением тоже...

Сколько есть семей, где тома классической литературы стоят в книжных шкафах и на стеллажах, а подрастающие дети к ним так и не прикоснулись... И прикоснутся ли! Или всю жизнь будут бегать в поисках чего-нибудь, подобного «Королеве Марго»!..

СИМЕНОН ИЛИ СЕРВАНТЕС!

Корреспондент: Наталья Васильевна, если мы поставим вопрос так: Сименон или Сервантес? Кому отдаю предпочтение?

Наталья Васильевна: С грустью скажу, что Сименона у меня нет. С отчаянием скажу: Сервантесом вообще не интересуются...

Корреспондент: Давайте попробуем предложить, раз не спрашивают. Проведем эксперимент?

«Дон Кихота» мы предложили трем старшеклассникам и одному учащемуся профтехучилища. Ответы были такими:

Галина С.: Столько надо прочесть по программе, я не успеваю... Как-нибудь в другой раз!

Сергей Т.: Я читаю только о животных. По программе!.. Тоже читаю, у нас преподавательница строгая, ее не проведешь. Но этого... как вы сказали, в списке нет.

Анатолий В.: «Дон Кихот» — это тот, который с мельницами сражался и вроде с медным тазом вместо щита воевал! Он, кажется, был сумасшедшим... Кому это интересно! Что я читаю!.. А все! И современную литературу, и зарубежную. Но про «Дон Кихота» не надо. Мне бы Джека Лондона, я, правда, много его читал, но, может, что у вас еще есть. Вообще-то и перечитать не против. В его книгах настоящие люди: сильные, смелые... Уж с мельницами без толку не воюют!

Леонид С.: Не... Такие толстые книги я не читаю... Это из прошлого века! Еще раньше даже!.. Ну, вот, какой же мне смысл читать про такую давность!

Наталья Васильевна: А ведь наш эксперимент заранее был обречен на провал, разве кто-нибудь из ребят уступил бы просто из деликатности... Дело в том, что нынешние старшеклассники, несмотря на акселерацию, до Сервантеса... не доросли!

Корреспондент: А дорастут?.. До Сервантеса, Чехова, Достоевского, Гаршина?..

Наталья Васильевна: Я здесь неоптимистично настроена... Человек складывается как личность к шестнадцати годам. И читательский вкус, и отношение к книге к этому времени уже сформированы. Жаль, но эти ребята так и могут остаться «недорослями».

ПОТРЕБНОСТЬ ДУШИ

...На юношеский абонемент городской библиотеки в Первоуральске пришел читатель, «забывший» сдать когда-то книги. С задолженностью рассчитались родители, но по правилам недисциплинированный читатель подлежит исключению. Библиотекарь объясняет ему это. На лице юноши горестное недоумение:

— А как же теперь? Понимаете, так получилось, я отбывал наказание... Такое состояние было: вещи некогда собрать... Я только вчера вернулся и сразу к вам — мне теперь книги позарез нужны.

Просматриваю читательскую карточку: «Больно берег крут» К. Лагунова, рассказы о животных Б. Рябина, книги из серии «Подвиг», «Легенда об Уленшпигеле»... Обращаюсь к нему:

— А в колонии вы читали? Или не до книг было?

— Если бы не книги, вообще, наверно, считал бы себя конченным человеком.

— Сделайте исключение, — прошу я библиотекаря. — Я готова за него поручиться.

Когда учитель уходит, библиотекарь говорит:

— Ручаетесь, а сами ничего о нем не знаете...

— Как это — ничего? Совершил ошибку, бывает... Но он же не может, не умеет жить без книг. Это уже потребность души — в нее стоит поверить.

Интервью Беллы БАРВИШ

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь делает остальное.

Ф. М. Достоевский

Книги — лучшие друзья. К ним можно обращаться во все трудные моменты жизни. Они никогда не изменят.

А. Доде

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Людмила ДЬЯКОВА

Хочешь, чтобы тебя уважали? Читай больше!

- ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ МУДРЕЕ КНИГИ — КИНО, ДИСКОТЕКА, СТАДИОН!!
- «ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ» ЧИТАТЕЛЯ: ОТ СКАЗОК И ДЕТЕКТИВОВ — К КЛАССИКЕ.
- КНИГА ДАЕТ ЗНАНИЯ, ЗНАНИЯ РОЖДАЮТ УВЕРЕННОСТЬ.
- ЧИТАЮЩИЕ ЛЮДИ ВСЕГДА ИНТЕРЕСНЫ..

В нашем доме много подростков. Мальчишки редко уходят со двора: гоняют в футбол, бегают — одним словом, развлекают себя, как умеют. И родителям спокойно: подростки под присмотром, на виду.

Но чаще ребята сидят на скамейке и «болтают». Летом балкон обычно открыт, и разговоры на скамейках хочешь не хочешь, а услышишь. О чем же обычно они говорят? Чаще всего и взахлеб — о только что просмотренных кино- и телефильмах. Не менее часто — о спорте, о своих товарищах. О книгах разговор не зашел ни разу.

Как-то я решила полюбопытствовать: а читают ли они летом книги? Спросила двух-трех знакомых ребят. Они посмотрели на меня с удивлением:

— Читать?.. А зачем? Летом ведь нужно отдыхать! Успеем начитаться, когда учебный год начнется.

Увы, у многих современных подростков кино основательно вытеснило книгу... Почему же в нашем читающем мире встречается равнодушие к прекрасному этому занятию — чтению? Почему такое неумение пользоваться богатствами, которые дают нам книги?

...В детстве все мы фантазеры. Все или почти все. Детская фантазия причудлива, удивительна, необъяснима порой, воображение сказочно богато.

До сих пор не могу разгадать до конца тайну, или загадку, странной истории, происшедшей со мной в детстве. Не знаю, сколько мне было лет — пять или шесть? Жили мы тогда в старинном городе, который я любила за его белоснежные храмы, за одухотворенную романтичность. Жили в маленьком деревянном доме на окраине города. И однажды в один из то ли летних, то ли осенних теплых дней случилось ЭТО. Помню, как маленький мальчик — очевидно, Буратино, потому что был он деревянный, — взял меня за руку и повел вниз по лестнице (откуда в доме взялась такая лестница?..), а в руке его был ключик. В самом низу лестницы оказалась маленькая дверца. Он открыл ее, и моим изумленным глазам предстали... танцующие цветы!

Что это было — сон? Но сон этот был слишком «физически ощутимый»... Неоднократно возвращаясь мысленно к этому видению, я его все-таки объяснила так. Наверно, в тот период мама читала мне бессмертную, необыкновенно поэтическую сказку А. Толстого, и я жила в ней, домысливала... Такова сила детского воображения.

Подобное происходит с подавляющим большинством детей. Наше знакомство с миром книг начинается со сказок, которые чи-

тают и рассказывают нам мамы и бабушки. Именно сказки преподают первые уроки Добра, учат ненавидеть несправедливость, не бояться Зла. Сказки — такие воспитатели, без которых детям нельзя.

На смену сказкам приходят книги Жюль Верна и Майн Рида, Стивенсона и Конан Дойля, книги о подвигах советских разведчиков. Героические приключения, опасные ситуации... Читая эти книги, и себя чувствуешь таким, как герои их: бесстрашным, мужественным, дерзким!

А затем следует своего рода переходный этап — когда книга либо остается другом навсегда, либо навсегда уходит из жизни. Если любовь к чтению стала постоянной привычкой, потребностью, если она поддерживается в кругу родных и знакомых — значит, никакое кино, никакой телевизор не смогут заменить книгу.

Юношество — пора размышлений о смысле жизни, о себе, о других людях, об устройстве мира и человеческих отношениях. И мудрее книги здесь ничего нет. Вернее книги ничто не будет — ни кино, ни дискотека, ни стадион...

Я спросила некоторых ребят у нас в Перми — как они относятся к чтению, какие у них любимые книги?

Какие они разные, эти читающие шестнадцатилетние!.. Разные по

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Литература изъята из законотления. Она одна не признает смерти.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Чтение — вот лучшее учение. Следовать за мыслями великого человека — есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин

Все хорошие книги сходны в одном — когда вы дочитаете до конца, вам кажется, что все это случилось с вами и так оно навсегда при вас и останется: хорошее или плохое, восторги, печали и сожаления, люди и места, и какая была погода.

Э. Хемингуэй

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Картотека мнений

Я научился читать лет в пять-шесть. Но по-настоящему полюбил чтение тогда, когда пошел в школу. С тех пор прочитал множество разных книг. У каждой из них — своя задача: у одних — донести до нас правду, помочь понять истину; у других — рассказать о прошлом; у третьих — развеселить... Книги могут заставить пережить самые невероятные приключения, поставить в сотни острых ситуаций.

У меня нет самого-самого любимого писателя и самой-самой любимой книги, но я с удовольствием читаю и перечитываю Жюль Верна, Джека Лондона, Михаила Шолохова.

Если бы мне предложили выбрать одно из двух: кино или книга, — я, конечно, выбрал бы книгу. На свете больше интересных книг, чем хороших фильмов.

Александр СТАРЦЕВ,
ученик 9 класса школы № 116 города Перми

В детстве мне сочинял разные истории папа, которого я очень любил. Тогда самыми интересными казались сказки. Сейчас с удовольствием читаю фантастику, приключенческую литературу, детективы.

Денис ПОЛУШКИН,
9 класс, школа № 93

В детстве любимым писателем был Андерсен, сейчас — Алексин. Наиболее сильное впечатление из прочитанных книг произвела «Молодая гвардия»...

Наташа КУЗНЕЦОВА,
9 класс, школа № 28

Далее также приводятся ответы девятиклассников 28-й пермской школы.

Я читаю каждый день, особенно люблю фантастику и детективы. В детстве очень любила «Тома Сойера», а сейчас — «Тихий Дон».

Алла ГОНЦОВА

Полюбившиеся с детства книги можно перечитывать бесконечно — с ними вырос, и это как возвращение в счастливые, безмятежные годы... Любимыми остались для меня «Дети капитана Гранта» и другие книги Жюль Верна. В последние годы сильное впечатление произвели «Как закалялась сталь» Островского, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, книги Алексея Толстого.

Дима ВЕРХОЛАНЦЕВ

Для меня чтение — это и возможность поразмыслить, и отдых. Читаю все, кроме фантастики. Зачитывался Юлианом Семеновым, его «Семнадцать мгновений весны». Сейчас с удовольствием читаю Шукшина, «Войну и мир». Толстой — это айсберг...

Михаил БЕЛОБОБОВ

Фантастика, приключенческая литература, современная советская и зарубежная классика — все интересно! В числе любимых писателей — Стивенсон, Казанцев, Парнов, братья Стругацкие, Бредбери.

Лена АНТИПИНА

Люблю поэзию, классику и современную прозу. Из детских навсегда запомнятся «Тимур и его команда», «Овод», «Белый Бим...» Любимый писатель — А. С. Пушкин. Очень нравится Василий Быков.

Лариса ЛЕШИНА

своим книжным вкусом, разных называют писателей. Они вызывают симпатию и уважение своими разносторонними интересами. И интерес стоит за краткими ответами девятиклассников — интерес к миру, к людям, к жизни.

Когда я работала учителем литературы в школе, то особенно любила этот возраст — девятые классы. Возраст шестнадцатилетних — тот романтический период, когда веришь, что все можно сделать, преодолеть. Как жаль, что у некоторых со временем куда-то это чувство уходит...

Так вот, в 9—10-х классах самые уважаемые те, кто наиболее начитан. Если в средних, 5—8-х, еще присутствует культ физической силы, у кого более мощные кулаки, тот и авторитет, то в старших классах ценится ум. Лидер тот, кто больше знает. Хочешь, чтобы тебя уважали, — читай больше!

Одним из ребят, которые мне особенно запомнились в школе, был Максим. Разговаривать с ним всегда было необыкновенно интересно. Мало того, что он о многом знал — по каждому вопросу он имел оригинальное, свое суждение. Максим окончил школу с отличием и поступил в МГУ на физический факультет. Больше чем уверена: и в студенческой среде он пользуется таким же авторитетом, как в классе, и сейчас товарищи прислушиваются к его мнению.

В 15—16-летнем возрасте проблема общения становится особенно острой. «Непризнанные» ребята чувствуют себя в коллективе одиночками, это сказывается на их поведении, они чувствуют себя неуверенными, и от неуверенности — не-

умение общаться. Замкнутый круг!.. Из школьной жизни такое «одиночество» приходит во взрослую жизнь...

А ведь знания рождают уверенность. Читающие люди, если они хотят заговорить, всегда в центре внимания и окружены друзьями. Хотя... увы, нет, далеко не всегда. Иначе не шли бы пачками письма в редакцию об отсутствии друзей, о чувстве одиночества. А в письмах эти и мыслей много, и начитанность чувствуется...

И все же!.. Знания помогают быть внутренне сильным. Знающий человек, безусловно, интереснее невежды, а к интересным людям, интересным собеседникам тянутся окружающие.

Чтение помогает нам понять самих себя. Особенно — классическая литература, вот уж поистине целый курс практической психологии! Разумеется, читать классику — трудно, понять — и того трудней, столько в ней заложено мудрости. Но именно настоящая литература учит нас сострадать, переживать, мыслить — а что без этого человек?!

Хороший современный писатель Владимир Крупин высказал в одной из статей такую мысль: «Человек нечитающий проживает одну жизнь — свою, к тому же слишком бедную духовно. А читающий (особенно хорошую литературу) проживает вместе с героями любимых книг несколько жизней. Это и есть, наверное, та самая полная жизнь, о которой мы часто говорим и так мало печемся на деле».

Давайте читать — это значит быть лучше, умнее, выше. Давайте соответствовать своему высокому званию Человека!

...А как быть с ребятами, которые с большим удовольствием посмотрят за день один-два фильма, нежели прочтут хотя бы страницу хорошей, умной книги?

Придет и для них свой час. Час, когда они поймут, что никакое кино, никакие развлечения не в силах заменить чтение, поймут свою ущербность в сравнении с более умными и развитыми сверстниками. Вопрос будет стоять лишь так: вдохновит ли сознание своего несовершенства на то, чтобы наверстать упущенное, или, напротив, озлобит против «интеллигентов в очках»?

Есть у меня подозрение, что немалый процент современных мещан, с такой озлобленностью воспринимающих все новое, передовое, интересное, и есть бывшие «нечитающие» подростки...

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишенному души.

Цицерон

Умение читать хорошие книги вовсе не равносильно знанию грамоты.

Д. И. Писарев

Задача книги — облегчить, ускорить познание жизни, а не заменить его.

Я. Корчак

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Учителю моему Алексею Евдокимовичу ПАСОВУ

ИГРУШКА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ...

Вера КУДРЯВЦЕВА

Во время войны в нашей сельской семилетке в старших классах работало всего трое учителей. Старому историку Владиславу Сергеевичу, который еще до революции учил моих дядьев, пришлось взять и географию, когда наш директор Иван Тимофеевич добился-таки своего — ушел добровольцем на фронт, оставив старика и за директора. Все остальные предметы легли на плечи ленинградок, матери и дочери. Мать, Александра Ивановна, «старушка», как сразу прозвали ее наши мальчишки, вела русский и литературу. А ее дочь Ольга Леоновна — все остальное. Перед самой войной она закончила аспирантуру. Ее главные предметы были — ботаника, зоология, химия. Но почему-то она преподавала еще и алгебру с геометрией. А так как хорошо знала немецкий, то еще и это ей поручили. Потом обнаружилось, что Ольга Леоновна неплохо рисует и вышивает: так у нас в школе появились прославившие нас вскоре уроки рисования и рукоделия. А чуть позже и уроки пения, потому что Ольга Леоновна еще и петь любила. Когда она все успевала? Неизвестно. Но нам-то, мальчишкам и девчонкам не только нашего села, но и многих в округе деревенек, повезло. Учиться было интересно. Уроки Александры Ивановны до сих пор помнятся как театральные представления. Учебников, книг не было, и Александра Ивановна преподавала нам и поэзию, и прозу, и драматургию наизусть. Это нас просто поражало. Хотелось знать так же много. Владислав Сергеевич мог часами рассказывать мифы. По немецкому уже к концу пятого класса мы начинали лопотать. Наши хор и драмкружок постоянно выступали в клубе.

Словом, жили мы насыщенно, увлеченно и... распривольно! Управлять нами двум горожанкам и полуслепому от близорукости старику было непросто, особенно мальчишками. Да они, наши учителя, как нам казалось, и не стремились к строгости. На уроках мы могли ренетировать, на каникулах нагонять программу. Кто хотел, конечно.

И вот осенью сорок шестого разнесся слух: у нас будет новый учитель математики, фронтовик. Заволновались все; и ученики, и учителя, — налаженному школьному укладу грозили перемены.

И однажды пригложим сентябрьским днем мы увидели его. Издалека узнали — это он. Была большая перемена, и все, и старшие, и младшие, успевали — носились по ограде и в пришкольном лесу. И вдруг, как по команде, замерли.

Будущий наш учитель шел налегке, с перекинутой на руку шинелью. Шел так, будто пробовал ногами, а не покачнется ли под его шагами земной шар. Мы, девчонки, замерев, переглянулись: он был молод, с осинной, перетянутой ремнем талией, темноволок и ярколиц. Вся грудь в орденах и медалях.

Первое, что ему не понравилось, — наша калитка. Она давно висела на одном шарнире и, когда ее открывали, срывалась с места и болталась на ветру, шаловливо поскрипывая.

— Принеси молоток! — не обращая ни на кого внимания, хмуро приказал наш гость Ваське Заверткину, самому из непослушных непослушному. Васька сорвался с места.

— Васька! Васька! — раздалось сразу несколько голосов. — Молоток в пионерской! Стенгазету прибывали!

В это время зазвенел звонок, но мы будто и не слышали его. Тут и наши учителя вышли на крыльцо. И мы все стояли и смотрели, как этот человек навешивает калитку и как многие наши мальчишки уже окружили его, помогают.

— А звонок для кого? — строго спросил он, спохватившись. Но в это время из лесу, что-то беспечно напевая и с букетом осенних листьев, выпорхнула моя соклассница Зинка, девчонка из деревни Каменки.

И в тот же миг мы услышали ее радостный крик:

— Алешка! Алешка! — кинулась Зинка со всех ног к фронтовику, повисла на шее. Он тоже

обнял ее, прижал к орденам ее голову. А потом оттолкнул, оглядел всех да как захохочет.

— Эх, Зинка, Зинка! Что же ты делаешь? Ведь я ваш учитель теперь, а ты — Алешка. Авторитет подрываешь, соседка.

Он выпрямился, поправил и без того ладно сидящую на нем гимнастерку, шагнул к крыльцу. В его глазах, в уголках губ притаилось озорство, будто он изо всех сил сдерживается от смеха.

Не сдержался, опять блеснули его ослепительные на смуглом лице зубы:

— Разрешите представиться! — сказал он, обращаясь к учителям. — Ваш новый коллега, учитель математики, бывший фронтовик, бывший наводчик восьмидесятидвухмиллиметрового миномета, гвардии старшина Басов Алексей Петрович! Если еще раз назовешь Алешкой, — без паузы погрозил он Зинке, — возьму дрын и дрыном, поняла? Владислав Сергеевич, вы меня не узнаете?

Историк приблизил к самому его лицу близорукие свои глаза, охнул:

— Алеша! Басов! Живой? Вот и замена мне наконец! А дрын, Алеша, по ним по мно-огим пла-

чет! — И он троекратно расцеловал бывшего своего ученика.

— Очень приятно, молодой человек, — протянула ему руку Александра Ивановна. — А что такое — дрын? — строго спросила. — Я такого слова в русском языке не знаю!

И гвардии старшина покраснел, как мальчишка, от шеи до щек, до лба. Румянец у него был густой, темный, отчего наш будущий учитель стал еще ярче и красивей. Наконец он щелкнул каблучками перед Ольгой Леоновной, и она дрожащим голоском сказала: «Оля...»

— Не Оля, а Ольга Леоновна, — строго одернула «старушка».

С этого дня он, конечно, стал нашим всеобщим кумиром, хоть мы по-прежнему любили своих учителей. Нам, шестиклассникам, повезло больше всех: Алексей Петрович стал нашим классным руководителем. Мы прощали ему все. И его вспыльчивость, и неровность характера. И его непосильную для нас, слишком вольнолюбивых, требовательность, и его «дрын», которым он нас частенько попугивал.

Раньше мы, девчонки, были и в классе, да и во всей школе главными. Теперь как-то незаметно мальчишки отодвинули нас в сторонку от всех дел. Они задавали главные вопросы, когда Алексей Петрович рассказывал о легендарной дивизии, в которой служил; они лучше нас готовили политинформации; они учились бегать на лыжах и стрелять в цель. Даже в хоре и в драмкружке верховодили теперь они.

Да нам, если уж по-честному-то, и не до этого всего стало. Потому что... потому что влюбилась мы все в своего учителя математики. Поголовно, с первого взгляда и... навсегда! Разве что одна Зинка избежала этой участи. Она поглядывала на всех насмешливо, не красела, когда выходила к доске. И однажды, когда Алексей Петрович вклеил ей в дневник жирную единицу, пригрозила ему бесстрашно:

— Ладно, ладно! Ставь! Ставь! Вот нажалуюсь Машеньке! Попомнишь ты этот кол, Алешенька!

Алексей Петрович замер на полуслове, потом брови, его черные, его атласные, волосок к волоску, брови начали грозно сдвигаться, яркие, энергичные, ну, в общем — мужские — его губы сжиматься в ярости, а глаза его, обычно как искорки глаза, буравчиками всверлились в Зинкино независимое лицо. Казалось, он вот-вот крикнет свое самое даже для любого из мальчишек страшное: — Вон из класса!

Но уже через мгновение, вместо этого начал краснеть, от шеи до щек, до лба. А потом лицо, похорошевшее от румянца, осветилось одной из его чудесных улыбок.

— Ну, Зинка! — пригрозил он ей по-свойски. — Ну, Зинка! Ты достукаешься у меня! Вот возьму дрын да дрыном тебя, дрыном!..

Так мы узнали о существовании первой красавицы на деревне Каменке Машеньки, Зинкиной двоюродной сестры. И начались наши муки. Что в Алексея Петровича влюблена Ольга Леоновна, мы знали давно. Но и знали, что безнадежно: ведь она была много старше его. И вот теперь — Машенька...

А он именно не ходил по классу, а метался. Метнется — и у двери. Повернется, метнется — у доски. На каблуках р-раз — и у стола. А медали на груди — дзиль-дзиль-дзиль.

Были у него и пиджаки. Светлые, широкоплечие — дорогие. Но мы любили его в гимнастерке. Из-за этого тонкого позванивания медалей. Когда наш учитель привычным жестом поправлял гимнастерку, загоняя назад под широкий ремень складки, не знаю, как у других, у меня сердце замирало — так был он строен и щеголеват.

По субботам Алексей Петрович сразу же после

уроков вставал на лыжи и из школьного двора, напрямком, мчался в свою Каменку.

Иногда, перепутывая дни, он обещал нам:

— Сегодня не могу, иду на партийное колхозное собрание. А завтра остаемся и поговорим...

— А завтра — суббота! — ехидно напоминала ему Зинка. И он опять краснел от этих слов и, не в силах совладать с собой, расплывался в широченной улыбке.

Назавтра мы высыпали следом за ним в ограду и, пока он надевал лыжи, стояли молча и завистливо. А потом долго смотрели, как он мчится в свою Каменку.

В ту зиму впервые поняла я, что такое сердечная тоска. Раньше думала — слова и слова, для песен придуманные. А она, тоска, — вот этот сразу опустевший двор; опустевшая школа; опустевшее село; вот это тусклое зимнее поле, по которому большой сильной птицей улетает от нас учитель, растворяясь вдаль.

Перед новым годом Зинка объявила:

— Алешка и Машка женятся! Свадьба будет в Каменке!

Мальчишки в те дни смотрели на Алексея Петровича с каким-то тайным любопытством, а мы, девчонки, пострадали.

Уж не знаю, кто был зачинщиком, но в день свадьбы мы всем классом двинулись в Каменку. Когда проходили шумной ватагой мимо учительского дома, вышла за ворота Ольга Леоновна, позвала нас с Зинкой.

— Вы к Алеше? — спросила не по-учительски.

— Ага! — усмехнулась злорадно Зинка. — Он их ждет! Ох, он их встретит! Возьмет дрын да дрыном!

— А что вы подарите?

Мы растерялись: вот об этом-то и дум не было.

— Вот, возьмите, — протянула Ольга Леоновна коробочку. — Это, конечно, просто пустячок... но все же... как символ...

Коробочка была невесомая. Мы приоткрыли ее: что-то хрупкое нежно заискрилось при свете декабрьского снега. И когда мы кинулись догонять своих, Ольга Леоновна попросила: — Не говорите, что от меня. Пусть это будет от вас подарок, хорошо?..

Зинка была права. Сперва, как только мы ввалились в ограду, Алексей Петрович вышел, нахмурился и угрюмо от нас отвернулся. Мы притихли и уже палладились «назад пятки», как распахнулись двери сеней и из них выскользнула, мы сразу поняли, Машенька, в крепдешиновом платье, в туфельках, с белой шалью на плечах. Ниточки ее бровей приподнялись удивленно, но тут же на

щечках заиграли прехорошенькие ямочки, и она засмеялась:

— О-о! Алепа! Сколько гостей! Какие вы молодцы! Проходите! Проходите!

Тогда и Алексей Петрович, зардевшись, стал обнимать нас, тискать, стучать лбами.

— Ох неслухи, а! От бы взять дрын да дрыном вас, дрыном! А ну — все в избу! Машенька... — никогда, кажется, не слыхала я более нежного мужского голоса. — Машенька, простынешь! — И он обнял ее, не стесняясь нас, и так, всей гурьбой, мы вошли в дом, где и без нас гостей было полным-полно.

Они без конца желали молодым счастья и все выкрикивали «Горько!». Алексей Петрович косил в нашу сторону хмельным взглядом и, словно забыв о нас, целовал свою Машеньку, поднимал ее на руки, кружил, как под гармошку. А она смеялась тихо и закрывала глаза.

— Ну, а вы что же пожелаете своему учителю? — вспомнил наконец про наш угол усатый дядька с полотенцем через плечо.

И тут я достала коробочку. В коробочке, завернутая в вату, покоилась елочная игрушка. Когда я подняла повыше эту стеклянную, словно с живыми листочками, гроздь винограда, ягодки блеснули на свету и будто налились спелым соком.

— Мы дарим вам... мы дарим вам... — мучительно искала я нужное слово.

— Игрушка! — ахнула Машенька. — Настоящая елочная игрушка! Довоенная! Городская! Алепа, помнишь, перед войной мы были на елке в городе всем классом?

И она обняла меня, прошептала сквозь слезы:

— Спасибо.

За эти слезы я великодушно уступала ей нашего Алексея Петровича.

Когда в сумерки мы возвращались из Каменки домой, мне почему-то захотелось отстать от всех, побыть одной, помолчать. Но тут же отстал и

Генка Ланников. Он шел рядом по другой колее дороги и тоже молчал. Потом спросил:

— Ты все еще на меня сердишься?

И вдруг я поняла, почему он меня тогда толкнул. Это было в августе. Мы заготавливали для школы дрова. Генка — из приезжих — совсем не умел колоть. И я сказала: «Эх, ты! А еще мужчина! Вот как надо!» Он толкнул меня зло, я упала на чурку и разбила голову. В медпункте и дома я сказала, что бежала по завалинке вокруг школы, поскользнулась и ударилась головой об угол.

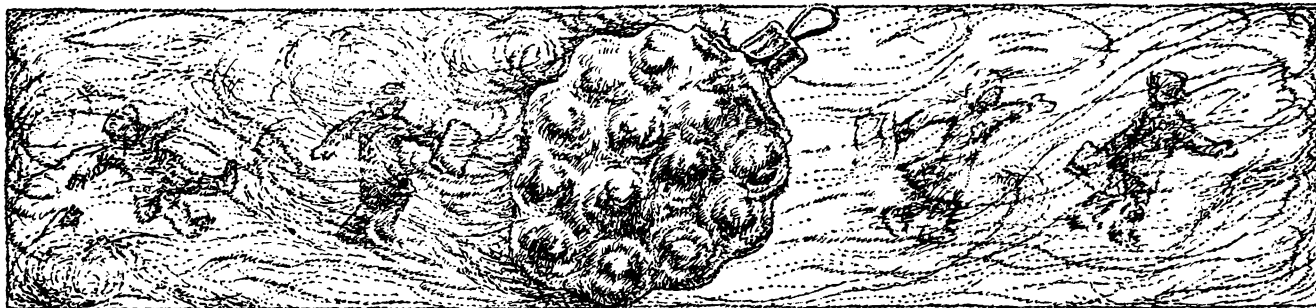
— Я... я... я тебя никогда больше не трону, — отвернувшись от меня, заговорил, торопясь, Генка. — Я... я тебя... как наш Алепа свою Машу...

— Не надо! — крикнула я. — Не надо! Генка, молчи, молчи! — И кинулась от него догонять класс. Мне, двенадцатилетней девчонке, представить себя на месте Машеньки было легко. Но Генку на месте Алексея Петровича представить я никак не могла, ни в тот вечер, ни еще долгие годы...

Давно уехала я из того села. Алексей Петрович проработал в нашей школе около сорока лет. Когда теперь я пишу в письме: «Дорогие Мария Васильевна и Алексей Петрович...», я всякий раз вижу их теми, двадцатичетырехлетними, любящими и любимыми.

А еще мне всякий раз хочется написать: «...а ведь вы, дорогой Алексей Петрович, наверно, так и думаете, что учили нас математике...»

Рисунки В. Дьяченко

ПУСТОВАЛА МАЛУХА...

Левиан ЧУМИЧЕВ

Рисунок В. Дьяченко

Наступило второе лето после смерти стариков, а малуха у Горевых все пустовала.

Сами они жили в большом, крытом железом доме: Никифор Иванович Горев, его жена Настасья Петровна и их младший сын Лешка. А старший сын с женой Галей и двумя маленькими дочками обосновался в городе.

Лешка кончил десятый класс, но ни о каком институте или училище он и не помышлял — веда надо было знать ученый русский язык и литературу, а эти предметы Лешка терпеть не мог.

Директор школы Анастасия Эдуардовна давно уже зудила:

— Если бы не обязательное среднее образование, не видать тебе, Горев, аттестата зрелости, как своих ушей.

Конечно, Лешке обидно немного было: Равиль Гайнулин, совсем даже не русский человек, имел пятерку в аттестате, а ему, прирожденному русскому, за родной язык тройку только из-за обязательного образования поставили.

— Никуда тебя, Горев, не примут, — вещала Анастасия Эдуардовна, — ты в заявлении столько ошибок наделаешь, что сразу все будет ясно.

А Леха еще десятый не успел кончить, как его уже и в рыбацкую артель приглашали, и в соседнюю деревню, где еще колхоз остался, — хоть трактористом, хоть сварщиком. Председатель сельсовета домой приходил — деревенским электриком работать предлагал...

Путные-то люди знали Лешку Горева, слышаны были о его золотых руках. Пока Анастасия Эдуардовна понимала его своими Онегинными да Печоринными, Лешка и права шофера получил, и удостоверение сварщика-универсала: хоть с газом мог работать, хоть с электродами. И плотничать, и столярничать, и штукатурить-красить — все умел делать Лешка Горев, но больше всего на свете любил возиться с автомобилями.

А заявление с ошибками он написал в дом отдыха — там освободилось место водителя на почти новый «рафик».

По утрам Лешка объезжал деревню — собирал земляков, работающих в доме отдыха сторожами, поварами, кочегарами, посудомойками, доставлял этот народ на работу, день у него, как правило,

был свободен, а вечером он развозил работников по домам.

Неплохо жил Лешка — на дармовом питании, зарплата шла на книжку, времени свободного предостаточно, от девок отбою не было.

Жениться Лешка не собирался, надо было еще отслужить в армии, подремонтировать, а то и вовсе перестроить малуху, а потом уж начать жить по-настоящему.

А пока малуха пустовала.

На лето к Горевым приехала Галя, жена старшего брата, приехала с двумя дочками. В малухе Галя жить не захотела и разместилась вместе со всеми Горевыми в большом доме. Впрочем, Леха с весны еще спал на сеновале, куда было проведено электричество, действовали и магнитофон, и даже маленький телевизор.

А малуха пустовала.

Тут и появились квартиранты из города. Сначала председатель к Горевым пришел, мол, так и так, малуха у вас все равно пустует, а тут заслуженного человека уважить надо, из города звонили — просили поспособствовать. Теперь наша деревня объявлена зоной отдыха, колхоза нет, так что пострайтесь.

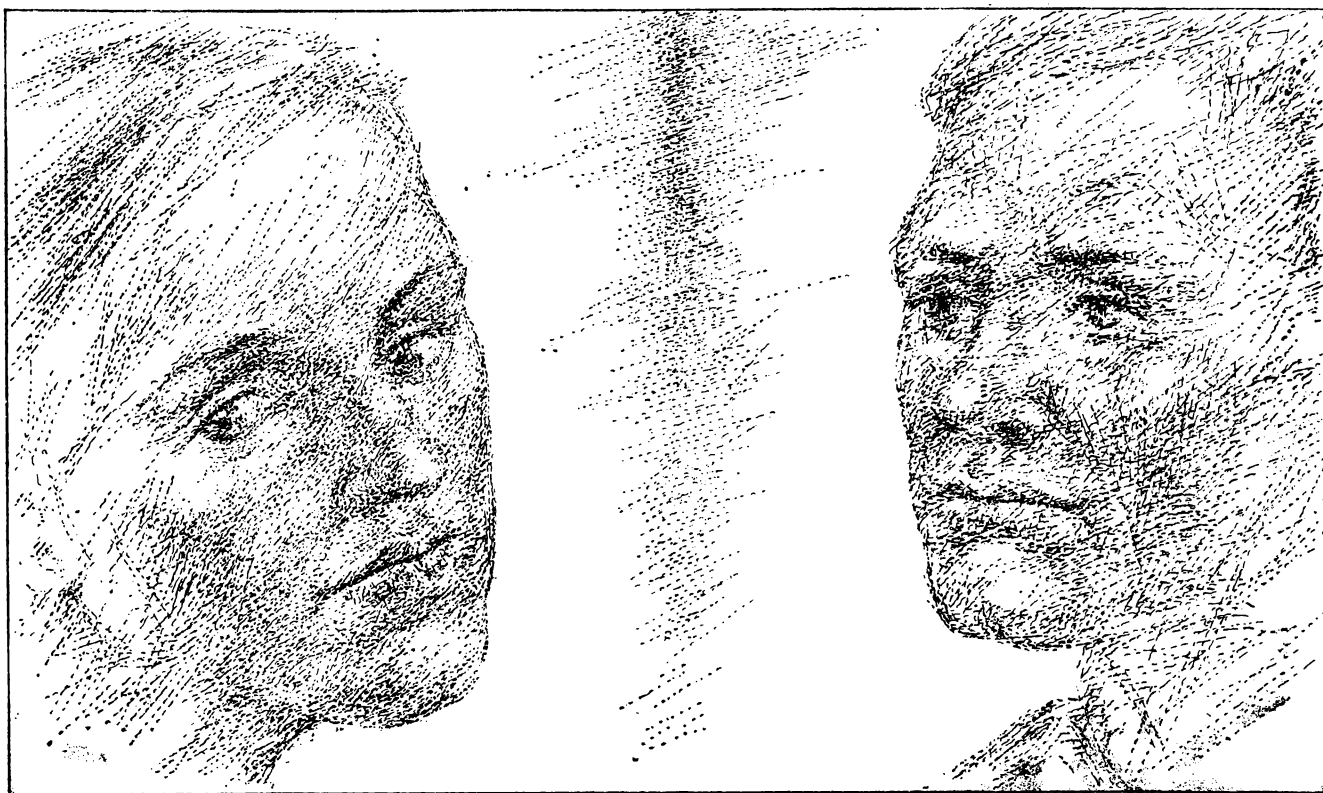
Раз сам председатель сельсовета попросил, Никифор Иванович согласился: скоро намечался надел покосов, и председателю не стоило перечить.

Квартирантами оказались старик со старухой и с ними внучка Катя, кончившая, как и Лешка, десятый класс в этом году.

Городские заплатили деньги сразу за два месяца и стали жить в малухе.

Ничего заслуженного в городском старике не было: ходил он в спортивном костюме, по утрам махал во дворе руками — зарядку делал, днем ходил в лес, а вечером пропадом пропадал за столом, под лампой книжки-журналы читал, а то писал чего-то. Лешке городской дед не нравился — рыбачить не любил и баню один раз выстудил. Его как путного по первому пару пустили, а ему, видите ли, жарко сделалось.

Старуха тоже какая-то не такая оказалась. Видно же — старая-престарая, а волосы рыжими да кудрявыми сделала, джинсы напялила. Целыми

днями какие-то незнакомые Лешке кушанья готовила — старика с Катей ублажала.

Поначалу Лешка и на Катю внимания не обращал, а потом...

Почти ежедневно Катя с дедом уходили в лес по грибы. Как только пропадали из виду деревенские крыши, как только городские входили в лес, старик начинал кричать — ему казалось, что он заблудился. Кричал городской дед почему-то не «ау», а «олё».

— Олё! Катя! Олё! Я совершенно не ориентируюсь!

Грибов и ягод городские добывали совсем немножко — мест не знали, но приходили из лесу всегда радостные и довольные.

Горевы жили как обычно, ходили на работу, вечерами потели в огороде, а Лешка иногда ночами мережу в озере вымётывал.

Больше всех в огороде работала Галя, а ее молчаливые дочки неотступно находились при матери и пытались ей помогать. Было Гале двадцать два года, старшей дочке четыре, а младшей два.

Девочки почему-то не умели говорить, а может, и не хотели. От их матери Лешка тоже редко слово слышал, уж очень молчаливой была эта Галя.

И вот квартирантка Катя стала с этими полу-

немыми девочками возиться целыми днями на берегу озера. Что уж она там с ними делала, неизвестно, только девчужки заговорили. Раньше, бывало, от них «бу, бу, бу» редко услышишь, а тут стихи девчоночки вдруг зачитали, песенки запели.

— Во как детей-то воспитывать надо, — пенял Никифор Иванович невестке Гале, — а ты только и норовишь родить...

...Однажды, когда Леха выходил к оставленному под окном «рафику», его встретила Катя, Галя и карапузистые племянницы.

— Леша, — сказала Катя, — уделите мне, пожалуйста, минут семь-восемь. Галя с девочками уже согласилась.

Катя увела всю горевскую ораву на бугор, к рябинам, усадила всех на траву, объяснила:

— Я сейчас буду читать монолог, а вы слушайте. Просто слушайте, и все. А потом скажете, интересно вам было или нет.

Намечалось что-то таинственное и необычное. Лешкины племянницы прикрыли платишками колени, уткнулись в кулачки, приготовились слушать Катю, сразу видно было, что для них это дело привычное. Галя томилась от безделья, а Лешке интересно было.

Катя отвернулась от зрителей, закрыла лицо руками, а потом, когда она снова предстала перед «публикой», — Лешка не узнал ее: Катя сделалась грустной, страдающей. Заговорила — у нее не только в голосе, у нее в глазах слезы стояли. О чем она говорила, Лешка ладом не понял, упрекала кого-то, что ее плохо любят, что смертышка ей грозит. Проняло Лешку Горева, до самых костей проняло. Столько мученья, столько страдания было на Катином лице, что он любому ее обидчику готов был морду хоть сейчас набить.

Потом Катя устало опустила руки, встряхнулась и спросила по-простецки, своими словами:

— Ну как, понравилось?

Племянницы не зря с Катей на озере пропадали, они уже знали театральные законы, они в ладошки хлопали. Галя не знала, что делать, она подумала и сказала:

— Дальняя грядя у меня не полота. Пойду.

А до Лешки давно дошло, что Катя какую-то роль изображала. Но чтоб всамделишными следами реветь, как на кладбище... Лешка спросил:

— Ты артистка, что ли?

— Нет еще. Готовлюсь поступать.

С тех пор он не удивлялся, когда слышал, как Катя говорила сама с собой то стихами, то простыми словами, то не поймешь как.

Зауважал Лешка Горев Катю. То и дело ловил себя на том, что об этой городской девчонке думает. Она даже во сне ему один раз приснилась.

Как-то приехал он домой днем, а из малухи вышла Катя с каким-то сутулым усатым парнем.

— Познакомьтесь, ребята! — обрадовалась Катя. — Игорь, это Лешка, о котором я тебе говорила... Лешка, а это Игорь, будущий великий актер.

Игорь протянул Лехе руку и твердо пожал его ладонь.

А Леха успел заметить, что Катя смотрела на этого вислоусого Игоря как-то не так, с радостью, весело смотрела, явно довольная была, что он сюда заявился. Поэтому он не отпустил дернущуюся было Игореву ладонь, а сдвинул ее. Парень принял вызов, уперся было, но скоро Леха заперебирал его косточки в своей лапе. Парню самое бы время выть от боли, а он улыбался. «И вправду актер», — подумал Лешка и отпустил ладошку усатого.

Катя ничего не заметила, прощепетала:

— Лешка, будь любезен, подбрось Игоря до автобусной остановки.

— Поедет, так жалко, что ли, — ответил Лешка, ему почему-то казалось, что артист этот должен обидеться на него за такое «рукопожатие».

А парень, прежде чем сесть в «рафик», ткнул своими висячими усами в Катину руку — поцеловал.

Когда отъехали от дома, парень спросил:

— Ты зачем моими пальцами хрустел?

— Чтоб к Кате не приставал, — ответил Леха, — и руки ей больше не муляйкой.

— В общем-то ты, наверно, хороший парень, — предположил Игорь, — только неотесанный какой-то... И не мешай ей готовиться к экзаменам.

— Ты тоже не мешай! — сказал Лешка.

— Не буду, — улыбнулся Игорь.

...Он и правда больше не заявлялся в деревню, Игорь, этот. Приезжали как-то к Кате подружки. Леха даже свозил их на рыбалку и там успел шепнуть девчонкам, чтобы не отрывали Катю от занятий.

И Кате и олёкающему деду он показал брусничное место, чтобы по лесу меньше бродили, чтобы для занятий времени больше оставалось.

Городские в первый же день по четыре литра брусники набрали.

По деревенским понятиям великий грех совершил Лешка Горев — местные жители отродясь городским потаенные ягодные и грибные места не показывали.

Потом Лешка квартирантов рыбой завалил. Деда Олё научил лещей и чебаков вялить. Но, по правде сказать, у Олё это плохо получалось. Дед этот вообще ничего делать не умел, даже картошечку чистить.

— Какой ты сильный, Лешка, — восхищалась Катя, — и все-все делать умеешь!

— Погоди вот, царских ершей добуду, — пообещал Лешка. — Ела пельмени из ершей?

— Нет! — созналась Катя.

Ершей Лешка раздобыл на болоте. Пробил в трясиные дунки и через них зимней удочкой натаскал со дна двухсотграммовых красавцев.

И затеяли Горевы рыбные пельмени. Галя шустро и умело рыбу распотрошила-начистила, Настасья Петровна тесто завела, Лешка ершей через мясорубку три раза пропустил, Никифор Иванович из погреба рябиновки достал.

Когда все было готово, пригласили городских. Старший Горев поднял стакан и неожиданный тост сказал:

— Чтоб скорее Кате восемнадцать исполнилось!

И вышил тут же. Никто даже опомниться-очухаться не успел.

Настасья Петровна тоже молвила слово:

— Вместо малухи мы дом новый поставим.

— Огорода на две семьи хватит, — зарассуждал Никифор Иванович. — Опять же, мы бугор верхний с Алексеем распашем.

— Насчет дров я договорился, — встрял и Леха, — запасу этим летом годов на пять.

До городских стариков, видно, не сразу дошло. Дед Олё вообще никого не слушал, ел пельмени — урчал от удовольствия.

А Катя шутливо и с ехидцей спросила Лешку: — А сена для коровы на сколько лет запасешь?

— Сено каждый год косить надо, — серьезно ответил Леха.

...Лешка не на шутку начал к семейной жизни готовиться: песку и гравия для фундамента будущего дома привез, бревен-лиственник раздобыл...

— Леша, — сказала ему Катя, — с чего это вы взяли себе в голову... Я никогда за вас замуж не выйду. Я в театральное училище нынче поступать буду.

— Поступай, — разрешил Леха Горев, — поступи, мы прокоррмим.

...Утром, когда он вышел к стоящему у ворот «рафику», его остановила рыжая старуха:

— Леша! Вы напрасно все это затеяли. Вы хороший, добрый мальчик, но, извините, Катя вам не пара, и о никаком замужестве не может быть и речи. Поймите меня правильно, дорогой. И пожалуйста, не очень огорчайтесь, у вас впереди еще целая жизнь.

Лешка хотел сказать этой бабушке, что за ним все деревенские культурные девчонки ухлестывают, и Валька-фельдшерница, и продавщица из промтоварного магазина... Новая завклубом намеки делала...

Но ничего не сказал городской старухе Лешка Горев.

Он, как всегда, доставил рабочих в дом отдыха, как всегда, зашел к директору — не будет ли каких поручений.

Директор спросил:

— Как у тебя с бензином, Алексей?

— Нормально.

— Значит, так... Звонили тут... Заедешь в школу, заберешь там учителей, потом на Приозерную, пятнадцать, заскочишь, поможешь погрузиться профессору с семьей. Доставишь всех в город, профессора обязательно до самого дома подвези.

Уже когда вышел из конторы, дошло до Лешки, что Приозерная, пятнадцать, — это его собственный горевский дом.

...И вот катит Леха Горев на своем «рафике» проселочной дорогой, а сзади в салоне сидят четыре учительки во главе с Анастасией Эдуардовной, там же дед Олё сидит, его рыжая старуха и Катя.

Муторно на душе у Горева.

А за спиной Анастасия Эдуардовна права качает:

— Писатель он, конечно, крупный, но эта его погоня за псевдоправдой приводит к натурализму.

— И не согласна, — противится учительке Катя. — Из его книг я узнала столько нового из жизни деревни, столько необычного... А какие характеры, нравы...

— Не преувеличивай, девочка, я сама уже пятнадцать лет живу на селе.

«Живешь ты, — мысленно ворчал Лешка. — Огород сроду не полотый, козу продержат не смогла — уморила».

— Разве не натурализм эта женщина-пьяница, рожающая ежегодно невесть от кого детей? А возьмите ее сына-охотника... — возмущалась директорша.

— А вот в «Пастухе и Пастушке...» — снова завозражала Катя.

«Во грамотеи подобались, — злился про себя Алешка. — Сидят, едут, мужику какому-то косточки перемывают, писателю, видать. А сидел бы сейчас этот писатель в «рафике», он не с ними бы, мымрами, балаболить стал, он бы к нему, Лешке Гореву, подсел, если это, конечно, путный, правдашний писатель. А эти? Едут, рассуждают... Наплевать им на Лешку Горева. За человека не считают...»

«Рафик» катил по неоглядному ржаному полю, километров через пятнадцать должен был появиться тракт, а там до города рукой подать.

Лешка поубавил газ, потом перекрыл доступ горячего в карбюратор. Мотор почихал и заглох.

— В чем дело, Горев? — строго, как на уроке, спросила Анастасия Эдуардовна.

Лешка ничего не ответил, он и сам пока не знал, в чем дело. Просто почему-то стало невмоготу везти эту ватагу. Он поднял капот и уставился в мотор.

Из салона донесся голос директорши школы:

— С таким отношением к учебе, я убеждена, даже шофером, хорошим шофером, сделаться невозможно.

«Зануда, — маялся у капота Лешка. — Че ты в шоферах-то понимаешь? Я ведь тебя везу, а не Онегии с Печоринным. Вот захочу, и пешочком потонаете, или еще че-нибудь учую».

Дед Олё подошел, спросил:

— Случилось что-то? Может быть, я помогу?

«Во помощничек выискался, — молча раскалялся Лешка Горев. — По лесу сотни метров один пройти не может, рыбы столько прокवासил...»

Всех, всех сидящих в салоне его «рафика» не навидел сейчас Лешка. Он же отлично понял, что это из-за него, Лешки, наострили лыжи городские. А может быть, усатый Игорь из города что-нибудь чирикнул.

«Если я шофер, так хуже вас, неумех, выхо-

дит?.. Вот захочу, скажу, что аккумулятор сел, и вы все, профессора, артисты, филологи-мутологи, мою машину толкать будете. Я в кабине сидеть буду, а вы толкать».

Лешке Гореву от таких мыслей совсем стало невмоготу. Он отошел от машины подальше в рожь.

«В колхоз, на комбайн, что ли, податься? Пока военкомат с повесткой чешется, можно уйму денег заработать».

Но злобные мысли одолевали:

«Или сказать этим мутологам, что вода в радиаторе кончилась, не поедет машина без воды. Пусть они по болоту, по вонючей грязи во-он до той лужи дотопают и зачерпнут. Или — на выбор — малую нужду в ведро справят... Диспут наверняка разведут — кто за что... А? Здорово было бы!»

— Леша... — робко сказали сзади.

Он оглянулся — Катя рядом стояла.

— Леша, вы не огорчайтесь... и не злитесь на меня, ради бога.

«Че это она на «вы»-то со мной?» — опешил Лешка.

— Леша... Я вас понимаю, но... вы просто перепугали мою бабушку... Леша, вы мне пишите... из армии, Леша...

«Заикается, и на артистку совсем не походит».

— Улица Луначарского, двенадцать, квартира тридцать один. А можно главпочтамт, до востребования. Так даже лучше.

— Я в автотехникум поступать буду, — сказал вдруг Лешка.

Сказал и сам испугался: знал, что по русско-му-то ему экзамен отродясь не сдать.

А Катя встрепенулась, вроде как обрадовалась даже:

— Вот и прекрасно. Я помогу тебе готовить-ся. Ты только позвони, восемнадцать — девяносто шесть. Запомни телефон...

— Горев! Мы поедем когда-нибудь или нет?

Это Анастасия Эдуардовна икру мечет.

...«Рафик» вырвался на тракт.

Лешка Горев крутил баранку. Перепуталось все у него в башке. Одно ясно — Катя к нему по-прежнему хорошо относится. Это старуха, видно, воду мутит. Ну, да ладно. Может, и вправду учудить, засесть за этот родной русский язык да поступить в автотехникум. Да и Катя помочь обещала... А телефон ее он запомнит. Че тут не запомнить-то! Восемнадцать — им как раз по восемнадцать годков. Девяносто шесть — а они помрут в этом возрасте. Восемнадцать — девяносто шесть очень даже хорошо запоминается.

Лешка Горев крутил баранку, размышлял, усмехался.

ЗЛАТОУСТОВСКИЙ АКАДЕМИК

Славилась в первой половине XIX века на Златоустовских заводах фамилия Уткиных, Андреем Уткин дил эфесы к саблям. Клинки, сработанные Петром Уткиным, были поднесены наследнику престола...

Но речь сегодня пойдет о их однофамильце, а может быть, родственнике — Павле Уткине, известном русском медальере прошлого века. Документы архива Императорской Академии художеств характеризуют его как «воспитанника Златоустовских горных заводов» и «пensionера департамента горных и соляных дел».

Видимо, талант Павла Уткина был настолько ярким, что департамент не поскупился на содержание молодого уральца в Академии художеств. А сумма содержания составляла огромную по тем временам цифру — 600 рублей в год...

Ученические работы Павла Уткина пользовались успехом. Так, за «лепленне с натуры» он получил серебряную медаль первой степени. Удавалась ему и резьба по камню и металлу. Примерно в этот же период проявляется его интерес к искусству медали, и в письме директора департамента на имя президента Академии художеств содержится просьба, «чтобы Уткин посвятил себя медальерному искусству».

По окончании академии Павел Уткин был оставлен в ней «для усовершенствования». Когда оказалась вакантной должность преподавателя медального класса, она была поручена Уткину.

Созданные им медали — «На закладку Александровской колонны» (1832) и медаль в память ее открытия (1834) вошли в золотой фонд русского медальерного искусства эпохи классицизма. С этого времени имя Уткина стоит рядом с именами таких прославленных мастеров, как Иван ШILOV, Федор Толстой, Александр Лялин.

В 1835 году Уткин был назначен на Монетный двор. По своим рисункам он режет штемпели монет достоинством в полтора рубля — 10 золотых, которые по праву считаются одними из самых красивых и редких российских монет. На оборотной стороне талантливый медальер разместил восемь миниатюрных портретных изображений — явление уникальное в отечественном монетном производстве.

В двадцать четыре года Уткина представляли на звание академика. Но «низкое» происхождение и отсутствие сильного покровителя не позволили получить тогда это звание. Однако талант его был очевиден — пришло и признание: спустя семь лет после несостоявшегося представления академический совет возвел его в академики даже без выполнения принятой в то время программы... Он получил и профессорское звание.

Работы Павла Уткина поражают лакопизмом и изяществом линий. Они украшают крупнейшие музейные собрания страны; были они представлены не так давно и на большой выставке, посвященной 225-летию Академии художеств. Гипсовый барельеф И. А. Крылова работы Павла Уткина использован при оформлении собрания сочинений великого баснописца в 1945 году.

Юрий БОРИСИХИН

Фото автора и О. Капорейко

Пустынен берег Баренцева моря. Это особенная, северная пустыньность — голубая холодная даль, каменистое полукружье берега, отслоенный туман.

Пятидесятикилометровой кошелкой врезался в глубь полуострова Кольский залив. Как бы на донышке кошелки — Кола. Древняя Кола, северо-западный форпост России...

По первому впечатлению записал в дневнике: залив похож на русалку, распалым хвостом упирается в реки Кола и Тулому... Между ними — мы, на мысе — Кола. Стою лицом к океану, по правую руку Североморск, губа Тюва, по левую — город Полярный, губа Сайда...

С океана дует напористый ветер, поблескивает поднебесье, но душе, чувствующей и радость, и опасность близкой стихии, этого мало. Ей подай начало начал!

Научные книги говорят: в самом начале был двухкилометровой толщины язык ледника. Вроде и сейчас воздух принизан прохладой голубого колосса.

Кто и когда здесь первый срубы скатал для изб, становищ, бань, скей (погребов), рыбосушителей, жиротопен?

Деревенка Кола когда-то имела сорок четыре двора. Приходили сюда корабли русские, иноземные, везли сукна, тафту, атлас, бархат, парчу, мушкетеры, пистолеты, шпаги, медь, серебро, посуду, светильники, зеркала, вина, шафран и, конечно, меха, кожи, сало, воск, треску, ворвань, моржовый клык...

Выгодно было торговать с Россией! Восьмипудовая бочка ворвани, скажем, покупалась в

Мурманске за два рубля пятнадцать копеек, а сбывалась в Голландии за четыре, в Испании — за восемь рублей.

Но сколько ни выгодно торговать, стать хозяином этой земли много соблазней. В 1581 году король Фредерик II заявил, что русская Кола стоит... на датской территории. Пришлось Ивану Грозному силу применить, «тех датского короля разбойников... с моря согнать и дорогу очистить», а в Коле острог поставить — для бережения торговых людей.

Шведский король Юхан III приказал своему воинству «причинять наибольший вред и урон, грабить все, что можно», проходя, «опустошать за собой всю страну»... Но Кола знала, как защититься. По сигналу старосты Вешняка Кузьмина сожгли дома на посадке, суда, амбары, а сами укрылись за стенами острога, отбились от атак.

Датчане сменили тактику. Попросили продать Колу. Король Кристиан предложил Борису Годунову 18 тысяч рублей. Московские послы с гордостью ответили: земли, верно, у русских много, но никакую не отдадут датскому королю, если даже цена в пять раз будет большая.

Король датский явился сюда лично и с эскадрой из восьми кораблей. Милостью и обещанием льгот пытался склонить поморов к принятию присяги. Кола отвергла и ультиматум и подачки.

...Два столетия острог прикрывал северо-западные рубежи России...

Какой вожделенной была Кола для поморов Двины, Онеги, Кеми, Керети, когда в марте по тундре пробирались они сюда на морской промысел! Спали в пути на снегу, под парусами или на-

весом из жердей, обмораживались, гибли, а в Коле находили приют и ласку. На 40 дворов по три тысячи гостей приходилось!

Здесь в двадцатых годах XVIII века помогал отцу на промыслах Михайло Ломоносов. Бывал он и в самой Коле, четырнадцатилетним побарывал, как потом писал, 30-летних лопарей. Отец присмотрел ему в Коле невесту, но отрок уехал учиться в Москву.

Позднее, организовав первую российскую полярную экспедицию В. А. Чичагова, Ломоносов приглашает поморов для консультации, зная, сколь богат у них опыт плавания по студенным морям Арктики.

«Они, коляне,— замечал бытописатель Севера И. Никольский,— с морем свыкаются с самого детства, а потом равнодушно смотрят на ужасные волны, без боязни садятся в малую лодку и пускаются в даль кипящей бездны. Кольский рыбац является истинно великим, когда он в самую бурю объезжает свои рыболовные снасти; смотря на него, нельзя не удивляться его закаленной отважности...»

Приютила Кола и ссыльных сподвижников Емельяна Пугачева — яицких казаков Тимофея Мясникова, Михаила Кожевникова, Ивана Харчова, Степана Абаляева. Никто из пугачевцев не вернулся в родные края, родиной им стала Кола. Многие ходили с поморами на Шпицберген, Новую Землю. Дух мятежный сошелся с духом отважным!

В гражданскую войну Кола страдала от иностранной интервенции, а в Великую Отечественную на нее обрушился бомбовый ураган. На Мурманск было совершено 792 налета. Только за один день 18 июня 1942 года сброшено 12 тысяч бомб, разрушено 600 домов... Морской десант на Киркинесе в 1944 году поставил последнюю точку — военная угроза Коле и Мурманску была снята.

Через тридцать лет на Зеленом мысу мурманчане зажгли Вечный огонь у памятника защитникам Заполярья, а сам Мурманск стал городом-героем!

...На холме у памятника плакал седой десантник. Он вышел сказать речь перед моряками...

— Смирно! — подстегнул контр-адмирал ослабевший строй. А потом положил руку на плечо седого боцмана: — Соберись с силами! Нам еще надо держаться...

Да, сорок с лишним лет назад он, Василий Ганзин, держал боевые позиции на полуострове Рыбачьем и у Киркинеса. И прибой был черен, как десантная волна. Из двадцати двух тысяч североморцев в те дни атака вернула лишь две тысячи...

Герои проливали кровь не зря — линию государственной границы СССР в тех местах враг за всю войну не переступил ни разу. Что ж ты плачешь о победе, моряк? Все так же верно и надежно хранит гранитные приступы Коля твой крейсер «Мурманск», на тридцатилетний юбилей которого ты прибыл.

«Врагов надо бить, а не считать», — выгравировано на металле в кают-компании крейсера «Мурманск».

И первый боцман крейсера — Василий Ганзин — говорит матросам:

— Мы все сделали правильно, теперь вы делайте все правильно.

И один из первых командиров крейсера, теперь — контр-адмирал в отставке Иван Иванович Певнев, флотоводец, бороздивший едва ли не все океаны, добавляет:

— Мурманск для России — рубеж из рубежей. Наше тут все, наше...

Из каюты молодого офицера крейсера свердловчанина Юрия Иванова видны граниты побережья. Ученые говорят, что они — старейшие на земле. Гигантская Русская равнина от Баренцева до Черного моря, от Балтики и до Урала выложена таким вот материалом.

Юрий строг в рассказе о крейсере... Первый заграничный поход был совершен в 1956 году. «Русские корабли выглядят как с пгопочки», — то ли грустно, то ли завистливо писала иностранная пресса... Учения «Океан» показали высочайший боевой класс наших кораблей.

В авиации северного флота, закончив по первому разряду училище, служил в свое время лейтенант Юрий Гагарин. В начале шестидесятых годов Героями Советского Союза стали и подводники лодки «Ленинский комсомол», прошедшие подо льдами до Северного полюса и всплывавшие там...

— У американского военного флота нет ничего такого, что оказалось бы для нас неожиданным, — сообщает нам Юрий.

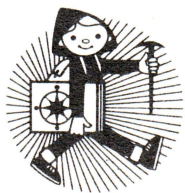
Ему, родившемуся на Урале, науки познавшему в Киеве, службу несущему в водах Баренцева моря, ему, военному профессионалу, хочется мира и мира на земле. Но он прекрасно знает, откуда дует угроза войны...

Неприкосновенна земля кольская, земля советская!

Кольский полуостров — Баренцево море

Памятник защитникам Заполярья.

**РУБЕЖИ
ОТЕЧЕСТВА**

Снимки выполнены фотоаппаратурой киевского производственного объединения «АРСЕНАЛ».

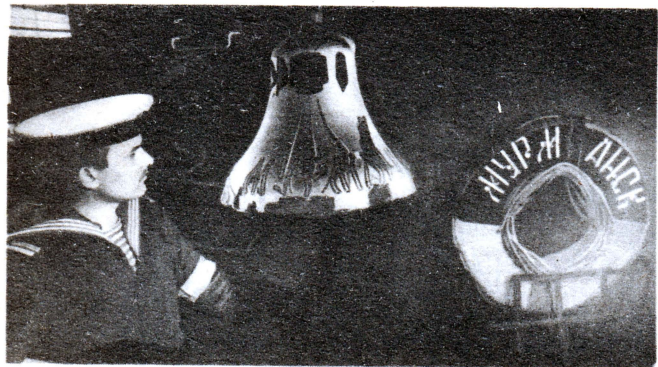
Крейсер «МУРМАНСК».

Полярный день в море.

В мурманском порту.

Первый командир крейсера «Мурманск», ныне контр-адмирал в отставке, Иван Иванович Пивнев.

ВАСИЛИСК

Сергей ДРУГАЛЬ

Рисунки Е. Стерлиговой

— Значит, так, сказка будет вот о чем,— Нури оглядел слушателей, поправил панамку на чье-то голове, вытряхнул песок из чье-то сандали.

Не очень далеко, но и не совсем близко, не очень давно, но и не сказать, что вчера, жил-был пес Кузя, а по соседству, через дырку в заборе, тоже жил-был кролик Капусткин. Иногда они обменивались мнениями. И как-то пес Кузя сказал:

— Посмотри, Капусткин, мне хозяин новый ошейник подарил. Правда, ведь красиво, а?

Кролик, осмотрел обновку сквозь выпавший сучок.

— Да, ошейник тебе к лицу,— ответил он.— И цепь, которой ты привязан, тебе тоже идет. Но больше всего мне нравится, когда ты еще и в наморднике.

Капусткин так говорил потому, что он был зайцем, а притворялся домашним кроликом, чтобы в него не стреляли.

Нури закинул руки за голову, шевельнул бичепсами. Самым трудным в деле воспитателя он считал необходимость сочинять сказки и сейчас гордился удачей, сказка получилась. Акселерат и вундеркинд Алешка, случайно затесавшийся в группу малышей, одобрительно хмыкнул и сказал:

— Обрати внимание на реакцию слушателей, воспитатель Нури. Никто не усомнился в способности пса и кролика говорить, это само собой разумеется. А почему? Ты не знаешь, вернее, ты знал и забыл. А я вот точно знаю, ибо я ребенок и помню: во всех сказках звери говорят. Ведь сначала все были братьями, люди и звери. И понимали друг друга. Но потом люди стали плохо себя вести, звери обиделись, ушли в леса, пустыни и тундру. Белый медведь вообще на льдину сбежал. А те, что остались по доброте, например, собаки, или из лени — кошки, или из слабохарактерности — коровы там и прочие жвачные, те замкнулись и постепенно вообще говорить разучились. Но память о временах, когда все были в родстве, когда люди понимали зверей, в звериной душе осталась. И в человеческой тоже...

Слушатели разбежались. Нури и Алешка расставили шахматы и быстро разыграли дебют. Детская площадка, одна из многих, расположен-

ных на окраине жилого массива океанского центра Института Реставрации Природы (ИРП), звенела голосами: детвора впитывала солнце и наливалась жизненными соками. Пахло скошенной травой и соснами, радостно лаял щенок.

— Чего я понять не могу, так это свойств памяти,— акселерат и вундеркинд Алешка сделал коварный ход конем и индифферентно отвернулся.

На стол спланировал говорящий институтский Ворон, перебрал в ящике битые пешки и осмотрел доску взглядом знатока. Алешка подергал его за хвост, и ворон предостерегающе раскрыл клюв.

— Знаю, что взрослый начисто забывает о детстве. Но почему? И когда? Вот она,— Алешка поправил бант на косичке пробежавшей мимо девчущки.— Она может силой воображения, даже и не напрягаясь, одушевить свою куклу. Я тоже раньше мог, а теперь вот не могу. Не знаю, как ты, а я ощущаю это как потерю.

Нури сделал рокировку, привычно оглядел площадку и убедился, что все в порядке, все заняты важнейшим в жизни делом — игрой.

— Одушевляет,— согласился он.— Я тоже думал об этом. Но до какого предела, вот вопрос.

И тут из зарослей орешника, что на краю площадки, вышел человек. Не бородатый волхв, не дровосек и вообще не похожий ни на кого из сотрудников ИРП. И потому его появление было сразу замечено: на площадке стало тихо. Нури смешал фигуры, отодвинул доску и подпер голову кулаком. Гость был в домотканых портках в синюю полоску, чистых онучах и новых лыковых лаптях. Домотканая же рубаха без ворота была подпоясана пеньковой веревкой, а светлые волосы, стриженные под горшок, топорщились. От всего этого Нури пришел в состояние тихого умиления, а малыши забыли про игры, разглядывая гостя.

Человек держал в руке лукошко.

— Вот как, значит! — Он поставил лукошко на стол и слегка поклонился.— Вывелся, выходит. Я бы сказал: возник...

Он откинул тряпицу с лукошка, и оттуда выглянули две головы, светло-коричневые, с черными ноздрястыми носами и стоячими ушками, похожие на детенышей лани, но поменьше.

Ребятишки обступили стол, тянулись на цыпочках, пытаясь разглядеть зверенышей. Гость сделал козу, головы поймали пальцы, зачмокали.

— Сосет,— сладким голосом сказал гость.

— Сосут,— машинально поправил Нури.

— Вот... это самое, не можем мы. Убедились: недостойны. Потому — грехи! Я бы сказал — эгоизм. И опасаемся, как бы чего... А он единственный. Ему безопасность нужна, ему настоящее молоко надоть. Мы не против, берите, а?

Вот так, вплотную, жителя Заколдованного Леса видел Нури впервые. Конечно, он был оттуда: никто из сотрудников ИРП не носил подобной спецодежды и не говорил столь косноязычно.

Гость сощурил васильковые глаза, обтер тряпичей пальцы.

— Так я пойду, значит. А ему б это, как его, детское питание. Натуральное, а?.. До свиданья.

— Вы еще придете?

— Придете вы, мастер Нури. Туда,— гость показал большим пальцем через плечо.— Вам на роду написано... придти.

— Ну, если на роду, тогда, конечно...

— Дядя,— перебил кто-то из малышей,— а как вас зовут?

— Иванушкой меня кличут.

— Э...— сказал Нури.

— А чего?

— Да нет, пожалуйста... Только вот детенышей из леса выносить не стоило, погибнут они без матери.

— Нет у него матери!

С этими словами Иванушка перевернул лукошко. И все ахнули. На столе лежал желтенький, в темных пятнах, теленок тянитолкая.

На следующий день вундеркинд и акселерат Алешка воспользовался отсутствием Нури, чтобы внести свою не предусмотренную программой лепту в дело экологического воспитания молодого поколения. Ему трепетно внимали пятилетние подопечные.

— ...Я вам так скажу, товарищи, что, увидев тянитолкая, дедушка Сатон сначала было сомлел, но быстро взял себя в руки и собрал весь цвет нашего ИРП. Пришли и самые широкие, и самые узкие специалисты — от этологов и генетиков до волковедов и серомышатников, все, кто причастен к реставрации природы. И не зря собрались,

ибо сломать, товарищи, всегда легче, чем построить. Пиф-паф — и вот уже нет красного волка. Трах-бах — и конец стеллеровой корове. Еще трах, еще бах — и ты убил последнего на Земле камышового кота! Небольшой такой, изящный и без хвоста... Ты скажешь: что мне камышовый кот, я и без него могу. Говори за себя, а не за всю планету. Земля без камышового кота не может! Для Земли камышовый кот такое же неповторимое дитя, как и ты, человек!.. Воссоздать утраченный вид так трудно, что удача становится праздником для всего человечества. А тут — тянитолкай...

Эмоциональная речь, украшенная добротными паузами, проникала в сердца слушателей. Алешка не так уж далеко отошел от истины. На чрезвычайном совещании в кабинете директора ИРП известные специалисты и впрямь столпились вокруг лукошка, с недоумением разглядывая сонного детеныша.

— Подумать только! — сказал директор.

— Н-да,— ведущий специалист по зоогенетике откровенно чесал затылок.— Как правильно заметил доктор Сатон: подумать только!

К столу протиснулся знаток палеофольклора, в срочном порядке доставленный на совещание. Усилием воли он заставил себя подтянуть челюсть, в изумлении отвисшую на кружевной воронник.

— Тянитолкай! О нем мало что известно,— знаток поднял указательный палец, и все посмотрели на перстень с агатом.— Мало чего... Змей-Горыныч, он же дракон, это — да, это получило отражение, равно как и Пернатый Змей у инков, именуемый Кетцалькоатль. Или серый, к примеру, волк. Хорошо разработан Конек-Горбунок, хотя источников по нему раз-два и обчелся. Жар-птица... она же у многих народов птица Феникс, мне так кажется. Обратное — единорог, он и в геральдику вошел... Сивка-Бурка, вещь каурка, ну, о том многие слышали, он же конь ретивый, хотя эту точку зрения не все разделяют: конь ретивый, дескать, крупнее и ест что ни попадя... Н-да. Но лично мне ближе всего дракон...

— Давайте советоваться, товарищи! — Сатон прервал затянувшийся экскурс в царство древнего фольклора.— Как быть? Они вот уже проснулись и моргают. Может, у кого есть вопросы? Вопросов нет. А я вот хотел бы спросить, да не у кого: какая из голов передняя? И бегаёт ли он, а если бежит, то куда? Что у него хвостик сбоку посередине, это обнадеживает, не правда ли?

Специалисты переминались с ноги на ногу, шумно дышали и ничего не говорили. И правильно делали: чего говорить, если нечего сказать? При сем присутствовала и тоже молчала

инструктор дошкольного воспитания — сухая и торжественная бабка Марья Ивановна. Но в конце концов вмешалась:

— Дите, оно и есть дите. Его поить-кормить надо. Дайте сюда!

Она забрала лукошко и, никого не спрашивая, унесла. Все облегченно вздохнули.

— И присмотрите, пожалуйста, чтобы не разорвался, когда подрастет, — сказал ей вслед Сатон и сел за свой директорский стол. — Человека, и того иногда разрывает. От противоположности устремлений... — И непонятно добавил: — Ты смотри, что творят! Невзирая на перемены в энергоснабжении!

— ...дракон, — от запятой продолжил знаток палеофольклора, — тот почти везде встречается. Расхожий образ и на Востоке и на Западе. А что это значит? Значит, истоки в природе искать надо. Сейчас уже все согласны, что были драконы. Были! А может, и есть. В глубинке. А нет, так будут!

— С драконами все ясно. — Сатон раздраженно постучал ладонью по столу. — У нас на повестке тянитолкай, а не драконы. И давайте говорить по сути.

— Я и говорю: пусть — из сказки... Но вы же сами видели — сосет! Значит, реальный. У любого упоминания в фольклоре корни надо

искать. Где? Отвечаю: в природе! Пусть, пусть данное явление по сути сказочно, но ежели оно из природы, то снова может возродиться. В яви, спонтанно или, проще, самопроизвольно. Есть мнение, что если в достаточно большом регионе возникает натуральная дремучесть, то она неизбежно порождает сказку, а с другой стороны — граница между сказкой и явью расплывается... У вас здесь, слышал, даже питекантропы возникли. А почему? Отвечаю: от дремучести!.. — Глазки знатока затуманились, чувствовалось, что тема дремучести лично ему близка. — Кондовость, я вам скажу, это сила. Раньше, согласен, на заре НТР она была силой косной. Но развитие идет как? Отвечаю: по спирали! Выходит, и кондовость опять стала силой, но уже прогрессивной, на другом уровне. В природу нам надо, вот куда. Глубже... И самим проще быть. Нутром понимать, а не задаваться вопросами. Хотя, конечно, нутром понять не каждому дано...

Сатон распушил бороду:

— Грехи, что ли, мешают? Как говорит Иванушка, эгоизм?.. Вы, случаем, не родственник Гигантюка?

Громовой хохот специалистов потряс стены. Испуганный Ворон сделал круг окрест резонирующей люстры. Знаток обиделся, не понимая

причин веселья. Тонкими пальцами он поправил жабо:

— Что кому мешает, то каждый сам о себе знает.

А дело в том, что гимн во славу кондовости, пропетый знатоком, почти дословно повторял высказывания Павла Павловича Гигантюка.

В свое время Гигантюк как-то изловчился попасть на руководящую научную работу: его, отовсюду убирая, постепенно повышали. Прельщенный возможностью спрашивать, ни за что не отвечая, Пал Палыч развил бурную организационную, а также интеллектуальную деятельность. Организационная свелась к внедрению в подчиненном коллективе почасового планирования, а умственная — к разработке ключевых руководящих фраз: я не готов обсуждать этот вопрос; вы меня не убедили; так что вы предлагаете?; вот так и делайте; нам, товарищи, надо по-большому; так что будем показывать? здесь мы с вами недодумали; что-то мы давно никого не наказывали.

Естественно, руководимый коллектив был заблокирован: все непрерывно писали и согласовывали планы, на работу времени уже не оставалось. Пал Палыча перебросили на кадры. Коллектив ожил, но стало плохо с кадрами. Пришлось послать Пал Палыча в длительную и престижную командировку — не обижать же человека, который уже привык к руководящей деятельности. Но прошло четыре года, и снова возник вопрос: куда деть Гигантюка? Место нашлось на птицефабрике при ИРП... А дальше жизнь его оказалась странным образом связана с Заколдованным Лесом, ибо Гигантюк был инициативен, спервоначалу даже производил неплохое впечатление и очень хотел руководить научной работой...

Обо всем этом Нури узнал еще год назад, когда однажды он, охотник Олле, вент Оум и пес Гром пешком пересекали лесной массив ИРП. Оум, питекантроп в первом поколении из племени вентов, приболел и нуждался в квалифицированной врачебной помощи...

По пути из горной страны, где было пещерное становище вентов, они огибали зону Заколдованного Леса, лежащую почти в центре массива. Нури тогда был здесь впервые и часто останавливался, разглядывая Заветные дубы, слишком подлинные, чтобы быть настоящими. Вдали, за бревенчатым тыном, виднелись крытые корьем избушки жилого центра Заколдованного Леса. Кто-то в полосатых портках и лаптях не спеша прошел к тыну вслед за Коньком-Горбун-

ком, держа кнутовище на плече. Заскрипели деревянные ворота, открылись и закрылись за вошедшими. Опустился и снова поднялся колодезный журавль за тыном, было слышно, как захлопал крыльями и неуверенно прокричал кочет.

— Дальше нельзя. У тех вон кустов проходит граница завесы.— Олле присел на пенек, потянулся.

— Ух, и кобыла! — сказал Нури. Он прислонился лицом к защитному слою, ощутил его податливую упругость.

— Не кобыла это, — возразил охотник Олле.— Вид у него под кобылу. Сивка-Бурка это, сразу видно.

По ту сторону, совсем рядом, Сивка-Бурка пасся на поляне, заросшей Аленькими цветочками. Услышав разговор о себе, он взбрыкнул задними ногами, затем поднялся на дыбы, показав серебряные подковы и розовое, в веснушках, пузо. И заржал, и, склонив голову набок, прислушался к затихающим вдали перекатам собственного голоса. На морде его выражалось удовлетворение достигнутым результатом.

Вент Оум рухнул на траву, зажимая ладонями уши. Гром произвольно присел, как для прыжка, и ошетинился. На голову Нури свалилось что-то мягкое и очень горячее и скатилось к ногам. Как сквозь подушку, донесся до него голос Олле:

— И вот так всегда. Как увидит первый раз посторонних, так и орет неожиданно...

— С ума сойти, — Нури массировал уши.— Кто б поверил, что у такой маленькой скотинки, всего-то с осла, столь богатый голос!

— Уж это закон: чем меньше скот, тем больше крику.— Олле сдвинул палкой Жар-птицу, сбитую с небес ревом Сивки-Бурки, столкнул в ближайшую лужу, птица зашипела и обдалась паром.— Оклемается... А вообще, защиту надо ставить двойную, а то из Заколдованного Леса недавно тютельки просочились. Теперь вот Жар-птица...

— Скажешь тоже, — Нури с опаской косился на Сивку-Бурку, но тот спокойно хрумкал траву.— Кто это может через защиту пройти?

— Проходят. Мне уже волхвы жаловались, да и сам вижу, часто не разобрать, кто нормальный мутант, а кто оттуда.

Жар-птица выбралась из лужи, залезла в кусты и слабо светилась в темной зелени. Вент Оум с любопытством поглядывал на нее, видимо, прикидывая, нельзя ли приспособить это пернатое для освещения питекантропией пещеры. Все-таки со светляками много возни, а от костра и факелов копоть и дым...

Они встали и пошли дальше вдоль защиты.

И пока шли, Олле знакомил Нури с историей Заколдованного Леса.

Вольный охотник Олле поставлял Институту животных. Узнав, что где-то промышляет зверь, промышлять которому уже по сути негде, Олле являлся, догонял его, вязал и сажал в мешок. Потом дирижабль, карантин, прививки — и приволье ИРП. Здесь и лес тебе, и степь, и болото, и речка — на любой вкус. Живи в естестве своем, и одна от людей просьба — чтоб быстрее плодился и размножался. Олле был бесхитростен и могуч, его пес Гром был свиреп с виду, но добр в душе. Олле дружил с воспитателями и очень помогал им, особенно во время заезда новых смен. Все дети Земли обучались общению с природой в центрах и филиалах ИРП...

Олле рассказал Нури, что порядком времени назад, когда Институт лишь разворачивал свою работу, лесной массив только набирал силы, а о вентах еще и слыхом не слыхивали, на птицефабрике ИРП было обнаружено яичко не простое, а золотое. Естественно, стали искать, кто его снес. День ищут, два ищут, неделю... Но пойдя найди одну из десяти тысяч кур! Забой сразу прекратили, курятина в городке ИРП исчезла, но этого даже никто не заметил. Народ волнуется, все гадают. И тут пришел вундеркинд из местных, Алешки тогда еще не было. Вундеркинд вынул пальчик из носа и сказал:

— Удивляюсь я вам! Неужто не ясно? Его снесла Курочка-Ряба.

Дед плачет, Олле имел в виду Сатона, а курочка не кудахчет, ибо за день до этого, несмотря на указание прекратить забой, в полупотрошенном в виде попала на прилавок.

Пал Палыч Гигантюк, директор птицефабрики, объяснил:

— Все куры у меня, как одна, я зайду — замолкают. Белые. Неслись хоть и по-мелкому, но часто. А эта все что-то квохтала. Что она там несла, не знаю, может, и золотые яйца, а только редко несла. Показатель мне портила...

Сатон уволил Гигантюка за глупость и склонность к показухе. Формулировка была нетрадиционной, и Гигантюк явился к нему доказывать, что так нельзя, но в целом он готов обсудить этот вопрос по-большому, а если они в коллективе что-то недодумали, то только потому, что давно никого не наказывали, однако за этим дело не станет... Сатон долго разглядывал собственное отражение в зеркальных очках, без которых Пал Палыча никто ни разу не видел. Да, действительно, согласился он, за глупость еще никого не увольняли — видимо, глупость ненаказуема. Тогда что ж, напишем так: уволить за равнодушие? С этим Гигантюк спорить не стал.

И вскорости, неугомонный, выдвинул лозунг: Курочку-Рябу воссоздать — и будет каждому по яичку, а это хорошо!

Почему, собственно, хорошо и зачем каждому золотое яйцо — об этом как-то не задумались, но кое-где Гигантюка поддержали и разрешили. Возможно, ключевые фразы произвели впечатление... Сатон же, перегруженный делами, не стал связываться с Гигантюком, но впредь в превентивном порядке все вопросы подбора кадров сосредоточил в своих руках.

Пал Палыч быстро сколотил группу энтузиастов из тех, кого забраковал Сатон, и увел их в массив.

— Всякая там генетика-кибернетика, подумаешь! Если по-большому, то еще надо разобратся, не лженаука ли это... Я вам скажу, ты мозги мне наукой, не мути, ты продукт дай, — говорил Гигантюк. — Золотое яичко — это продукт. Он что, из генетики? Нет уж, он из «жили-были дед да баба», вот он откуда. Нет, что вы предлагаете? Я вот говорю: проще надо, чтоб всем понятно было. Усложнять не надо. Конечно, насчет Курочки-Рябы — здесь мы с вами недодумали, но если, товарищи, по-большому, то нам было что показать. Она-то ведь при мне неслась! Я сейчас не готов досконально обсуждать этот вопрос, но знаю: в природу нам надо. Кондовость, я вам скажу, это сила!

В очках Гигантюка отражалось ясное небо, а под очки — страшно было — никто не заглядывал. Энтузиасты молча сопели. Как-никак они уже были отравлены ядом генетики-кибернетики и плохо представляли связь между посконным бытием и золотыми яйцами. Но сама идея — опроститься и двинуть назад — им, в общем, нравилась. Сгоряча они сварганили в глубине массива поселок и, чтоб не было утечки информации, Гигантюк почему-то больше всего боялся этой самой утечки, обнесли его тыном.

Когда необходимый жилфонд был создан, Гигантюк перво-наперво выделил квартиры своему неженатому сыну и незамужней дочери, вырубил ближнюю рощу и на ее месте поставилobelisk с лозунгом: «Достижения — в жизнь!» Потом присмотрел себе пять заместителей из числа бессловесных. Пять — это очень престижно, поскольку сам Сатон имел всего трех. Пропитание энтузиасты добывали в лесу, Пал Палыч и заместители кормились возле них. Вся эта компания благоденствовала на лоне природы довольно долго. К приезду ревизоров Пал Палыч — итак, что будем показывать? — организовывал выставку достижений. Впрочем, ревизоров у самого тына перехватывал заместитель, который в совершенстве умел с ними обращаться, и

экспонаты выставки отправлялись пылиться в темных коридорах до следующей ревизии.

Гигантюк берег себя и периодически ложился на профилактику. Он также любил хорошо питаться, хотя это плохо влияло на окружающую среду. Сатон некоторое время терпел браконьерство. Но когда Гигантюком был съеден на закуску козлокапустный гибрид, директор рассвирепел и накрыл поселок с прилегающей территорией защитным полем. Монумент с лозунгом оказался по эту сторону завесы, и его убрали. Жителей перевели на централизованное снабжение едой, а Пал Палыча Сатон уволил своей властью без права восстановления в ИРП. Впрочем, Гигантюк сказал, что его еще позовут — и тогда посмотрим. В ожидании он пребывал в поселке, заняв свободную хату с краю. Часть энтузиастов, оставшись без привычных шашлыков, запросилась обратно в цивилизованные края и была отпущена. Другие, с трудом, но поверив, что Пал Палыча не будет больше, эмансипированно набросились на работу и в короткий срок кое-что сотворили. Про Курочку-Рябу как-то забыли, а вот птица Рух получилась. Зверовидная, с огромными окороками, вполне пригодными для копчения. Видимо, без генетики здесь все же не обошлось, хотя разработчики опять-таки напирала на кондовость...

Тут Олле прервал свой рассказ, ибо Заколдованный Лес уже остался позади.

Малыша тянитолкая приходилось кормить сразу с обоих концов и из двух сосок. Из одной было нельзя, каждая голова норвила наесться первой, и они только мешали одна другой. А вот сейчас все было в порядке, и было видно, что он толстенький, и было приятно трогать его. Вытянувшись, он от носа до носа имел в длину полметра.

— Аршин, — сказал вундеркинд и акселерат Алешка, быстренько меняя опорожненную бутылочку. — Тянитолкая нельзя мерить на метры.

Вокруг низкого стола из строганых досок, на котором осуществлялось кормление, толпились экскурсанты. Средняя группа, шесть-семь лет. Кормление зверят входило в программу экологического обучения детей, проходящих обязательный двухмесячный курс воспитания при ИРП. Этому делу Совет экологов придавал не меньшее значение, чем самому процессу реставрации природы.

Ребятишки не дыша разглядывали диковинного теленка и безнадежно завидовали Алешке, ответственному за уход. Право вундеркинда на исключительность никто не брал под сомнение,

ибо его энциклопедические познания были общеизвестны. Алешку уважали не только люди из городка дошкольников, не только сотрудники океанского центра ИРП, но и звери и птицы. Конь позволял ему взбираться на себя, пес Гром, тигриный выкормыш, всегда был рад встрече с ним, а марсианский зверь гракула радостно уплощался, когда Алешка гладил его. Зверь этот, приспособленный к суровой жизни в пустынях на марсианских полюсах, быстро прижился в детском городке и лучшим местом обитания считал песочные кучи на игровых полянках...

Сытый тянитолкай сразу заснул. Экскурсанты, переговариваясь шепотом, вволю глазели на него, пахнущего молоком и пеленками. Детеныш подобрал под себя, согнув в коленках, ножки с мягкими копытцами, свернулся бубликом и уткнулся носом в нос. На створке открытого окна сидел вездесущий Ворон, ему сверху было видно все, как есть.

— Р-р-редчайший экземпляр-р! — неожиданно для самого себя вдруг возопил он. Головы тянитолкай сонно зачмокали.

Обеспокоенная карканьем, в комнату вошла Марья Ванна, инструктор дошкольного воспитания.

— Триста лет прожил, мог бы и соображать кое-что, — она ткнула в сторону Ворона костлявый палец. — Дите спит, чего орать? И вообще, посторонние могут быть свободны. Режим прежде всего. Кому понравится, чтобы его спящего разглядывали?

Все вышли, остались только Марья Ванна, Алешка и вент Оум. Детеныша осторожно переложили в плетенку, унесли в вольер...

Перед сном, когда, поставив защиту от ночных насекомых, воспитатели уходили к себе, в спальнях велись странные разговоры. Рассказывали, что Алешка запросто бывает в Заколдованном Лесу, что черный пес Гром разговаривает не хуже Ворона, но скрывает это, что тот дядя Иванушка, который принес тянитолкай, действовал по наушению Алешки и он же по ночам закапывает в песок неожиданные деревянные игрушки. А в Заколдованном Лесу для воссоздания сказочных форм жизни пользуются старинными рецептами, в которых зашифрованы составы весьма эффективных мутагенов гарантированного действия. Конечно, хорошо бы там побывать, но Сатон никого в этот Лес не пускает, потому что, смешно сказать, боится за неокрепшие детские души. Тянитолкай, говорили еще в спальнях, ненормально толст, его перекармливают. Потом кто-то высказал мнение, что вдруг это животное вообще не взростает? Вот здорово было бы!..

А в это время Нури и Алешка прогуливались перед сном неподалеку от вольера, ожидая часа, когда надо гасить высоко подвешенные над крышами светильники.

— Представляешь, Нури, целый муравейник дюймовочек! Не совсем муравейник, а так, пень здоровый такой. И домики, домики — как опята. Под двускатными крышами.

— Сам придумал? — Нури со светлой завистью оглядел акселерата.

— Не веришь? А это видел? — Алешка достал из-за пазухи берестяной сверток. Развернул. Старославянской вязью на нем было написано:

К жителям зоны. Обращение. Родились дюймовочки. Кто хочет видеть и помочь пусть приходит босиком и натошак как прокричит первый кочет. Сбор насупротив колодца по ту сторону тына где доска отходит.

— Сам, что ли, писал? Стиль... и ни единой запятой! Чему вас только в школе учат?

— Что уж ты, Нури! Иванушка дал. А в школе действительно... по двенадцать человек в классе! Я у него недавно в гостях был.

— Учителей не хватает, слишком высокие требования... В зону-то как попал? Через силовую завесу?

— Это от вас завеса, от взрослых. А народ там вполне, хотя немного замкнутый. Ну, да ты быстро привыкнешь.

— Как это я привыкну, с чего бы я привыкал? Да и не пройти в зону.

— Это правда, взрослому не пройти. По двум причинам. Первая: взрослый все равно ничего не увидит. А вторая: если и увидит, так не поверит. Ну и нечего зря... — Алешка помолчал, потом спросил, глядя в сторону: — Ну так что, пойдешь?

Дюймовочки, подумал Нури. Целый муравейник...

— Я же взрослый!

— Пусть это тебя не волнует, воспитатель Нури. Марь Ванна сказала, что ты никогда не повзрослеешь.

Они остановились у вольера, в котором жил тянитолкай. Прежде чем окончательно улечься, тот пощипывал стриженую травку. Опасения Сатона, что он разорвется, не оправдались: тянитолкай передвигался подковкой, так, что каждая пара ног у него была передней.

К проволочной ограде прижался медведь, не спуская глаз с теленка. Ворон гулял по верху ограды, а со стороны, противоположной медведю, неподвижно стоял белогривый золотой конь и тоже тарасился на тянитолкаю. Днем его долго рассматривала лосиха с детенышем, потом

ушла. Охотник Олле рассказывал, что из леса приходили и волки — ночью, чтобы их не видели... Теленок был пузатенький, ленивый и с плохим аппетитом. По-настоящему оживлялся он, только когда рядом был пес Гром, и это многих удивляло. Травоядный тянитолкай льнул к собаке, а ведь она, ни дать ни взять, хищник, о чем мы порой забываем...

— Значит, договорились, да? Завтра за тобой пойдет Гром. Как услышишь рык неподалеку, сразу выходи. За малышей не беспокойся, я тебя подменю на время отсутствия.

Сразу после утреннего обхода спален, еще до пробудки, Нури связался по видео с директором. На голоэкрane дед хорошо смотрелся, только борода его расплывалась у границ сфероида.

— В сказку? — Сатон отделил от бороды волосок, задумчиво накрутил на мизинец. — Иди непременно и немедленно! Я пытался — не прошел. Энергию просят — дай! Реактивы дай. Программное обеспечение дай, а как сам захотел, представь, замялись. Излишне, видишь ли, рационален... Это правда, что есть, то есть. Конечно, сейчас Василиск объявился, призадумались, тебя вот сами зовут. — Сатон вздохнул. — Тонкое это дело... воссоздание. Что-то у них там заклинило. Разберешься — помоги.

Из поселка Нури и Гром двинулись налегке, забирая все глубже в лес. В чистом сосняке, почти свободном от подлеска, легко дышалось. И было хорошо бежать по упругой хвое. Через частые ручьи Нури переходил, не снимая плетеных из кожи постол и обсыхая в движении. Было много птичьего гомона, но непривычно мало зверья: большинство копытных и почти все хищники обитали в лесостепи, саванне, окружающей лесной массив.

Постепенно лес густел, и на четвертом часу Нури, отвыкший от регулярных занятий, перешел на быстрый шаг. Трава до колен, вьющиеся растения и кустарник мешали бегу. Собаке, конечно, было легче: росту поменьше, а ног вдвое больше. Но и пес, не умея потеть, уже вывалил язык. Вплавь — Нури порадовался, что руки свободны — пересекли длинное озеро и недолго отдохнули на знакомом пляжике.

Неподалеку, в основании пологого скалистого холма, выпукло шевелилась покрытая звездами тяжелая синяя занавесь, прикрывавшая вход в пещеру. Отшельник, видимо, ушел по делам, иначе не преминул бы посидеть рядом, погладить пса и накормить их свежим хлебом с молоком. Из пещеры доносился храп льва Варсоно-

фия, не любившего, чтобы его будили. Нури сидел за столом под навесом, где стояла остывшая русская печь, и ему от этого безлюдья стало как-то грустно. А скорее всего он просто надеялся поесть у Отшельника. Вообще-то обходиться без пищи и три-четыре дня для Нури было привычно, ибо каждый воспитатель, чтобы поддержать физическую и духовную форму, не ел один день в неделю, три дня подряд каждый месяц и подвергал себя очистительному абсолютному двенадцатидневному голоданию раз в год. Все это так, но все же...

За маленькой рощей акаций на обширной поляне паслось смешанное стадо антилоп и зебр — полудомашняя скотина Отшельника, крупнейшего на планете специалиста по психологии сытого хищника.

— Сытый хищник, — вспомнил Нури рассказы Отшельника, — это совсем не то, что голодный. Он не кусается, и в этом его главное отличие. Возьмите меня, я десять лет разделяю эту пещеру со львом — и ведь ни разу!..

Далее Гром повел путанными тропами через сплошные джунгли, темные внизу и душные. Казалось, нет конца этому буйству непроходимой зелени. Сверху доносились немелодичные вопли, но Нури, снимая с потного лица липкую паутину, уже не интересовался, кто кричит и почему. Под ногами хлюпали раздавленные грибы, одуряюще пахли белые мелкие орхидеи на гниющих поверженных стволах. Еще год назад они в Олле и вентом Оумом проходили здесь свободно. А как же ночью и без собаки? А волхвы? Они-то месяцами не выходят из леса...

Наконец джунгли кончились, и путники вышли к реке. На той стороне раскрылась холмистая равнина в зеркалах небольших озер. Она уходила вдаль, украшенная редкими дубравами, а за ними и над ними у горизонта переливались радужными бликами в закатных лучах заслон силовой защиты Заколдованного Леса. Гром скоро нашел брод. Ступая по округлым скользким валунам, Нури думал о необъятности территории ИРП и о том, как же это Иванушка добирался отсюда в одиночку, да еще с лукошком в руках? А Алешка? Это просто невероятно! Или он тайком пользуется махолетом? С него, вундеркинда, станется...

Нури разделся и вытряхнул одежду. Потом нашел маленький заливчик и долго отмывался от снадобий, пугавших насекомых. Затем он вымыл пса, еще раз искупался сам, лег на теплый песок и заснул на часок...

Свежие и отдохнувшие, Нури и пес бодро шли по зеленой равнине. По мере приближения к Заколдованному Лесу дубравы и рощицы эвкалип-

тов стали попадаться все чаще. Нури снизил темп движения: куда спешить, ведь Алешка предупредил, что защитный слой местами становится проходимым ближе к ночи, а где — о том знает Гром... Внезапно пес на секунду обернулся, и Нури застыл, пораженный: теперь это был сгусток злобы и тревоги, он пятился рычя, пока не коснулся ног Нури. Что-то случилось впереди. Нури ощутил, как уходит покой и предчувствие — нет, не опасности, а неотвратимой смерти охватывает его. Он положил руку на жесткий загривок собаки и медленно двинулся вперед, наклоняясь под низко свисающими ветвями. И увидел...

На поляне, метрах в двадцати от затуманившейся к вечеру завесы силовой защиты, прижался крупом к сухому дубу-гиганту белый единорог. Spина его была изогнута, светились рубиновые глаза, а рог, прямой и длинный, был опущен к земле. В позе зверя угадывалось напряжение битвы, земля вокруг была изрыта и раскидана. Нури долго вглядывался, затаив дыхание. Единорог был неподвижен; когда повеял случайный лесной ветер, часто блуждающий меж стволов спящего леса, грива его не шевельнулась. Подобие догадки мелькнуло у Нури, и он, крадучись, стал приближаться к единорогу. Гром вновь издал предостерегающее рычание, но двинулся рядом и чуть впереди. Трава, пожухшая странными полосами и проплешинами, неприятно хрустела под ногами, пес старался не ступать на нее.

Они подошли совсем близко. Единорог не шевельнулся. Тогда Нури коснулся его рукой и тут же отдернул ее. Ибо под рукой был камень.

Значит, кто-то изваял эту скульптуру, какой-то гениальный художник подсмотрел в своем воображении облик прекрасного сказочного зверя, воплотившего грацию коня и мощь древнего тура. Но почему тревожен Гром? И не от скульптуры же исходит ощущение угрозы?.. Нури сидел в сторонке по-турецки, обняв пса и подавляя властную потребность оглянуться. Чувство страха было непривычно, оно воспринималось как еще одна загадка среди многих. Почему скульптура установлена в совсем неподходящем месте? Что означают эти полосы усохшей, почти обгорелой травы и спиральная линия ожога на стволе дерева?

Полосы на траве уходили под кусты у самой границы завесы, и Нури подумал, что в Заколдованный Лес должна быть и еще какая-то другая дорога.

Пес встал, заглянул Нури в глаза: может, пойдём? Темнеет...

— Ладно, веди.

И они пошли по извилистым тропам, удаляясь от странной скульптуры, и тревога постепенно вытеснялась привычной уверенностью. Мир стал, как и прежде, понятен, загадки отошли на второй план, и снова приятно было идти по мягкой траве и ощущать рядом невидимого в густеющей темноте черного пса. Нури прислушивался к шорохам и странным крикам вдаль, разглядывал плывущую низко над лесом полную красную луну. Подумал: если Алешка и его друзья тоже вот так ходят по ночному лесу, то сопровождает их, видимо, Гром? И почему он, воспитатель, столь поздно узнает об этом? Игра в тайну? Но почему игра, тайна-то вполне настоящая!

В свете луны завеса потеряла радужность и воспринималась как прозрачный белый туман. Пес вошел в него, а следом и Нури — вдруг поняв, что если заговорит сейчас, то Гром уже не станет молчать, как обычно... Тот на ходу прижался к ноге Нури.

— Добрый человек и собака поймут друг друга и без слов. Но иногда так хочется поговорить, а не с кем. Говори, Нури, и я тебе отвечу.

Нури не удивился. Ощущение сказки уже овладело его сердцем. Он много раз видел, как охотник Олле разговаривал со своим псом вслух. Там, вне сказки, Гром отвечал ему молча. А в

Заколдованном Лесу он, естественно, и должен говорить...

— Ты уже был здесь?

— Много раз.

— Все-таки защита, а мы идем свободно...

— Если ночью и с тобой, то можно. Дети проходят.

— Но я взрослый!

— Ты веришь в сказку.

— Не понимаю...

— Тогда не знаю. Ведь я только собака, хотя и большая. Скажи, Нури, тебе иногда хочется повить? Попросту, по-человечески? Мне интересно. Олле, например, никогда не воет.

— Если я скажу, что не хочется, ты поверишь?

— Нет,— пес надолго замолчал, поглядывая снизу на человека.— Мне хорошо, когда Олле рядом, но он часто уходит без меня, и тогда я вою. У тебя тоже кто-нибудь уходит? Ну, тот, кого ты любишь?

Нури не ответил на вопрос, а мог бы. Если кому человек и верит без остатка, то, конечно, собаке. И кто видел собаку, что не оправдала доверия?

Там, где они шли, туман светлел, и близкие звезды светили им, и вздрагивали вслед шагам махровые ромашки. А в конце прохода откуда-

то сверху спланировал Ворон и сел на плечо Нури.

— Это наш Ворон,— сказал Гром.— Тот самый.

Нури поднял руку, и Ворон ущипнул его за палец.

— А почему молчит?

— Умный.

Здесь, в Заколдованном Лесу, было гораздо светлее и от луны, и от глубокого свечения Жар-птицы, расположившейся неподалеку на яблоне. В клюве у нее был зажат длинный стебель какой-то травы, надо думать, приворотного зелья. А под яблоней был сооружен очень широкий котел с низким помостом вокруг. Возле помоста стояла дубовая бадья и висел долбленный ковш. Под котлом вспыхивали редкие угарные огни, и тогда в котле что-то взбулькивало, лопались пузыри, выпуская пахучий пар. Большой сруб с мелкими окошками виднелся невдалеке, а на веревке между срубом и яблоней висели пучки травы, пристегнутые бельевыми прищепками. Под тускло светящимся окошком сидел, ничего себе, Серый Волк, мерцая исподлобья зеленым взглядом.

Гром было оцетинился, но, приняв хвостом и убежал в полумрак, откуда доносилось громкое хрумканье и что-то похожее на скрежет зубовой.

Потом из темноты оформился Дракон, вытянул длинную шею к котлу, и Нури застыл, как замороженный. Не то чтобы Дракон поражал воображение, скорее наоборот. Голова его была такой, какой и должна была быть. Разноцветные чешуйки, каждая с ладонь, покрывали ее, и только ноздри казались бархатными, да отвисала мягкая нижняя губа, обнажая полуметровые плоские белые резцы жвачного животного. В кошачьих зрачках отражались синие языки костра. Туловище было плохо различимо, но Нури снова охватило ощущение ужаса, первобытного и дремучего. Борясь с дурнотой, он похлопал Дракона по влажной ноздре:

— Ну, чего уставился?

Вытер пот со лба, чувствуя, что уже надоело бояться. Боялся неизвестно чего там, на поляне с единорогом, испугался травоядной скотины здесь, где по законам сказки страхи не должны пугать. А тем не менее холодный пот за ушами — вполне настоящий! Дракон покосился на Нури, выдохнул струю горячего воздуха.

— Ууууу?... — низкий гул заполнил пространство.

— Чешите грудь! — донесся из темноты могучий бас. — Чего — «у», спрашивается, сроков не знаешь?

Дракон вздрогнул и попятился в темноту. Нури машинально зачерпнул ковшиком из бадьи, заставил себя выпить. Молоко? — вяло подумал он. Но пахнет медом. Или нет, липовым цветом...

Страх отходил, словно светлый огонь пробежал по жилам.

Нури осушил второй ковшик и засмеялся.

Заскрипела дверь, и из сруба вышел Иванушка с большой поварешкой, похожей на весло. По дороге сняв пучок травы, он залез на помост и долго помешивал варево. Потом, наморщив лоб, осмотрел пучок, отделил травинку, остальное бросил в котел. С хлопанием лопнул большой пузырь.

— Три-четыре! — заорал Ворон за ухом Нури.

Жар-птица вздрогнула, распустила крылья с малиново светящимися подмышками и уронила в котел свое зелье.

Только теперь Иванушка заметил гостя.

— Мир вам, мастер Нури! Садитесь, прошу.

— А что в котле? — шепотом спросил Нури. — Видимо, живая вода, а?

— Сие тайна великая есть. — Иванушка шуровал мешалкой. — Но вам, как гостю, скажу: обычный первичный бульон. Состав его действительно никто не знает. А только, как написано в букварях, из него все вышло...

Он принес и положил в котел шершавую доску, оперев ее на край.

— Ага, — обрадовался Нури. — Понятно, полезем в котел омолаживаться... Мне уже пора, да?

— Нет, — Иванушка не поддержал шуток. — По доске из котла вылезит, что получилось. Ну, а ежели оно совсем маленькое, то дуршлагом вылавливаем.

— Живое?

— Чаще все же семена. И вот тут гадать приходится — то ли в землю закапывать, то ли на ветер пустить, то ли в ручей кинуть? Экспериментируем. То ли птице дать склевать? А ежели колючее, то куда цеплять для дальнейшего разнесения — на хвост ли собачий, на бок ли телячий?

— Скажите, какие сложности!

— То-то. И какой тут фактор влияет, никто сказать не может. Действуем методом ползучего эмпиризма при полном отсутствии теории. Я бы сказал, методом научного тыка.

— И не знаете, что получится?

Иванушка оставил мешалку, усмехнулся.

— А вы, Нури? Вы всегда предвидите последствия своих действий? Хотя бы в деле воспитания? Не отвечайте — это я так просто спросил. Если метод не формализован, то предви-

дение результата — дело статистики, а в биологии, как и в воспитаний, флуктуации способны исказить любую статистику. В общем-то это меня мало трогает: не терплю формализаций. Как и вы, да? Иначе с чего бы вы из кибернетики ушли в столь не детерминированную область деятельности, как воспитание? Не отвечайте, это я просто так спросил... Что больше всего пленяет меня в гносеологии, так это идея о бесконечности познания. Как это утешительно — знать не все! Вот видите, я дуршлячком снимаю пену с навару — и на холстинку ее. Высохнет, будет коричневая пыль. Ан нет, не пыль это! Пыльца. Махнет Дракон крылом, вихрь будет, разлетится пыльца и на окрестные цветы осядет, а что из того выйдет — никто сказать не может. А мы потом ходим, смотрим и удивляемся.

— Идите к черту, Ваня... Вы мне так мозги заморочили, что я и впрямь поверил. Мне говорили, будто у вас здесь те же установки, что и в остальных лабораториях ИРП. Только методики, подозреваю, у вас другие. Я бы сказал, не совсем корректные...

Из кустов появился некто грубый и ужасный обличьем, босиком и в переднике из меха чуднды.

— Дядя Митя, и вы тут! — воскликнул Иванушка. — Вот не ждал. А что, опять на болото лазали, да?

— Об чем ты? Буде болтать при людях.

— Поздоровайтесь с гостем, дядя Митя. Это воспитатель дошколят Нури из ИРП.

— А я Неотесанный Митяй. Леший, значит.

— Настоящий? — Нури пожал твердокаменную пятерню, удивляясь силе ее.

Леший не ответил на вопрос, он разглядил бороду, посыпались зеленоватые искры.

— Трещит, проклятая. Потому — все вокруг электризовано. От бороды наводки, работать невозможно. Кругом помехи. — Неотесанный Митяй засопел, полез в карман передника и стал что-то перебирать моластными пальцами на черной своей ладони.

— А сбрить, — не подумав, предложил Нури. Неотесанный Митяй долго смотрел, как лопаются в котле пузыри.

— Пусто тут у вас, — ни на кого не глядя, молвил он. — Отойду вот в сторонку, семечко посажу, а? Интересуюсь задать вопрос: и за каким лешим тебе, Ванюшка, воспитатель понадобился? Это ж надо — сбрить...

— Ну, не всяко лыко в строку, дядя Митя. Непривычный оң к нам. А так ничего. Алешка говорит — чист сердцем.

— Чешите грудь! Старик Ромуальдыч вон тоже чист, а толку?

— Нури — кибернетик. Один из лучших на планете!

Леший пригляделся к Нури и вроде бы помягчел. Он полез ковшиком в бадью, пошаркал по дну, ничего не достал и вздохнул:

— И на ночь не хватило, не надоишься... Кибернетик — это хорошо. Это для нас в самый раз. Если у тебя, Ванюшка, в котле семена возникли, дай немного, а?

— Дам, конечно, как не дать.

И снова озноб пробежал по спине Нури — и он, не поворачиваясь, почувствовал горячее дыхание Дракона. От кустов донесся вопрошительный рев:

— Ууууууу?

— Что «у»? — могуче закричал Неотесанный Митяй. — Будет тебе «ууу» после третьего кочета. И не вибрируй перепонками, тоже мне, пу-гало!

Дракон удалился. Нури понял это по наступившему в душе покою. Где-то неподалеку слышались громкое сопение и дробный стук, словно скелет падал с сухого дерева, но эти звуки после Драконова присутствия просто ласкали слух.

— Вы б шли, дядя Митя. А то как бы ваши роносоцы не повредили друг другу. Слышите, опять дуэль затеяли!

Леший сложил семена в карман передника, тяжело поднялся.

— И то... Пойду. Только не роносоцы это, Ванюшка, сколько можно говорить. Единорог, самый благородный зверь из живущих на земле!

— Бадейку-то заберите, второй кочет уже кричал.

— Сам знаю. Эх, не по специальности вы меня, чешите грудь, используете! Ладно, пойду... А вы, Нури, видать, к нам надолго. Еще, выходит, свидимся.

— Что значит надолго? — спросил Нури, когда леший ушел.

— Э, сколько захотите, столько и пробудете. Вот вы тут о некорректности методик говорили. Вы что, и в генетике специалист? Разбираетесь в трансцендентных мутациях?

— Не сподобился, — хмуро буркнул Нури.

— Не сердитесь, просто я хочу сказать, что неизвестно еще — чьи методы лучше. Вы там бьетесь над восстановлением исчезнувших реальных форм, а все равно часто вынуждены удовлетворяться похожеством, внешним сходством. Так ведь? Ибо если утерян генофонд, то воссоздать животное уже невозможно. Природа-то миллионы лет тратила. А мы... За сотню лет уничтожили, а за десяток восстановить хотим... — Иванушка склонился над котлом, заработал веслом-мешалкой.

— Не узнаю я вас, Ваня,— задумчиво произнес Нури.— У нас там вы вроде совсем другой были и по-другому речь вели.

— Образ обязывает, сложившийся в детском сознании стереотип. Иванушка как-никак... Хотя, с другой стороны, известен ведь и Иван-царевич.— Тут речь Иванушки потеряла стройность. Словно спохватившись, он забормотал: — Не вам судить, сами в эгоизме погрязли, в самомнении... Нам, например, легче, ибо не ведаем, что творим. Потому — люди мы простые. От этой, от сохи, выходит.

— И Ромуальдыч от сохи?

Иванушка подождал, пока Нури отсмеется.

— А что? Ромуальдыч, между прочим, обеспечивал. Он и сейчас еще вполне может.

Ранним-рано сидел Нури на крылечке избы, в которую его определили жить. Крыльцо, еще влажное от росы, выходило прямо на улицу поселка. Нури уже вымылся по пояс колодезной водой, на завтрак выпил малый ковшик драконьего молока и вот сидел, прислушиваясь к новым ощущениям. Кровь бежала по венам, и он чувствовал ее бег, мышцы просили дела, а мысли возникали четкие и добрые. Еще когда Нури только досматривал предпробудный сон, неслышно прибежала Марфа-умелица, прибралась в горнице, задала корм курам, что-то мыла и чистила, и хлопотала, и так же неслышно исчезла, ушла по своим делам.

Редкие прохожие здоровались с Нури, говоря: «Утро доброе, воспитатель Нури!» И Нури отвечал: «Воистину доброе».

Было слышно, как на заднем дворе Свинка-золотая щетинка рылась в приготовленной для удобрения огорода навозной куче — конечно, в поисках жемчужного зерна, что же еще можно там найти? На коньке соседней крыши вездесущий Ворон, склонив набок голову, слушал песню скворца. Допев, скворец слетел на грядку, где его ожидали дождевые черви.

— Мастер-р-р! — одобрительно произнес Ворон.

Когда люди прошли, Нури обратил внимание на пегого котенка, что сидел на перильцах.

— А кого мы сейчас гладить будем? — тонким голосом спросил Нури. Котенок прыгнул ему на колени.

— Меня-я!

— Говорящий? — приятно изумился Нури.

— Не-е-е.

Притворяется, подумал Нури. Чтоб не приставали с вопросами. А сам, конечно, говорящий. Поселок, огражденный тыном от остальной

территории, насчитывал десятка три рубленых изб, разбросанных там и сям. Единственная улица изгибалась причудливо, то вползая на пригорки, то сбегая в низинки, заросшие травой-муравой и Аленькими цветиками. Протекал через поселок прозрачный ручей, но жители почему-то брали воду из колодца с журавлем. Ворота в ограде были широко распахнуты, и Нури видел, как в них вошел человек, длинный и тощий, босиком, в коротких трусах и майке. На плече он нес два толстых чурбака. Усы тонкими стрелками торчали по обе стороны носатого лица, и если бы еще эспаньолку, небольшую такую остренькую бородку, то можно было бы принять его за Дон-Кихота.

— Вот и дело мне,— Нури вернул котенка на прежнее место и вышел навстречу.— Позвольте, я вам помогу.— Он принял на свое плечо оба чурбака и пошел рядом.— Здравствуйтесь, я Нури.

— А чего б не помочь? Старому мастеру надо помогать, а то все заняты, всем не до меня... Здравствуйтесь, Нури. Меня зовут Гасан-игрушечник, и моя мастерская вот здесь. Спасибо, мы уже пришли... Нет, не сюда, кладите под навес, я сейчас закрушу охрой торцы, чтобы не растрескалось, и пусть дерево сохнет. Сейчас, конечно, где Василиск — зло порожденное — прополз, там и сухостой, вроде как пожаром тронутый. Мне говорят: бери. А отравленное дерево для игрушек не пригодно, как такую ребенку дашь. Может, зайдете в помещение? Я покажу вам игрушки, вы ведь любите игрушки?

Нури любил игрушки, но ждал Иванушку и потому пожелал мастеру приятной работы, собираясь уйти. Он обещал прийти потом, надолго, чтобы насладиться беседой и созерцанием без спешки.

— Подождите, Нури. Взгляните хоть на это.

Мастер держал на ладони деревянного зверя — и ощущение возвращенного детства, ощущение неповторимости мгновения овладело душой Нури. Зверь светло шурился, причудливо изогнув спину. Его лапы, мохнатые снизу, с пухлыми подушечками, опирались на растопыренные пальцы мастера, тело было мускулисто и волосато, и веяло от него такой уверенностью и бесстрашием. Конечно, такой зверь должен быть... он есть где-то здесь, в сказке... а мастер подсмотрел и перенес, ибо такое нельзя выдумать. С тихой радостью рассматривал Нури игрушку, представляя реакцию своей ребятни, особенно теперь, когда дети познакомились с тян-толкаем и восприняли его...

— Спасибо, мастер! — Нури прижал руки к сердцу.— Но откуда это у вас берется?

— Разве я знаю? На этот вопрос ни один мастер не ответит. Но я думаю, что в каждой коряге, в любом чурбаке заключен свой неповторимый образ, надо только догадаться — какой и освободить его. Догадался, ощутил — это главное. А остальное — дело техники. Я вот эту загогулину нашел, так сразу почувствовал: в ней кто-то есть. Но кто, еще не знал. Образ возник потом, когда у нас тянитолкай появился... Вы поняли, Нури?

— Нет, но я чувствую... это близко мне, мастер. И много у вас таких зверей, да?

— Увы, это единственный экземпляр, как и все мои поделки. Он не пригоден для массового тиражирования. Ну сколько детишек подержат в руках этого зверя?

— Это неважно, мастер. Когда речь идет о красоте, бывает достаточно просто знать, что она где-то есть. Скажите, а вы посещаете нас там, ну, в реальности? Иногда у нас появляются чудо-игрушки. Дети говорят: утром пришли и увидели. Или, говорят, в песке откопали...

— Все Иванушка. Он забирает игрушки и уносит к вам. А я — нет, я только здесь. Зачем и что мне там... — Мастер посмотрел через плечо Нури и без выражения добавил: — А вот и Кашей Бессмертный. Зло изначальное.

Нури обернулся. Кашей стоял посередине улицы, и больше на ней никому места не было. Он был упитан, коренаст и монументален, а роста ниже среднего. Та часть, которой он ел, была хорошо развита и производила сильное впечатление. Та часть, которой он думал, была узка. Промежутки между ними заполняли зеркальные очки, в которых отражалось то, на что он смотрел. Сейчас в них отражался мастер и Нури рядом с ним. Кашей подошел вплотную.

— Тут мы в свое время что-то недодумали, — сказал он. — Что-то мы упустили, если тебя, Гасан, в свое время не наказали, не отлучили и не выгнали. Нам надо по-большому, по-крупному, нам надо, чтоб было что показать в комплексе. А ты ерундой занимаешься, мелочевкой, отдельными, видишь ли, игрушками. А игрушка — она отвлекает. От выполнения. А?!

Это «А» произносилось на выкрике, как бы в отрыве от остального текста, и придавало словам Кашея мучительно хамский оттенок. Было понятно, что Гасан с его заботами о чурбаках, с его игрушками — для него, Кашея, раздражающе малая величина.

Усы мастера обвисли, он молча смотрел под ноги, где на траве беспомощно валялся диковинный зверь, и не решался подобрать его. Ибо от века так: работник, творящий новое, беззащитен перед наглостью и хамством.

Нури покраснел, ему стало стыдно, словно это он сам обидел старого мастера. Он подумал, что, конечно, Кашей — осколок прошлого, не более, и к тому же его уже уволили. Но Нури знал и видел: здесь, в Заколдованном Лесу, с Кашеем предпочитают не связываться, ибо он сумел каким-то образом внушить многим, что отставка его — дело временное...

— Вы хотели оскорбить мастера, Гигантюк, вам это удалось, — сказал Нури. — Не словами, они не имеют смысла. В игрушках, как и во всем остальном, вы не специалист. Оскорбили тем, что взялись судить о его деле, тоном своим оскорбили. Я не требую от вас извинений, уйдите. Вы завистник, вы мне противны.

Гигантюк ощерился.

— Чему завидовать, вот этому? — носком башмака он ковырнул зверя. — Масштаб не тот. Помню, мы из нержавеющей стали соорудили семь на восемь — вот это да! Далеко было видно. Убрали... Говорят, безадресный. Но ничего, Сатона снимут, обелиск восстановим. А о вас я слышал. Вы — Нури, бывший кибернетик. От науки, значит, ушли. А куда пришли? Вот то-то... — Гигантюк стоял, раскачиваясь. — Меня не интересует мнение бывшего. А я есть и буду!

Он двинулся посередине улицы.

Нури поднял зверя.

— Возьмите, Гасан. Вы великий мастер, верьте мне...

После Гигантюка разговор их как-то погас. Гасан-игрушечник сел за работу и тем утешился. Для мастера работа всегда и цель и утешение. А Нури пошел к отведенной ему избе, возле которой его уже ждал Иванушка. Он боком сидел на широкой спине ездового хищника — Серого волка и готов был все показать и обо всем рассказать.

Что может старик Ромуальдыч, Нури узнал к концу экскурсии, когда попутно выяснилось: придется-таки ему остаться в Заколдованном Лесу. Естественно, по доброй воле и неизвестно, на какой срок.

Управляющий комплекс разместился в обширном зале со сводчатыми потолками. Помещение комплекса было вырублено в основании утеса с поросшей соснами макушкой и смотрело фасадом на небольшую нехоженую поляну. Фасад, выложенный из слоистого песчаника и заросший плющом, почти сливался со скалой. Только выходящую наружу покрытую инеем петлю криогенной электролинии Нури воспринимал как диссонанс в этой совершенной гармонии ландшафта и техники.

Старик Ромуальдыч, задумчивый и грустный, сидел за подковообразным пультом, обрамленным экранами. Деревянная скамья под ним тоскливо скрипела.

— Так-с, посмотрим, что у нас на выходе...— Нури встал внутри подковы, отодвинул в сторону свисающий на толстом кабеле шлем с присосками. Все было знакомо—и шлем электронного стимулятора умственной деятельности, попросту шапка ЭСУДа, и вогнутые экраны «Кассандры». Пальцы привычно забегали по клавиатуре пульта. На экранах сразу выявились странные фигурки, похожие на волосатую букву «Я». Они деформировались и расплывались, то теряя очертания, то приобретая голографическую рельефность. Старик Ромуальдыч, передергиваясь, вытянул длинную руку и, ткнув в клавишу костлявым пальцем, стер фигуры. Но из призрачных глубин экранов бездарным порождением убогой фантазии выплывали новые уродцы.

— Мерзюиды! Сплошные мерзюиды!— забормотал старик Ромуальдыч.— И делаю я многое сему подобное, взоры оскверняющее...

— Над задачами воссоздания бо-о-льшие коллективы работают, а вы тут в одиночку...— Нури переключил прогнозную машину на анализ эволюции буквообразных уродцев.— Вот и шапкой вынуждены пользоваться, а ЭСУД ведь не для этого, он для экстренных случаев... Вы хоть понимаете, сколь невероятно сложна программа восстановления?

— Нам понимать ни к чему. И шапка у нас не затем, чтоб думать, а для вложения души. Мы проблему нутром чуем. Энциклопедисты-примитивисты, вот мы кто. А программа что... нам ее готовую дали.

— Как — готовую?

О программах Нури знал все, поскольку в воспитатели поднялся с должности генерального конструктора большой моделирующей машины. С тех пор прошло почти пять лет, но знания—это поражало его самого—остались... Однако разве кто-нибудь работал над программой создания сказочных форм? Такие вещи втайне не делаются.

— Кто вам ее дал?

— Директор ИРП, кто ж еще. У вас там по этой программе все и воссоздается. И эта, виверра, и карликовый бегемот...

— Товарищ Ромуальдыч,— цыганский надрыв в голосе Нури был неподделен.— Эти ж программы для реальных форм! А у вас—сказочные!

— Э, все едино. Это нутром надо чутя.

— Ага!—Нури увидел, как буква «Я» утолщилась снизу, а в кружочке возник и замигал

кошачий глаз.— О нутре—это я понял. Но как по программе для реальных форм вы умудряетесь получать формы сказочные—вот чего я понять не могу. Откуда, к примеру, дракон?

— Сие тайна великая есть.

— Повторяетесь. Про тайну и Иванушка говорил.

— Тем более, тем более,—забормотал старик Ромуальдыч. Глаз его задержался, словно перемигиваясь с буквой «Я», которая, перепрыгнув на экран центрального дисплея, превратилась в мохнатый колобок, мигнула последний раз и бесформенно сплюснулась.— Коли двое говорят, надо прислушаться. Иванушка чист душой.

— Я тоже чист. Но, как сказал Неотесанный Митяй, толку-то? Одной душевной чистоты мало, еще и работать надо уметь.

— А вот когда, к примеру, напряжение падает, что мы имеем? То-то! У вас там крупные комплексы вводятся, а у нас Кашей врываемся, скандалит, говорит, темно ему, он, видишь ли, по ночам мемуары пишет, чтоб всех, значит, на чистую воду... Порядок это? Я не про Кашея, я про другое. Ты, допустим, кистеухую свинью в вольере смотришь, хорошо это? Отвечу—хорошо; потому как сознаешь: есть кистеухая свинья и живет на планете той же, что и ты, человек.

— Отлично сказано!—воскликнул Нури.

— Вот. А ежели ты тянитолкая от носов к середине в две руки гладишь? Отвечу—тебе еще лучше, потому что он из сказки. А у нас—перерывы в энергоснабжении, это как?.. А ты на спевке тютелек был?

Нури, прикрыв глаза, вслушивался в бормотание старика Ромуальдыча. Какая-то система во всем этом должна была быть—в подходе к проблеме, в действиях жителей Заколдованного Леса, малопонятных, но, видимо, имеющих свою логику.

В конце концов, что ни говори, а продукцию-то они дают. А может, им действительно легче, ибо кто знает, каков дракон был в натуре? Вывел нечто чешуйчато-перепончатое и, пожалуй-ста, дракон. А докажи! Но кто, собственно, сомневаться станет? Поразительно: методы сомнительные, а столь впечатляющие результаты...

Был Нури на спевке тютелек, именуемых также дюймовочками: Иванушка сводил его в доступные посещения места и кое-что показал. Дюймовочки, разместившись вокруг низкого пня на кочках и цветах дикого подсолнуха, разучивали что-то знакомое и жужжащее. Домашний шмель перелетал от одной группы дюймовочек к другой, предлагая смешанную с нектаром

пыльцу, которую налепил себе на бицепсы задних ног. Все это можно было увидеть и услышать, если хорошенько присмотреться и прислушаться, но Нури умел присматриваться и умел слушать.

— А вот дуб железный, еже есть первопопсажен! — сказал Иванушка.

Дуб был огромен, и обозреть его было нельзя, не потеряв шапку с головы. В невозможной высоте темнело дупло, в котором, как утверждал Иванушка, дремала змея Гарафена. Но ту змею никто не видел, а только слышали здесь, как она ползает там.

За самый нижний сук дуба, метрах в пяти от земли, уцепилась передними когтистыми лапами драконесса, положив голову в развилку. На морде ее было написано лучезарное блаженство, поскольку внизу доил ее Неотесанный Митяй. Густое, как мед, молоко тяжело цвиркало в бадью, над которой роились пчелы.

— А говорите, тянитолкаю детское питание нужно. Тут молока на ползверинца хватит!

— Молоко, да не то, — вздохнул Иванушка.

Гребенчатый хвост драконессы тянулся в кусты, а перепончатые прозрачно-черные крылья были мощно растопырены, и сквозь них просматривался багровый диск полуденного солнца.

— Дикая лактация, — леший утер пот с усов. — Драконыш высасывать не успевает, доить приходится чуть не шесть раз в сутки — и все мне, все мне. А чуть задержка — пристаёт к прохожим и, чешите грудь, гудит крыльями и трещит. А у них частота двенадцать герц, инфразвук. Люди пугаются до онемения... Хочешь попробовать?

Неподвижная драконесса чем-то даже привлекала, от нее приятно пахло, и была она теплая и уютная. Нури пытался заменить лешего, но не смог выдоить ни капли.

— Здесь сила требуется, — леший потряс кистями рук, шевельнул пальцами. — Двадцать процентов жирности... Сметана. Пятьдесят процентов фруктозы. Правда, при трехстах сорока градусах, не пугайтесь, по Кельвину, для драконов — нормальная температура, вязкость уменьшается, но все же, ох, нелегко.

Нури вспомнил так называемое коровье поле неподалеку от городка ИРП и ухаживший за горизонт навес, под которым укрывалась от зноя нескончаемая шеренга коров-скороспелок, вспомнил прозрачные трубы молокопроводов, хлюпанье присосок и стерильную чистоту автоматических отсосных станций.

— Доильный аппарат нужен, — сказал он.

— Дракон это! — посуровел Неотесанный Митяй. — А ты к нему с аппаратом, как к буренке.

Соображать надо, а не бухать что ни попадя. Хорошо, она сейчас высоко, не слышит и вообще отключилась.

Нури выслушал чужое мнение и согласился с ним. Розовое и вроде бы мягкое на вид вымя драконессы было на ощупь практически несмитаемым, и только сверхъестественная сила рук лешего позволяла справляться с дойкой...

Показал Иванушка и единорогов. Они дремали в тени цветущей липовой рощи. Нури рассматривал их не спеша, убеждаясь, что тот неведомый скульптор не погрешил против природы ни в единой детали. В холке достигающие двух метров, единороги отличались угадываемой мощью рельефно-сглаженной мускулатуры и чем-то напоминали сказочных белых коней. Чуть выше глаз, почти параллельно земле, вырастал у каждого длинный рог, прямой и тонкий. Гривы их и хвосты рассыпались мелкими кудрями, а опущенные и неестественно для альбиносов черные ресницы бросали пушистые тени на розовые ноздри.

Пораженный дивной красотой, Нури с трудом перевел дыхание и, чтобы как-то прийти в себя, ни к селу ни к городу заметил, что рог — это не совсем удобно, при пастыбе должен мешать, упираться в землю. Иванушка успокоил его: нет проблемы, единороги в основном питаются цветками шиповника и медовой сытой, а пьют росу либо млеко от двенадцатого источника, довольно глубокого.

— А сначала было их три! — произнес Иванушка голосом, от которого у Нури пошла мурашка по коже. — Сказка сказок — единорог!

И больше Иванушка ничего путного не сказал, сколько Нури ни добивался. И заторопился по каким-то неотложным делам, будто есть дела важнее, нежели беседа с гостем. Он косноязычно бормотал что-то о великой тайне, о том, что все подробно расскажет Пан, который есть завлаб. А он, Иванушка, он на выходе и что доставит, тому и рад, вроде как леший семечку. И кто знает, что получится, хочешь сделать добро, а вдруг Василиск выходит. Иначе б с чего Пан кибернетика оттуда звал, сам подумай...

...Нури сделал над собой усилие и вернулся. Старик Ромуальдыч с горестной надеждой щурился на него и молчал, видимо, иссяк.

— И давно у вас сбой? Ну, подобные вот этим, когда система порождает явную нежить?

— Постоянно. Все время нежить рождается, мерзюиды. Но «Кассандра» предупреждает, и мы меняем режим либо мутагены, либо корректируем рецептуру исходного бульона. Потом смотрим, что получается, и отбираем наиболее подходящее. И опять-таки: «Кассандра» дает внеш-

ний вид, а нутряные свойства кто предскажет? Я думаю, не собой это, а заклонило нас от страха, от неуверенности. Потому геном и рекомбинации — это еще не все. Нужен еще один компонент — психополе создателя, ибо от него зависят душевные качества, гм... продукции. Ну, у нас обычно кто менее занят, тот и подключался, какая разница. Надел шапку и сиди себе, вспоминай хорошее, детство там или первую любовь. А тут вдруг — Василиск... Представляете, как это на коллектив подействовало? Я говорю: товарищи, без паники. Зло, говорю, может быть врожденным, и нечего думать, что это кто-то из нас виноват. И мне говорят: правильно, врожденным! А кто породил? Мы! Я говорю: хорошо, пусть мы, но давайте исправим воспитанием. И что? Вроде и еды и заботы в него, гада, было вложено — на семь драконов хватит, а что вышло? Злодей вышел. Теперь не только за себя, мы и за вас за всех боимся.

Нури знал, что характер — это и врожденное, и обретенное в процессе воспитания. У людей. Но, видимо, особой разницы тут нет: и у зверей. Нури помнил, что Василиск, смертоносное зло древних сказок, рождается из яйца, снесенного семигодовалым черным петухом в теплую невозную кучу. Это почти невозможное сочетание начальных условий говорило, что и предки наши считали зло по природе своей явлением редким, исключительным. Полагали, что природа ограничила возможности появления зла, но не ограничила добро. А тогда действительно, откуда же здесь Василиск? Тот самый, о котором скупно, но часто упоминают жители Заколдованного Леса?

Иванушка издали показал: вон там его логово, видишь, где деревья посохли, в болоте; нет, сейчас он не вылезет, следим, раны зализывает...

В неоглядном и щедро освещенном зале синтезирующего комплекса было малолюдно. Нури осмотрел знакомые баранки ускорителей, между излучающими головками которых в плоских стеклянных трубках циркулировал мутный первичный бульон — выходной резервуар его и представлял тот самый котел, у которого трудился Иванушка. Гнездами торчали шарообразные емкости, в которых совершались непонятные реакции, а за тройной, из медной проволоки, защитной сеткой над небольшим бассейном вспыхивали трескучие извилистые молнии — и тогда морщилась поверхность зеленого студня в бассейне. В самых неожиданных местах торчали армированные ясенем окуляры. Возле некоторых в позах созерцания застыли добры мо-

лодцы в шитых бисером кафтанах. Заведующий лабораторией Пан Перунович пояснил, что это вот — стажеры, которые пытаются постичь, а вот это — выводы оптических преобразователей, которые дают приблизительные зрительные аналоги происходящих процессов — пока, а может быть, и в принципе, ненаблюдаемых.

— Обратите внимание: реакторы, в которых мы расщепляем спираль ДНК. Конечно, используем весь генетический фонд Земли. Продукт расщепления — основной ингредиент первичного бульона. Отсюда он, смешиваясь с катализаторами, ускоряющими обмен генетической информацией между различными видами живого, поступает в котлы горизонтального переноса — главное, чем мы располагаем.

Пан Перунович, тщательно выбритый, совсем не похожий на прочих жителей Заколдованного Леса, снял с головы золотой обруч и повесил его на палец.

Вдоль стен и на потолке, образуя причудливые переплетения, тянулись разноцветные трубы котлов горизонтального переноса. В этих конструкциях была овеществлена давняя идея: все живое находится в генетическом родстве, между любыми живыми существами происходит в той или иной форме перенос наследственного материала, и это, — первый этап и основа эволюции.

— Почти точная копия нашей лаборатории революционной эволюции, — сказал Нури. — Я буду признателен, если вы поясните, как с помощью этой традиционной аппаратуры вам удается получать устойчивые сказочные формы жизни? Только не говорите, что сие тайна великая есть. Про тайну, про нутряное чутье, равным образом о кондовости, о необходимости опроститься я уже много раз слышал. Хотелось бы выяснить, наконец, от кого та великая тайна? И почему ее от меня скрывают?

Пан Перунович долго и со вкусом смеялся.

— Призывы к кондовости, — заговорил он, — сами по себе безвредны и не более чем отзвук ушедших в прошлое дискуссий между возвращенцами и прогрессистами. Если помните, первые, которых всерьез никто не принимал, звали чуть ли не в пещеры. А вторые — к отказу от напрасной, по их мнению, траты усилий и средств на сбережение естественной природы, поскольку человек неплохо чувствует себя и в окружении искусственном. Да, запакостили природу, ну и что, живем и сыты! Соблазн велик — урвать без отдачи, именно так поступали предыдущие поколения, а каких высот достигли! Опорой на опыт и были сильны прогрессисты... Но человечество уже поумнело. Оно, Нури, стало добрее.

А доброта — это и способность к самоограничению. Пришла пора отдавать долги природе, и вы знаете, что центры реставрации множатся не по дням, а по часам на всех материках, и на островах, и на морском дне... Прогрессисты увяли, сейчас от них и следа не осталось. А возвращенцы — они и вам встречались. Да пусть их... Ну, а великая тайна — это то, чего мы никогда не узнаем, поскольку постигнуть все нам не дано. И конечно же, воспитатель Нури, мы ничего от вас не скрываем, да нам, собственно, скрывать нечего и незачем. Методы наши, как вы уже поняли, те же, что и у вас. В основном это горизонтальный перенос наследственного материала, перебор комбинаций и — наша заслуга — метод вертикального развития зародыша от любой фиксированной нами стадии. Мощнейший, скажу вам, метод, он нам позволил получить Жар-птицу, единорогов, дракона и других легендарно-сказочных животных. С программой возится старик Ромуальдыч, но он, в сущности, дилетант. Крутит ее и так и этак... Как генетик, я знаю, что действительно новое появляется в результате случайного перебора. Но для этого должна выпасть воистину счастливая случайность, флуктуация на сером фоне равновероятности. А у нас получается не так уж редко, и это ставит меня в тупик. Впрочем, сейчас уже не ставит, сейчас мы больше не работаем...

— Тут я вам помочь бессилён, если вы перестали работать. Я немного разбираюсь в программировании и конструировании моделирующих машин, но и только...

— Вы умеете сочинять сказки — редчайшее качество.

— По совести, это мне дается с трудом.

— Вы воспитатель дошколят, для нас это самое важное.

— Ага, потому что сам верю в сказку?

— Да. И понимаете ее важность в деле экологического воспитания молодого поколения...

Пан Перунович говорил что-то еще, но Нури его уже не слышал. Он замер, как при встрече с драконом. Суждение Пана Перуновича было глубоким и нетривиальным: любая сказка — и Нури не нашел исключений — имеет всегда экологический подтекст. И само собой разумеется, что воспитатель стремится воспитать доброту как основное качество человека. Доброта же не беспредметна и проявляется в стремлении защитить слабого, сильный сам защищает себя. Но что беззащитней цветка или животного? И Нури подивился глубине предвидения мудрецов, которые сочиняли сказки еще в те времена, когда о разрушении природы и речи не было. Уже

тогда Иван-царевич и волку помогал, и медведя не обижал, и для зайца морковки не жалел...

— Я подумаю, — сказал Нури.

— Да, конечно. Я вот тоже все время думаю, почему в условиях информационной скудости природы — ведь знания даются так дорого — геном помнит изначально и хранит в себе потрясающую по объему библиотеку программ, которая отражает весь исторический путь развития организма? Но эти программы не используются... Тогда зачем они?

— Я подумаю, — повторил Нури. — Только сдаётся мне, что не мнение мое по коренным вопросам генетики интересует вас.

— Вы полагаете?

— Вот именно. Полагаю, что у вас крупные неприятности с Василиском. Мне старик Ромуальдыч намекнул.

— Это так, Нури, это так... Сами на себя беду накликали, но кто мог знать? Мы в своей работе широко используем древние рецепты, иногда с успехом, чаще без. А тут у кого-то в поселке неожиданно закудахтал черный петух семи годов от роду... Естественно, мы решили воспользоваться моментом. Технология несложная, мы ее воспроизвели...

Пан Перунович владел и словом, и жестом: Нури четко уяснил, как все оно было.

Вот именно, они действовали точно по рецепту. Дождались, пока петух снес яйцо, и закопали его в кучу навоза, находящуюся в стадии брожения и потому теплую внутри. Надо полагать, что последующие мутации возникли как результат комплекса факторов: температура, бактериологическая среда вызревания, первоначальная гормональная перестройка в организме петуха... На двадцать первый день яйцо с треском лопнуло, и вылез из него глазастый рогатый змееныш — так, в два пальца длиной. Тут же его — в террариум. Солнце там искусственное, песочек, водичка и все, что маленькой змее требуется. Террариум поместили в волновую камеру, никто из создателей на радостях домой не уходит, и все по очереди на себя шапку ЭСУДа надевают, чтобы, значит, на змееныша своим психополем воздействовать. Чтобы ему добрые намерения и ласковый характер привить и тем зло посрамить, а добро восславить!

Однако прошло немного времени, и все как-то попривыкли. Ну, Василиск, он и есть Василиск, славно, конечно, что древние рецепты не обманули, и еще лучше, что сказка лишней раз явью обернулась... Но ажиотаж приутих.

Рассмотрели как-то попристальней, а он уже на полметра вытянулся, рожками шевелит, гла-

за такие зеленые с фиолетовым отливом, капюшончик бородавчатый раздувается.

Неотесанный Митяй тогда с шапкой на голове у террариума сидел и представлял себе приятное: как это он в лунную ночь вдоль зарослей разрыв-травы из Леса ползком — и на той стороне желуди и каштаны все сажает, сажает, и будет там дубово-каштановая роща, и кто придет, тому будет радостно в ней... Хорошее представлялось легко — верный признак, что змееныш в контакте с донором и воспринимает от него охотно. Глядь, а змееныш на хвосте приподнялся, раскачивается. Любопытно стало лешему, и протянул он руку. Василиск тут же свернулся кольцами на ладони — и ничего, только холодит ладонь, но это уж от него не зависит. Тут убедились, что все в порядке, все ладненько, приласкали змееныша, покормили, он заснул. А творцы хором подумали: это хорошо!

А был день пятый, и все разошлись. Только Неотесанный Митяй еще долго сидел, аж до сумерек. И думал о единорогах, он о них часто думал... Что хорошо бы — их много было, и расселить бы по лесам и степям, чтобы не только здесь, а везде. Чтоб каждый мог в яви увидеть, как бежит единорог и дышит, вздрагивает под ним земля. Увидеть, и тогда уйдут суетные мысли, и люди постигнут чудо и красоту, что всегда рядом... надо только уметь видеть. Неотесанный Митяй часто думал о том, как странно все на свете, как сложен мир — и люди, и звери... что простоты не бывает, мы сами придумываем ее от нежелания или отсутствия привычки мыслить, а еще оттого, что нам, людям, все некогда...

— При мне порядок был! — Леший вздрогнул. Он и не заметил, как, широко шагая, вошел возмущенный Кашей. — Я говорю, при мне порядок был, а тут светильники едва тлеют. А может, я тоже работаю по-большому. А!?

Кашей совсем не смотрелся здесь, в детской, где стояли в ряд волновые камеры предвоспитания, остекленные подкрашенными кварцевыми пластинами и потому похожие на громадные теплые кристаллы. Возле камер располагались кресла, над которыми свисали шапки ЭСУДа, перестроенные на усиление излучений психополя. Увы, камеры обычно пустовали, демонстрируя числом своим избыток оптимизма у создателей.

Леший мрачно оглядел Кашея: нет, не изменился, воистину бессмертен... ЭСУД среагировал на понижение напряжения в сети и отключился сам. Леший снял шапку, отлепил присоски. Конечно, он, Неотесанный Митяй, коль задержался здесь так поздно, мог бы считаться чем-то вроде дежурного. И мог бы объяснить, что если

диспетчер иногда вынужден ограничивать подачу энергии, то это можно понять и оправдать. Но об этом не раз говорилось Кашею — и все без толку. Кашей обладал удивительным свойством: умел отключаться, когда ему разъясняли то, что он не хотел слышать. Когда же собеседник, изложив доводы, замолкал, Кашей извлекал из себя ключевую фразу: «Вы меня не убедили». Он никогда не возражал по существу, поскольку для этого требовалось думать. Соглашаться же он не любил, так как полагал, что это роняет его руководящее реноме.

Ключевая фраза действовала ошеломляюще. Как правило, собеседник, обманутый человеческим снаружи обликом Кашея, начинал второй заход — с тем же результатом. Замы выдерживали иногда до пяти попыток и уходили, тряся головами.

— ...На покое Кашей сохранил привычки, — продолжал свой рассказ Пан Перунович. — И леший об этом знал. Он молча выслушал упреки и угрозы, причем Кашей не унялся и после того, как дали свет. А потом Кашей стал хвастаться, как он внедрял почасовое планирование научной работы, и тут Неотесанный Митяй сорвался и сказал... поймите правильно, Нури: конечно, леший грубоват в чем-то, хотя в целом добр и всех приемлет... нет, я не оправдываю его...

— Так все же что сказал леший? — не выдержал Нури.

Пан Перунович вздохнул.

— Леший... посоветовал ему заткнуться. Да. И ушел. Нури, он думал о красоте, а тут Гигантук, которому плевать на красоту...

— А я лешего не осуждаю, — сказал Нури. — Доведись мне, я бы тоже...

— Я понимаю, — Пан Перунович долго с чувством жал руку Нури. — Я понимаю, это вы так, чтобы меня утешить, а все равно приятно. Вы у нас человек новый, прямо оттуда, и ваше мнение для нас вдвойне дорого. В конце концов все, что мы здесь делаем, это ведь для вас. Реальный мир не может без сказки. Он, не побоюсь сильного выражения, без сказки пропадет, и вот тут нам важно знать ваше мнение: то ли мы делаем, получается ли у нас?

— Получается, — заверил Нури. — То, что нужно. Это не только мое мнение. Вашу деятельность высоко оценивает и секция социологов из акселераторов ползунковой группы.

— Приятно слышать, Нури! Так на чем мы остановились? Да, на Василиске...

Случилось это вскоре после конфликта лешего с Кашеем. Надел раз Пан Перунович шапку, подключился, а контакта нет.

Змееныш шипит, глазки сузились, поблескивают неприятно. «Может, я не о том думаю?» — решил Пан Перунович и стал вспоминать приятное: как они выводили Жар-птицу. Цыпленок был покрыт редким розовым пухом, светился в темноте и обжигал ладони, когда его брали в руки. Не знали, чем кормить, и зря старалась подсадная мачеха-курица, склеивая рядом пшеничные зерна: цыпленок стучал каменным клювиком по зернам, но не брал их. Все впали в траур. С таким трудом вывели, а чего стоило создание термостойкого белка — о том только Сатон мог бы рассказать, это он координировал деятельность целого куста НИИ, которым была поручена работа над белком! А что вы думаете, сотворить сказку без привлечения науки... И подход бы цыпленок Жар-птицы, когда б не Иванушка. Как раз у него был день рождения, и заявился он в детскую в новом кафтане. Видит, цыпленок уже на боку лежит — еще, правда, горяченький. Так жалко ему стало... Цыпочка ты моя, говорит Иванушка и берет цыпленка в руку, кладет на ладонь, а тот один глаз приоткрыл и последним усилием — хоп, и склонул с манжеты жемчужину! И вторую!

— Понимаете, Нури,— разволновался, вспоминая, Пан Перунович,— ведь это взрослая Жар-птица и зерно клюет, и сердоликовую гальку в ручьях находит, а пока она цыпленок — только мелкий речной жемчуг потребляет! Но мы-то откуда могли это знать, ни в одном же источнике не указано... Сижу перед змеенышем, вспоминаю эти прошлые наши заботы-хлопоты. И тут мне подумалось, вы не поверите, Нури... Мне вдруг подумалось: ну и пусть, ну и подход бы цыпленок — и черт с ним, возни меньше было бы, а то у всех волдыри на руках от ожогов, тоже мне, забота... Смотрю, а змееныш ощерился, два верхних зубика вперед выступают, и в щелочке между ними капелька такая прозрачная висит. Передернуло меня от отвращения, и злоба в сердце поселилась. Ищу глазами, чем бы змееныша по головке стукнуть, и вижу — у соседней камеры мерный стержень стоит, но не дотянуться мне до него. Сдернул я шапку, только присоски чмокнули, схватил стержень... Держу его и думаю: чего это я так? И страшно мне самого себя стало... Вы, Нури, уже поняли — контакт установился. Только в обратном порядке: не я на него, а Василиск на меня своим психополем действовал. Представьте, какова же сила злобы в маленьком змее была, если он на меня из камеры смог подействовать и такие гнусные мысли во мне пробудить! Пан Перунович помолчал, успокаиваясь.

— Ну, а дальше? Что ж, дальше все было,

как и должно было быть. Всем коллективом думали, а понять не могли, как это так получилось, что добро змее внушали, а зло выросло. Старик Ромуальдыч за ночь перемонтаж сделал, пять шапок подключил, а утром мы, уже впятером, стали вокруг камеры, шапки надели... но только ни о чем хорошим не думается, всякая ерунда в голову лезет, и вроде как слышу я нелестные мысли лешего обо мне... а что обо мне Иванушка думает, того и не высказать! Ну, и я... тоже подумал: что там — Иванушка, дурачок — он и есть дурачок, что с него спросишь... Леший первый понял, снял с себя шапку, оглядел нас исподлобья, вздохнул и ушел. Такие дела... Не одолели мы Василиска, он нас одолел. Потом, конечно, мы еще пробовали, чаще — в одиночку и почему-то тайком друг от друга... Ничего не получилось. Да и к камере приближаться стало трудно: поле злобы вокруг нее, и ничто это поле не экранирует. И поняли мы, что пустили на землю зло. Не желая того, но разве это оправдание! А Василиск, видим, растет, пришлось строить вольер — конечно, за территорией поселка. Пока туда камеру с Василиском тащили, все переругались, чуть до драки не дошло. Втащили, отошли подальше, помирились и длинной веревкой, что привязали заранее, открыли крышку... Василиск выполз на зеленую траву, длинный и страшный, как смертный грех. Подполз к сетке, уставился на нас, и мы попятиться, охваченные ужасом от нами содеянного. А ведь мы еще не знали тогда, что он растет непрерывно, пока жив... Вольер был открыт сверху, и мы видели, как свалилась пролетающая птица и как Василиск проглотил ее, не дав упасть...

Тяжко вздохнул Пан Перунович, вытер холодный пот и продолжил рассказ:

— Что нам было делать, как поступить? Убить Василиска? Но кто решится! Мы прекратили работу, Нури. Сейчас это не работа, это мы так, суетимся понемногу. Последним появился тянитолай, и мы сразу отдали его вам, поскольку разуверились в собственной способности сотворить добро воспитанием, поскольку, как говорит Иванушка, погрязли в грехах и эгоизме. Через мягкий знак произносит это слово, чтобы обиднее было, и правильно, если мы до того опустимся, что друг друга подозревать стали. А разве не погрязли, а Василиск-то откуда? Мы каждый день смотрели на него издали. Змей наваливался на сетку, она прогибалась, и мы понимали, что ему ничего не стоит порвать ее. Так и случилось... В одно утро вольер оказался разрушенным, и след тянулся через перелески за озеро к болоту. Заметный, скажу вам, след!.. В озере плавала сверху брюхом отравленная рыба, на

берегу мы обнаружили останки птицы Рух, разорванной пополам. Олень-золотые рога, у нас их всего два было, валялся бездыханным. Было у нас дерево райское, гордость Леса: на одном боку цветы расцветают, на другом листья опадают, на третьем плоды созревают, на четвертом сучья подсыхают. На нем всегда Жар-птицы гнезда вили. Так это дерево оказалось словно раскаленной железной полосой опоясано и надломлено, потеря невозместимая! А на зеленом островке посреди болота, где обосновался Василиск, деревья усохли. И всю эту беду Василиск натворил между делом, просто так, ведь животные даже не были съедены...

В Заколдованном Лесу к трагедиям не привыкли. Звери в большинстве питались растительной пищей, а хищники промышляли помалу и без явного злодейства. Так, ежели Серый Волк по случаю задирает овечку, то какую похуже и обязательно перед тем безвыходно в лесу заблудившуюся. А чтобы вот так — р-р-раз, и готово! — этого не было, этого себе никто не позволял. Объяснялось это просто. Сказочные формы жизни едва нарождались, и потому еще на стадии предвоспитания творцы внушали всем необходимость сдерживать до поры природные инстинкты.

Злодеяния, учиненные Василиском, привели население Заколдованного Леса в состояние длительного шока. Мирная жизнь была в одночасье сломана, идиллическое течение ее нарушено. Тоскливое ощущение вины нависло над поселком, животные жались поближе к той рощице, где обитали единороги. Даже Яр-Тур, страху не знающий, вылез из чащобы и пасся в пределах видимости. Звери чувствовали, что если кого и опасается Василиск, так это единорогов. И действительно, в свое болото змей заполз не по прямой, он далеко обогнул рощу с единорогами. Это было видно по следу: где он полз, там пожухла трава.

— Я видел такой след, — сказал Нури. — Там, за территорией Леса. Возле памятника единорогу.

— Это не памятник, воспитатель Нури...

В болоте было душно и тихо. Совсем недавно в нем кипела жизнь, орала по ночам лягушка, по краям, где рос камыш и вода была прозрачна, бродили цапли; на островке в кроне сыр-дуба куковала кукушка, что подкидышем росла, хлебнула горя и теперь, всех жалея, любому науковывала несчетное число лет. Василиск отра-

вил воду, убил цапель, которые не успели улететь, дохнул вверх и спалил кукушку. Болото вскоре стало черным и зловонным, Василиску было в нем уютно.

Он быстро рос, наливаясь силой и злобой, как и положено царю змей Василиску.

Змей смутно помнил что-то светлое и теплое — это было в полузабытом прошлом, когда не было болота и безлистных деревьев; жило в нем и слабое воспоминание о том, как тепло внезапно исчезло и он пробудился в равнодушии и холоде и стал злым — и это сразу стало привычным. Так было, а может, и не было, все едино... Высоко в небе кружился ворон, он все время там кружится. Змей брызнул ядом, не достал... Ладно, еще успеется. И он пополз через болото туда, где была жизнь, которую можно убить.

— Так было, Нури. Василиск полз к поселку, а Ворон летел над ним и кричал. Мы могли уйти из поселка, в помещении синтезирующего комплекса всем места хватало бы, но нам стало стыдно — и мы остались... Ворон тревожно кричал в вышине, мы его слышали, и Неотесанный Митяй услышал. И привел к поселку единорогов. А змей уже выползал из леса, и казалось — ему не будет конца. Потом он свернулся кольцами, вытянулся вверх, и голова его раскачивалась на уровне вершины старого кедра. Он увидел всех нас и увидел единорогов, что стояли на склоне, заслоняя поселок. И смутились наши души, ибо перед нами было нами порожденное зло — фиолетово-черный Василиск. И нами порожденное чудо — единороги в боевых позах, розовые в предзакатных лучах. Картина была неповторима, этого нельзя забыть... Василиск, видимо, понял, что здесь ему хода нет. Он страшно зашипел и скрылся в зарослях...

Нури слушал и словно видел Василиска, уползающего в сумрак леса от людей и зверей в одиночество, которое никому не может быть желанным. По следу его потом установили, что он долго кружил вокруг поселка — кусты, в которых он укрывался, засохли, — смотрел, как леший доит драконессу и как возится Иванушка возле котла. Это было ночью, люди ощущали его тревожное присутствие еще и потому, что все время с места на место переходили единороги, заслоняя собою людей и животных. А когда рассвело, Ворон закричал, что Василиск прополз под завесу и ушел туда:

— В ми-р-р!

Это было самое плохое, что только могло случиться. Кто допустит, чтобы по его вине уве-

личилось в мире зло порожденное? Кто возьмет такой грех себе на душу? И леший послал вслед змею единорога.

Говорят — это был единственный случай прямого прохода: единорог не пополз вдоль зарослей разрыв-травы, он кинулся напрямик и проломил защиту. Василиск затаился в кроне дуба — видимо, учуял погоню. И Лес дрогнул, и далеко окрест было слышно, как единорог ударил плечом по дубу и сбросил Василиска вниз. Никто этого не видел, только земля была взрыта там, где Василиск бил шипастым хвостом, и была обгоревшей — там, куда попадал его страшный яд, перед которым ничто живое не могло устоять. Но когда единорог был еще малышом, леший самолично искупал его в воде, взятой от девяти рек. И он устоял... сколько мог. Нет, сражения никто не видел, но рычание единорога, грохот битвы раздавались за пределами Леса, улетели испуганные птицы, и далеко бежали лесные звери, а в городке ИРП этот грохот воспринимался как отдаленные раскаты грома. Потом, когда настала тишина, многие видели, как полз в свое болото Василиск, покрытый ранами. Он не прошел.

А единорог остался по ту сторону завесы. Он не упал, он прижался к дереву, цепенея от странной боли и ощущая, как каменеют мышцы и кости. И он, конечно, умер еще до того, как произошло в тканях полное замещение углерода на кремний, ибо именно к такой перестройке клеток приводило глубокое отравление ядом Василиска.

Все это случилось десять дней назад и полностью деморализовало коллектив. Сейчас каждому из создателей кажется, будто это он сам виновник зла, будто чуткий змей воспринял то плохое и темное, что каждый таит от самого себя в недоступных глубинах души. Василиск затаился безвылазно, и что с ним делать — никто не знает...

— Вернемся к началу, — сказал Нури. — Конкретно: что вы от меня хотите?

Пан Перунович долго молчал, наконец проговорил:

— Я знаю, вы можете принимать решения...

— Ничего себе, — невежливо сказал пораженный Нури. Перед ним был муж благостен и добронравен. Из тех, что, ожегшись на молоке, дуют на воду. Белый, как дилия, халат, нет, не халат, хитон! Белые же, хоть и редкие, но волнистые волосы под изящным обручем, глаза серые, внимательные и до невозможности добрые. В них растерянность, от самого себя скрываемая. Что там темное может быть в его душе, сплошная белизна... Нури крякнул и отвел взор.

За вас, значит, принять решение? Скажите, а может, он уже того, отдал концы? Подох?

Пан Перунович пожевал губами и непривычно кратко ответил:

— Жив.

Ближе к вечеру, когда солнце еще не село, но длинная зубчатая тень от тына уже дотянулась до огородов, Нури сидел на крыльчке и ждал. Говорящий котенок по-хозяйски расположился на колене и так упорно молчал, что Нури начал сомневаться: говорящий ли? В отдалении в открытых воротах неподвижно стоял Кащей, опираясь на трость. Может быть, любовался закатом. А может, что Кащеею закат, стоял просто так. Черный его силуэт смотрелся как вертикальное начало собственной горизонтальной тени. От летних кухонь кое-где поднимался синий пахучий дымок — это готовили поздний ужин любители поесть перед сном: деревня старалась жить так, словно ничего не случилось.

Нури был полон дневных впечатлений и отстраненно думал, что вот заботы жителей Заколдованного Леса уже становятся и его заботами и не вмешиваться он уже не может. Возможно, эта вынужденная пауза в их деятельности — только на пользу: все не было времени оглянуться, подумать, а оказывается, и древние рецепты надо применять с осторожностью... Любопытно: раньше каждый был уверен, что коллега-сосед «чист душой». Теперь это обстоятельство не то чтобы подчеркивалось, но упоминалось достаточно часто, чтобы обратить на него внимание. Каждый словно старался показать, что в чужой непричастности у него сомнений нет. И действительно, ну какое зло мог внушить Василиску Гасан-игрушечник или Неотесанный Митяй? Вот они, кстати, идут рядом и ладком от дома мастера. Нури пересадил котенка на коврик, поднялся.

— Добрый вечер, мастер. Мир вам, леший.

— И вы здравствуйте...

— Я ждал вас. Я пойду с вами. — Нури не спрашивал разрешения, он просто поставил в известность: пойду.

— Да, конечно, я сразу понял — вы пойдете! — сказал Гасан-игрушечник. Леший промолчал, только поправил холстину, которой была закрыта порядочная по размерам бадья.

При виде лешего Кащей посторонился.

— На болото? — прохрипел он вслед. — Грехи заглаживать? Подождите, Василиск еще вам покажет, уж я-то знаю!

— Чешите груди! — сказал леший, не оборачиваясь.

До болота путь был неблизок, и всю дорогу леший возмущенно бурчал, вроде как себе под нос: и откуда такие берутся, как этот Кащей, и как это люди ему позволяют, и где тот чиновник, который первым вывел Кащея на руководящую дорогу? Конечно, если в масштабе всего Леса, то кашеевы пакости ровно бы невелики с виду — ну, там рощу срубил, мастера обидел, дело доброе болтовней подменил; но ведь пакость — она безразмерна...

— А по-моему,— сказал Гасан,— Кащей не ставит целью специально учинить пакость, а действует в соответствии со своими убеждениями. Он искренне верит, что монумент с призывом важнее рощи, что показуха важнее дела. Он тем и страшен, что искренен!

Болото для лешего не было препятствием. Он уверенно перешагивал короткими толстыми ногами с кочки на кочку, держа на отлете бадью. Гасан-игрушечник и Нури шли за ним след в след, стараясь не ступать в зловонную жижу.

— От кого вы узнали, что это мы выхаживаем Василиска?

— Никто мне этого не говорил, мастер. Я сам прикинул и понял: кто-то должен, иначе бы змеей подох. Ну, а кто здесь может, кроме вас?..

Василиск лежал, полукольцом опоясывая бесстрашный островок, треугольная голова его придавила ствол поверженного дерева. Нури в принципе не верил в порожденное зло и, может быть, поэтому не ощутил того поля злости, о котором так красочно рассказывал Пан Перунович. Конечно, большая змея, о которой к тому же известно, что она ядовита; вызывает к себе неприязненное отношение, но как может быть зло врожденным и беспричинным?.. Не поднимая головы, змей слабо цвиркнул ядом, промахнулся и прикрыл мутные глаза. Выступающая из болота часть туловища была обклеена большими заплатами пластыря, они ярко выделялись на темной грязной чешуе. Неотесанный Митяй зашел слева и неуловимо быстрым движением оседлал Василиска. Он ухватил змея за ороговевший край капюшона и резким движением приподнял его голову. Раскрылась огромная пасть, беспорядочно утыканная вывернутыми вперед клиновидными зубами.

— Давайте!

Нури подтащил неподъемную бадью с драконьим молоком, а Гасан-игрушечник, отбросив холстину, стал лить его ковш за ковшом в черно-розовую пасть, стараясь не коснуться зубов, скользких от яда.

— Все сразу! — натужно выдохнул леший. — Трудно держа?...

Нури и Гасан вдвоем подняли и опрокинули

в пасть бадью, молоко — как в воронку — втянулось в горло. А потом, взявшись за концы, они длинной жердью прижали нижнюю челюсть змея к земле и, когда леший слез с него, быстро отбежали в стороны.

— Он уже почти здоров,— сказал леший. — Оклемается, гад!

Василиск лежал недвижим и не пытался даже плюнуть вслед. Драконье молоко действовало как панacea, нейтрализуя не только болотный, разъедающий раны яд, но и яд собственный. Тот, от которого каменеют.

Нури жил в Заколдованном Лесу уже вторую неделю. Время пролетело незаметно — как в старости, хотя до нее Нури было еще далеко. Он часто бывал в лабораториях, постигая популярные азы биотворчества. Кроме котлов горизонтального переноса, использовали здесь весь набор известных методов воздействия на наследственное вещество. И странно было видеть на экранах «Кассандры» поразительную птицу, которую можно было бы получить способом вертикального развития эмбриона кошки. Конечно, от дальнейшей работы над такой птицей пришлось отказываться, чтобы не порождать чудовищ, неожиданных и на Земле никому не нужных. А хотелось, неудержимо хотелось! Это самое трудное в работе творца — подавленное желание, вынужденная необходимость переступить через себя и отказаться от возможного, признав его ненужным. Как знакомы были они кибернетику Нури...

Он сдружился с лешим и часто сопровождал его в лесу и в поле. Неотесанный Митяй больше молчал, бродил, смотрел за порядком, часто присаживался на корточки, ковырял железным пальцем землю и закапывал семечко. Сбегав к ручью, приносил в жмени воду, поливал место посадки. И как заметил Нури, не было случая, чтобы семя не дало ростка.

Гром с той первой ночи больше не появлялся — видимо, ушел домой, к хозяину. Нури понимал его и не обижался.

Леший учил Нури понимать жизнь растений, и эта наука никогда не надоедала, и пришло время, когда Нури сам почувствовал: вот здесь надо посадить барбарисовый куст — и не семечком, а ростком. И это знание пришло к нему как бы само по себе. Выслушав Нури, леший довольно хмыкнул, брови его полезли на лоб, и показались густо-синие глазки, маленькие, сумасшедше веселые.

Иногда по просьбе Пана Перуновича, который заботился о повышении кругозора своих

сотрудников, Нури читал лекции в гулком помещении синтезирующего комплекса. Поскольку никто по-настоящему не работал, а все чего-то ждали, каких-то перемен, то приходило довольно много народа. Принципы построения математических моделей живого, едва только просовывающиеся в воображении генетиков-программистов, почему-то мало интересовали слушателей. Но все оживлялись, когда Нури рассказывал о своем личном опыте воспитателя, о приемах воспитания у детей доброты и уважения к живому, к природе, которую так бездумно топтали и растрчивали предки.

— Эх, если бы только предки...— проговорил на одной из таких лекций Иванушка.— Мы вот тут раз спросили: товарищ Гигантюк, вы о чем думали, когда рошу под монумент сводили? Ответил, что мы не понимаем задачи момента. Потом выяснилось, что это он ревизоров ждал и хотел показать достижения по-крупному. Что поразительно, он действительно уверен: чем крупнее монумент, тем больше кажутся достижения...

— Вы к чему это, Ваня?

— А к тому, что, по моему разумению, растрата природы лишь на одну десятую объясняется потребностями человечества, а на девять десятых — глупостью маленьких людей, попавших на большие посты.

— А спешка? А корысть?

— В общении с природой спешка и корысть суть та же глупость.

Эти рассуждения показались Нури не лишены интереса, но с другой стороны... Нури не спросил, где был принципиальный Иванушка, когда руководящий Кашей рошу срубал. Распределяя причины по процентам, Иванушка как-то забыл собственное нежелание вмешиваться. Здесь, в Заколдованном Лесу, обитали люди порядочные, тихие, любили совершать добрые поступки и ожидали, что их обязательно должны совершать и все другие. Это так удобно... для себя. Но что все же делать с Василиском, он вот уже созревает для новых злодейств, а решение-то принимать кому? Не Пану же Перуновичу, благостному и эрудированному до невозможности.

Гасан-игрушечник и Неотесанный Митяй — вечная загадка человеческой психики! — выходили Василиска. А могли бы не пойти на болото, страшно ведь, кто бы осудил. И сдох бы Василиск, и всем радость... разве не мог им Пан Перунович помешать? Мог бы. Не стал. Устранился.. А может, ерунда — эти рассуждения о загадках психологии, просто леший и мастер не могли по-другому? В конце концов, все доброе

человек делает по внутренней потребности, и нет ничего подлее, чем ожидание благодарности за добрые дела... Так думал воспитатель Нури.

Василиск сменил кожу. В отличие от людей змеи регулярно меняют кожу. Прежнее одеяние, зловонное и рваное, в шрамах и пятнах пластырей, отшелушивалось от тела, и настал день, когда Василиск выполз из него в новой шкуре с блестящей чешуей, невредимой и удобной. Болотная грязь не приставала к ней. Ощущение новизны требовало действия и пробудило любопытство. Василиск тронул носом окаменевшее тело кукушки, глянул в небо. В вышине по-прежнему кружил Ворон. Пусть кружит, не мешает... А кукушку не вернешь... Шевельнулось воспоминание о прошедшей муке и исчезло. Страдания быстро забываются.

Царь-змея пополз из болота к свету. В углах губ его скапливался яд, но пасть была закрыта, и он не стал брызгать ядом в пролетавшую мимо птаху. Звери разбежались перед ним, тревожно кричал Ворон. В стороне, задевая когтистыми лапами за верхушки деревьев, пролетел дракон и тяжело приземлился за дальней рощей. Змей двинулся в обход озера, а в это время по привычному маршруту совершал предобеденную прогулку Павел Павлович Гигантук.

На него-то и выполз Василиск.

— Итак, товарищи, позвольте подытожить. В природе встречаются два типа зла. Первое — это зло изначальное. Я бы определил его как зло, сидящее внутри нас: зависть, корыстолюбие, приспособленчество, трусость. Задачей воспитателя является борьба с этими видами зла. Вы согласны со мной, воспитатель Нури?

Пан Перунович промокнул вспотевшее чело и светло оглядел присутствующих. Семинар на тему «Что есть зло и как с ним бороться» собрал обширную аудиторию: все хотели бороться со злом, но не знали — как. Ораторы, обращаясь почему-то в основном к Нури, предлагали различные рецепты искоренения, включая непротивление злу насилием, подставление правой щеки, пассивный протест, общественное осуждение, бойкот и так далее — вплоть до рылобития. Впрочем, большинство выступивших рылобитие как метод борьбы со злом признавали неприемлемым, поскольку оно, будучи злом само по себе, только увеличит суммой зла на земле. Нури слушал дебаты с любопытством: в его практике воспитателя дошкольников ему

как-то не приходила в голову необходимость классификации видов зла и борьбы с ним.

— Так вы согласны, Нури? — повторил Пан Перунович.

— Продолжайте, прошу вас.

— Так вот... А второе — это зло порожденное. Нами порожденное. Причиной ему — наша неспособность или нежелание предвидеть результаты своих поступков. Пример — Василиск! И вот вопрос: какое из зол больше?

Пан Перунович сделал паузу, поскольку подошел леший с бадьей. Он нес драконье молоко, разведенное водой, из семи источников взятой.

— Фифти-фифти! — сказал Неотесанный Митяй, обходя стол, за которым сидели под раскидистым платаном участники семинара. Он каждому наливал в протянутую кружку. Потом леший уселся у дальнего конца стола на свободном месте, подпер нестриженую голову могучими кулаками и стал слушать.

— Позвольте, я отвечу на вопрос.

— Пожалуйста, — Пан Перунович пожал плечами. — Сейчас Иванушка скажет то, что он хочет сказать.

— И скажу. Зло изначальное опаснее всего. Кстати, если о зле порожденном в сказках почти ничего не говорится, то зло изначальное постоянно присутствует в фольклоре. Я ни на что не намекаю, но воплощено оно в Кашее Бессмертном. Напомню, что смерть его находится на острове, неизвестно где расположенном, в сундуке, что зарыт под дубом, а в том сундуке утка, которая должна снести яйцо. В этом-то яйце иголка, а в кончике ее смерть Кашеева. Заметьте, добрый молодец не сам на остров попадает, ему помогают медведь, серый волк, яблонька-золотые яблоки. А когда он сундук выкопал и открыл, утка вылетела, и в вышине ее ясный сокол закогтил. Но утка успела яйцо в сине море уронить, и если бы не щука, то неизвестно, что и было бы. Щука яйцо подхватила и добру молодцу отдала в белые руки. Дальше понятно: яйцо расколотил, иголку сломал — и Кашей скончался в конвульсиях. А вывод, товарищи? Тут, товарищи, три вывода можно сделать. Первый: со злом в одиночку бороться бесполезно, надо всем миром и с обязательным привлечением сил природы, кои и во флоре и в фауне заключены. Вывод второй: чем меньше этой самой флоры и фауны на Земле остается, тем у нас меньше шансов победить зло изначальное. Таков, товарищи, скрытый, а для меня очевидный смысл. И третий вывод: потому зло изначальное и воплощено в Кашее Бессмертном, что победить его нам с вами не дано.

— Такие вот дела,— горестно сказал Неотесанный Митяй.— И чешите грудь.

— То есть как? — услышав такое, Нури не мог не вмешаться.— Как это не дано?

— А так! Не можем — и весь тут сказ.

— Э, нет, товарищи, давайте разберемся! Иванушка тут много чего наговорил... первые два вывода у меня не вызывают сомнения, но третий?! Мой опыт показывает, что этот ползучий пессимизм неоправдан. Непобедимо в принципе? Нет! Единственный способ борьбы со злом — это воспитание доброты. Это и должно быть третьим выводом из той сказки, суть которой вы, Ваня, хоть и тезисно, но достаточно полно изложили. Ибо если бы добрый молодец не был добрым, то ни яблонька, ни серый волк, ни, простите, щука помогать ему не стали бы. Такой вот вывод.

— Ну вот видишь, а ты — не дано, не дано! — Леший встал из-за стола.— Я, однако, пойду погляжу, Ворон кричит.

Прислушались и различили необычайную вокруг тишину и крик Ворона вдали.

— Ну вот,— Пан Перунович светло поглядел на Гасана-игрушечника.— Вылечили, значит, на свою голову, трудности себе создали, сейчас их преодолевать будем. Или как?

— Болел — лечили! — Гасан-игрушечник не опустил глаз, усы его остро топорщились.

Ворон приближался, и леший первым уловил в его крике что-то новое.

— Р-р-радуйтесь! — Ворон спикировал вниз и кружил над платаном.— Цар-р-рь помер-р-р!

Василиск был неправдоподобно огромен, его неподвижные глаза были наполовину затянuty пленкой, ороговевший капюшон, обрамляющий шею, поник, с зубов оскаленной пасти стекал яд, образуя прозрачную лужицу, над которой дрожало небольшое синеватое марево. Большая часть его тела скрывалась в орешнике, густо растущем по периметру поляны. На змее, как на огромном бревне, сидел Кашей — ноги его не доставали до земли — и ковырял тростью опавшие листья. В очках его отражались звери, стоящие вокруг. Притихшие, они молча смотрели на поверженного Василиска, на Кашея.

— Он долго мучился? — шепотом спросил Гасан-игрушечник.

А люди и звери все подходили, и замедляли шаги, и останавливались рядом вперемешку.

— Скажите, Гигантюк, вы что, снимали очки? — Нури затаил дыхание, ожидая ответа.

Гигантюк медленно и страшно улыбнулся — лучше бы он не улыбался.

— Снял, конечно. Кто запретит?

Нури повернулся к Гасану:

— Он не мучился, мастер. Он скончался мгновенно.

— А вы пронциательны, бывший кибернетик Нури! Почему мне никто не говорит спасибо? Или я не избавил вас от необходимости самим принимать решение?

Гигантюк слез со змея и, не опираясь на трость, уверенно пошел к поселку. Перед ним расступились.

— Что вы имели в виду, Нури? — спросил Пан Перунович.— Я не понял. Почему — мгновенно?

— У Гигантюка страшная болезнь, именуемая равнодушием. Рак души. Вы как-то забыли упомянуть о равнодушии, когда говорили о зле изначальном... И не спрашивайте меня, почему мы, общаясь с Кашеем, ничего не чувствуем. Чувствуем, но не хотим замечать зло равнодушия, поскольку в малых дозах сами заражены им. Попривыкли, приняохались. И потом, он скрывает от нас свою душу, а с виду кажется человеком. Василиску же он явился таким, каков есть. Мне жаль змея, Пан Перунович. Он заглянул в пустые глаза Кашея и сдох от ужаса!

Все молчали, потрясенные.

— Но разве Василиск не есть зло, порожденное нами? — прошептал Пан Перунович.

— Э, бросьте! Подумав, вы и сами могли бы догадаться, что в процесс предвоспитания вмешался Гигантюк. Полагаю, что это было, когда он поскандалил с Неотесанным Митяем и тот ушел. Взбудораженный и злой, Гигантюк надел шлем ЭСУДа, оставленный лешим. Энергия, вы мне сами говорили, уже была подана. Ну вот, Кащей и сломал психику маленького змея, внушив ему склонность к злодеяниям...

Нури не хотели отпускать, его уговаривали остаться здесь, в Заколдованном Лесу, навсегда.

Пан Перунович был покорен умением Нури сочинять сказки. «С чего вы взяли?» — «А нам Алешка рассказывал. И вообще нам нужен постоянный консультант в ранге воспитателя дошколят, дабы верно оценивать содеянное и давать общее направление. Главное же, требуется человек, умеющий принимать правильные решения... Умеете, умеете, сразу видно, да и Сатон вас не зря направил к нам... А вы как думаете, Сатон — он такой! Мы здесь замкнулись внутри себя, и связи с реальностью у нас ослабли, а что за сказка без связи, вы встряхнули нас...» Неотесанный Митяй говорил, что года через три из него получился бы неплохой леший, поскольку Нури бесстрашен и добр, а все остальное — дело практики. Иванушка иногда доверял Нури поварешку и утверждал, что через пару лет он станет вполне грамотным черпальщиком. Гасан-игрушечник, не подозревая, что былое увлечение кибернетики Нури — механофауна, поражался его чутью и умению видеть в произвольно взятой коряге то единственное, что в ней заключено. «Вы умеете держать инструмент, — размышлял мастер. — Через пять лет я сделаю из вас игрушечника...»

Все эти перспективы были заманчивы, и если бы кибернетик Нури не стал воспитателем, он пошел бы в лешие, подменял бы ночами Иванушку и вырезал игрушки. Но он был на самой важной работе и, сожалея, отказался от предложений.

— Ладно, что тут поделаешь, — вздохнул Пан Перунович. — Но вам придется подождать, коллектив готовит для вас подарок. Мы не можем отпустить вас просто так...

Нури догадывался, что это будет за подарок, ибо к Гасану-игрушечнику прибегали на консультацию и старик Ромуальдыч, и сам Пан Перунович, и многие другие. Они вертели так и сяк, дотошно рассматривали того деревянного зверя, которого мастер показал Нури в день зна-

комства. Ромуальдыч терзал вопросами «Кассандру», Пан Перунович со своими добры-молдцами погрузился в глубины генетики и эстетики — в Заколдованном Лесу эти дисциплины оказались тесно связанными.

Нури не хотел сидеть сложа руки и, трепетно ожидая подарка, взялся переделать все наличные шапки ЭСУДа. Он вводил в схему блок защиты, автоматически отключающей поле при попытке передачи в камеры предвоспитания злых намерений — запоздалая страховка от Кащея. Дело это было многотрудным, поскольку проверить, сработает ли блок, оказалось невозможным. У всех обнаружили только добрые намерения, а к Гигантюку, естественно, никто обращаться не желал. Так что пришлось Нури полагаться на интуицию и свой опыт наладчика кибернетических устройств.

...И настала ночь, теплая и сиренево-светлая. Нури, Иванушка, Неотесанный Митяй и Гасан-игрушечник сидели вокруг котла на помосте, смотрели на огонь и — ковшик ходил по кругу — пили драконье молоко. Немного грустные в предчувствии расставания, вели негромкую дружескую беседу обо всем — о жизни, о сказках, о том, что драконыш вот растет общительным, что, скоро, видимо, появится маленький единорог — естественным, так сказать, путем — и что, может быть, стоит познакомиться золотого коня из ИРП с единорогами, есть в них нечто родственное... А возможно, кони — это мутанты единорогов?

Нури ощутил за спиной чье-то присутствие и протянул руку. Погладил пса. Гром подошел неслышно и ждал, когда на него обратят внимание.

— Ну что, видимо, мне пора?

— Пора, — сказал пес. — Я пришел за тобой.

— Вы же сами не захотели остаться, — Пан Перунович пришел вовремя, и Нури подумал, что все уже приготовились и вот даже Грома вызвали к ночи, когда можно пройти сквозь защитное поле.

В руках Пан Перунович держал лукошко, закрытое попонкой. Все посмотрели на лукошко и поднялись.

— Тут для вас подарок. Вам и детям — в дополнение к тянитолкаю, чтоб не рос увальнем и не терял алертности.

И сразу леший засвистел, загукал странно, и на яблоню опустилась Жар-птица, и стало светло. А леший взял лукошко, поднес его Нури и убрал попонку. В лукошке на мягкой подстилке лежал и сонно щурился щенок рычикусяя.

Он между нами жил...

Евгений БРАНДИС

Предлагаемые воспоминания о Ефремове — последние, что написал Евгений Павлович Брандис, известный советский литературовед и критик, неутомимый исследователь и пропагандист фантастики, добрый друг и давний автор нашего журнала. Отрывок предназначался для предисловия к новому изданию книги «Через горы времени», выпущенной им в соавторстве с В. И. Дмитревским в 1963 году; переиздание ее, переработанное и дополненное, должно было увидеть свет в 1987 году — к восьмидесятилетию со дня рождения Ефремова. К сожалению, закончить переработку книги Евгений Павлович не успел: 3 августа прошлого года он скончался. 16 апреля 1986 года ему было бы 70 лет.

...Ефремов считал себя человеком везучим — за что бы он ни брался, все удавалось. Но везло ему, я думаю, оттого, что безошибочная научная интуиция соединялась с четкой целенаправленностью. При всей разносторонности своих интересов он никогда не разбрасывался — в любой из отрезков времени выбирал для себя самое существенное, требовавшее предельного сосредоточения сил. Остальное откладывалось в запасниках памяти, дожидалось своего часа в «премудрых тетрадах» — так он называл записные книжки с размышлениями о разных вещах и беглыми набросками замыслов.

Большое лучше видится на расстоянии. Ефремов завершил жизненный путь, едва ли наполовину осуществив свои замыслы. Проживи он еще столько же, работай с той же неуемной страстью, соотношение созданного и невыполненного осталось бы, вероятно, таким же — удел щедро одаренной личности. Но и то, что им сделано, почти неправдоподобно по многообразию и объему освоения колоссальных пластов разнородного материала на всех участках, где он поднимал целину как ученый и как писатель.

Не сомневаясь, еще будет написана не одна научная биография И. А. Ефремова, будут посвящены исследования его целостному мировосприятию и отдельным аспектам творчества. Например, Ефремов — историк и исторический романист; Ефремов и социальная прогнозика; Ефремов и космическое мышление; педагогические взгляды Ефремова. Мыслитель-универсал, энциклопедист XX века, он отдал дань большинству существенных проблем, волновавших его современников, вплоть до семейных отношений, любви и брака. Какая получилась бы уникальная антология, если бы кто-нибудь взял на себя труд систематизировать суждения Ефремова и расположить их по тематическим рубрикам!

Литература — только часть его деятельности. Научная фантастика — только часть его творчества. В тот период, когда вместе с В. И. Дмитревским мы задумали написать небольшую монографию о Ефремове, он утвердился в сознании миллионов читателей как выдающийся писатель-фантаст, хотя талантливо проявлял себя и в других жанрах. Нам хотелось расспросить писателя о его творчестве, научных и литературных пристрастиях. Не просто хотелось. Это было необходимо на предварительном этапе работы над книгой.

Хорошо запомнился наш первый визит к автору «Ту-

манности Андромеды». Позвонив из гостиницы, мы в тот же день очутились вдвоем с Дмитревским в тесной, сплошь заставленной книжными стеллажами квартире Ивана Антоновича в Спасоглинищевском переулке, откуда он впоследствии переехал в предоставленную ему Академией наук достаточно просторную «профессорскую квартиру» на улице Губкина.

...И вот нам навстречу выходит высокий, широкоплечий, молодежавший для пятидесяти лет человек с миндалевидными голубыми глазами и чуть тронутыми сединами волосами. Его огромная сильная ладонь легонько пожимает руку, будто боясь нечаянно раздавить ее. Хотя он без бороды и усов и облачен не в доспехи, а в черный морской китель, не скрывающий могучего торса, Ефремов представляется нам с первого взгляда едва ли не былинным богатырем. И такое впечатление еще усиливается его мягким рокошущим басом.

Поначалу, как это бывает при первой встрече, разговор не очень клеился, пока не обнаружили наши общие пристрастия к литературе романтической мечты, к морским и экзотическим приключениям и особенно к научной фантастике. Писатель заговорил о ее удивительных судьбах, о пленяющей воображение способности соединять прошлое с настоящим и настоящее с будущим.

В затянувшейся за полночь беседе приоткрылась многогранная личность Ефремова, покорила его глубокий ищущий ум, свободно преодолевающий барьеры пространства и времени во вселенских масштабах. И вместе с тем поражала его озорная, почти мальчишеская увлеченность всем необычным, загадочным, таящим в себе приключения, преодоление невероятных преград...

Тогда еще мы не знали, что богатырское здоровье Ефремова было подорвано инфарктом, перенесенным в полевых условиях в пустыне Гоби, где он руководил палеонтологической экспедицией.

Как странно и порой несправедливо складываются людские судьбы! Ему, влюбленному в древнюю Элладу, мечтавшему о путешествиях по Африке и по Индии, получавшему десятки приглашений на международные научные конгрессы чуть ли не во все страны мира, предстояло, по требованию врачей, прожить оставшиеся годы в четырех стенах своего кабинета или, в лучшем случае, на подмосковной даче. И даже отказаться от поездок в родной Ленинград!

Но именно последние полтора десятилетия в творческом отношении были особенно напряженными. В экстремальных условиях, когда другие во всем себя ограничивают, он избрал для себя линию наибольшего сопротивления. Поневоле покончив с экспедициями, перенеся основной упор с научной работы на литературную, он создал после «Туманности Андромеды» три монументальных романа, плодотворно трудился в публицистических жанрах, вел колоссальную переписку с учеными, литераторами и читателями. У двери его квартиры на улице Губкина стоял громадный почтовый ящик, какие иногда встречаются в учреждениях. Ефремов и работал как целое учреждение, отвечая на сотни писем, не зная творческого покоя.

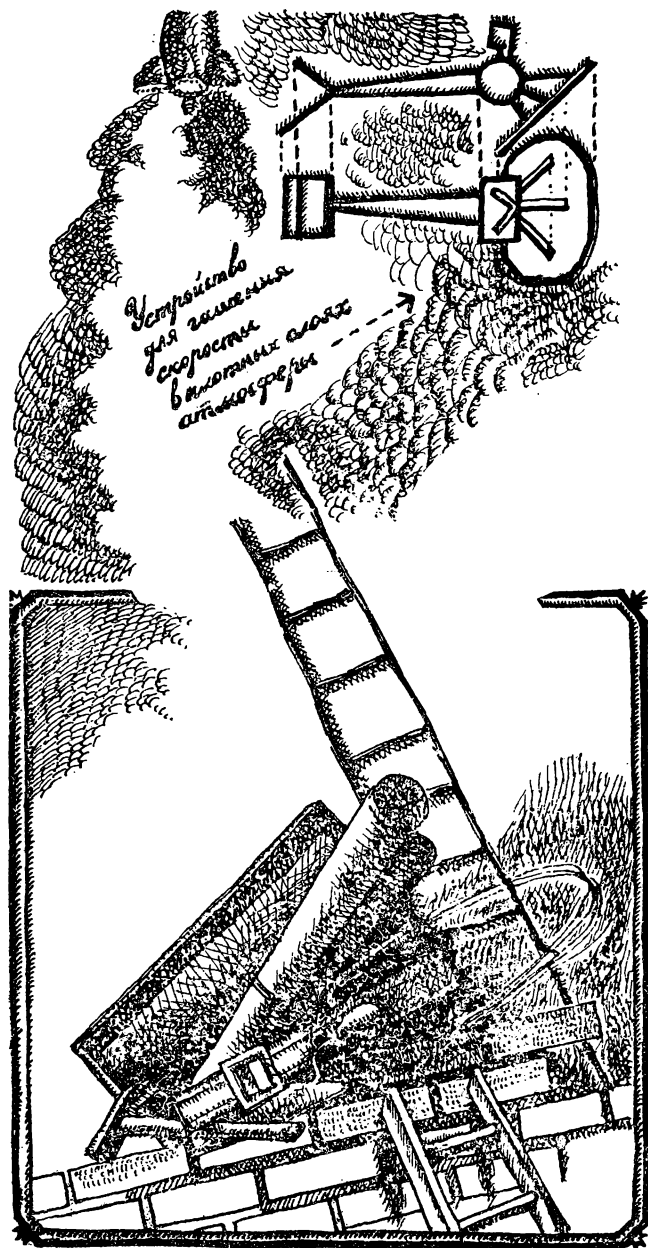
А отпущенное ему время неумолимо сжималось...

ЗОВ КОСМОСА

Оксана БУЛГАКОВА

Рисунки В. Ганзина

ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ

Портрет этого человека сегодня можно увидеть в Государственном музее истории космонавтики, в Политехническом музее, в павильоне «Космос» ВДНХ на стенде рядом с К. Э. Циолковским... Его лицо — на больших и малых медалях, жетонах и даже почтовых конвертах. В Большой Советской Энциклопедии «одному из пионеров разработки основ космонавтики» отведено солидное место. Именем Юрия Васильевича Кондратюка названы улицы в Москве, Киеве, Полтаве, в Камне-на-Оби, Рубцовске, Малой Выске на Украине, станице Октябрьской на Кубани и площадь в Новосибирске. Международной ассоциацией астронавтики в 1967 году принято предложение советских ученых о присвоении имени Кондратюка одному из кратеров на обратной стороне Луны, и теперь — посмотрите на Лунный глобус — его фамилия рядом с именами Н. Е. Жуковского, В. П. Ветчинкина, С. П. Королева, И. В. Курчатова, Ю. А. Гагарина, Г. Я. Бахчиванджи. Казалось бы, несложно узнать сегодня о Ю. В. Кондратюке — стоит лишь пойти в столичные музеи или Институт истории естествознания и техники АН СССР. Но мы избрали другой путь: все материалы для этого очерка собраны в народных музеях: станичном, школьных, училищных, институтских, — мы решили рассказать, каким сохранила образ самодельного ученого память народная.

«ЭТО СТАЛО ЦЕЛЬЮ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Из письма Ю. В. Кондратюка К. Э. Циолковскому, 1929 г.:

«Благодарю Вас за присланные Вами книжки. Я был чрезвычайно поражен, когда увидел, с какой последовательностью и точностью я повторил не только значительную часть из Ваших исследований вопроса межпланетных сообщений, но и вопросов общеполитических.

Видимо, это уже не странная случайность, а вообще мое мышление направлено и настроено так же, как и Ваше.

...Над вопросами межпланетного сообщения я работаю уже 12 лет, с 16-летнего возраста, — с тех пор, как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни.

...Овладение межпланетными пространствами имеет для всего дальнейшего решающее значение. Но мало кто достаточно ясно это учитывает, а также и то, что задача эта разрешима нашей современной техникой.

Из письма Ю. В. Кондратюка профессору Н. А. Рынину, 1929 г.:

«Достигнув в 1917 г. в своей работе первых положительных результатов и не подозревая в то время, что я не являюсь первым и единственным исследователем в этой области, я на некоторое время как бы «почил на

Именно в возможности в ближайшем будущем начать по-настоящему хозяйничать на нашей планете и следует видеть основное огромное значение для нас в завоевании пространств Солнечной системы.

Ю. КОНДРАТЮК

лавах» в ожидании возможности приступить к экспериментам, которую рассчитывал получить реализацией изобретений...

В 1918 г. в одном из старых номеров «Нивы» я случайно наткнулся на заметку о ракете Циолковского, но «Вестника воздухоплавания», на который ссылалась заметка, я еще долгое время не мог разыскать.

Эта заметка и попавшиеся мне впоследствии заметки в периодической печати о заграничных исследованиях дали толчок для дальнейшей, более точной и подробной разработки теории полета, для перехода от общих физических принципов к обсуждению технической возможности к их реальному применению. Принимаясь за работу несколько раз, с перерывами между репетиторством, колкой дров и работой смазчика, мне удалось к 1925 г. дополнить ее почти до настоящего ее вида...

В 1925 г., когда работа уже приходила к концу и когда мне удалось, наконец, разыскать «Вестник воздухоплавания» за 1911 г. с частью работы К. Э. Циолковского, я хотя и был отчасти разочарован тем, что основные положения открыты мной вторично, но в то же время с удовольствием увидел, что не только повторил предыдущее исследование, хотя и другими методами, но сделал также и новые важные вклады в теорию полета».

Из выступления академика В. П. Глушко, члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий:

«...Это была яркая личность, очень деятельный, инициативный, талантливый человек, беспокойный по натуре, который все время искал что-то новое, не что-то вообще, а именно свое новое, нашел его и посвятил этому свою жизнь».

Независимо от Циолковского, не зная его работ, Кондратюк совершенно новым оригинальным методом вывел основное уравнение полета ракеты. Он рассчитал энергетически наиболее выгодные траектории космических полетов, занимался теорией многоступенчатых ракет, разрабатывал проблемы создания промежуточных межпланетных заправочных баз — спутников планет, экономичной посадки ракет с использованием торможения атмосферы.

Кондратюк предложил полет к Луне и планетам с выходом на орбиту их искусственных спутников. Ему же принадлежит идея использования гравитационного поля встречных небесных тел для доразгона или торможения космического аппарата при полете в Солнечной системе.

«...Уже один этот перечень, далеко не полный, показывает обилие оригинальных, интересных идей, которые впервые высказал Кондратюк и которые сейчас частично используются, частично и ныне являются новинками, а некоторые из них еще только предстоит использовать ввиду их эффективности».

Из признания Джона Хуболта, инженера из Вашингтона:

«Когда ранним мартовским утром 1969 года с взволнованно бьющимся сердцем я следил на мысе Кеннеди за стартом ракеты, уносившей корабль «Аполлон-9» по направлению к Луне, я думал в этот момент о русском — Юрии Кондратюке, разработавшем ту самую трассу, по которой предстояло лететь трем нашим астронавтам».

Из статьи в журнале «Лайф», 1969 г.:

«Вариант Хуболта предусматривал выведение корабля «Аполлон» на окололунную орбиту с последующим отделением отсека, который и должен опуститься на Луну».

«...Инженер Хуболт заимствовал свою идею у русского автора Юрия Кондратюка, который подробно теоретически обосновал этот вариант в книге, выпущенной в 1929 г.»

Все эти вышеперечисленные и другие не менее интересные материалы мне показали в народном музее Ю. В. Кондратюка. Музей этот необычен, единственный в своем роде. Создан он при элеваторе, что в Крыловском районе на Кубани, и более чем за десятилетие его существования небольшую станцию посетили десятки тысяч человек. Много волнующих записей оставили они. Одна из них — символична, ибо принадлежит правнучке Н. Е. Жуковского, крупнейшего русского ученого, основоположника современной аэродинамики: «С огромным волнением познакомилась с замечательным музеем гениального ученого и человека...»

Имя Н. Е. Жуковского носил тот самый аэродинамический институт, в который в 1925 году ушла из этой станции бандероль от никому неизвестного механика элеватора. Была она без заглавия, на 79 тщательно переписанных черными чернилами страницах. На последней — адрес ее автора: «ст. Крыловская, ВКЖД, элеватор хлебопродукта». Ученик и последователь Н. Е. Жуковского, крупный ученый в области аэродинамики профессор В. П. Ветчинкин, пораженный смелостью и оригинальностью мышления ученого из народа, написал блестящий отзыв на статью «О межпланетных путешествиях», как он назвал ее, и подписался из солидарности и уважения к автору не «профессор Ветчинкин», а «инженер-механик Ветчинкин».

«Принимая во внимание, что Ю. В. Кондратюк не получил высшего образования и до всего дошел совершенно самостоятельно, можно лишь удивляться талантом и широте взглядов русских механиков-самоучек» — через несколько лет так предврит он к печати уже книгу, ту самую, которая сорока годами позже поможет американским ученым проложить дорогу к Луне.

В кубанской станции Юрий Кондратюк появился осенью 1925 года. В его заплечном мешке не было никаких иных богатств, кроме четырех сшитых тетрадок, заполненных карандашом еще в год окончания подтавской

гимназии, да рукописных вариантов того же содержания, но углубленного за годы самостоятельных постижений высшей математики, физики, одержимого, беззаветного труда. Один из них озаглавлен — «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Что строить? Да, конечно же, ракету: автор не сомневался, «что достаточно опубликовать найденные основные принципы, как немедленно кто-нибудь, обладая достаточными материальными средствами, осуществит межпланетный полет».

Раннее сиротство, скитания по горящим дорогам первой мировой и гражданской войн, казалось, должны были бы приблизить мечтателя к реалиям земным. Но он, презрев однажды даже Жюль Верна с Г. Уэллсом по причине их явной несостоятельности «с научно-технической точки зрения», целиком погрузился в грандиозные и необычные проекты: «Мною были «изобретены»: водяная турбина типа колеса Пельтона взамен мельничных водяных колес, считающихся мною единственными водяными двигателями, гусеничный автомобиль для езды по мягким и сыпучим грунтам, беспружинные центробежные рессоры, пневматические рессоры, автомобиль для езды по неровной местности, вакуум-насос особой конструкции, барометр, часы с длительным заводом, электрическая машина переменного тока высокой мощности, паротурбинная турбина и многое другое, — вещи частью технически совершенно непрактичные, частью уже известные, частью и новые, заслуживающие дальнейшей разработки и осуществления. В математике — упорные исследования по геометрической аксиоматике (преимущественно постулату параллельных), «открытые» основных формул теории конечных разностей и анализа и многих менее значительных вещей, почти сплошь являющихся открытием ранее известного... В физике — упорное стремление опровергнуть второй принцип термодинамики (характерно, что это, кажется, общая черта с К. Э. Циолковским)»...

Но главной его мечтой был проект завоевания Солнечной системы. Причем подходил Кондратюк к этой проблеме чисто практически, примеряя ее к текущему времени.

В предисловии к главной и единственной книге своей жизни «Завоевание межпланетных пространств», которую в основном Кондратюк завершил на Кубани, он специально останавливался на ожидаемых результатах для человека от выхода его в межпланетное пространство. Кондратюк писал: «Пионер исследований данного предмета проф. Циолковский видит значение его в том, что человечество сможет заселить своими колониями огромные пространства Солнечной системы, а когда Солнце остынет, отправится на ракетах для поселения в еще не остывших мирах».

Подобные возможности, конечно, отнюдь не исключены, но это все предположения отдаленного будущего, частью речесур уж отдаленного. Несомненно, что еще долгое время вложение средств в улучшение жизненных условий на нашей планете будет более рентабельным, нежели основание колоний вне ее... Именно в возможности в ближайшем же будущем начать по-настоящему хозяйничать на нашей планете и следует видеть основное огромное значение для нас в завоевании пространств Солнечной системы».

Он мечтал овладеть ресурсами, с помощью которых можно было бы провести в грандиозных масштабах мелiorацию и даже изменить климат целых континентов. В мыслях и на бумаге он строил четырехступенчатые ракеты, математически обосновывал самые экономичные варианты полета к небесным телам — при наименьших затратах топлива. Еще в первых вариантах работы он предвосхитил как раз те схемы устройства головок камеры сгорания, которые используются и ныне. Для си-

стем управления ракетами еще в 1919 году он придумал плавающие гироскопы — именно такая система сейчас считается самой перспективной.

А не о сегодняшних ли космических «Салютах» и грузовых автоматических кораблях «Прогресс» писал Кондратюк в 20-е годы? «Обладание базой... даст ту большую выгоду, что мы не должны будем при каждом полете транспортировать с Земли в межпланетное пространство и обратно материалы, инструменты, машины и людей... Ракеты с земли в межпланетное пространство будут направляться лишь для снабжения базы и смены через более или менее продолжительные промежутки времени одной бригады людей другой».

«Яркий самобытный талант Ю. В. Кондратюка, сказавшийся в его блестящих исследованиях ракетно-космических проблем, вызывает глубочайшее к нему уважение. Велик вклад в развитие космонавтики, сделанный им... Ю. В. Кондратюка справедливо называют вторым Циолковским». Это письмо, присланное академиком Глушко в Крыловский музей еще в январе 1972 г., соседствует сегодня с другими переданными в дар музею лично академиком, космонавтами, в которых словно ожили идеи Кондратюка: модели стыковки «Союз—Аполлон», первого скромного отечественного ЖРД конструкции В. П. Глушко и его последующих работ, двигателей ракет «Восток» и «Космос», развивающих тягу в миллионы лошадиных сил; гелиоракетоплана с электрическим ракетным двигателем, с которого в 1928 году «начался» будущий академик, главный конструктор двигателей всех крупных советских ракет-носителей. Ну и, конечно, Лунный глобус, и карта обратной стороны Луны, и труды самого Кондратюка, и два сохранившихся его письма К. Э. Циолковскому, и книга Константина Эдуардовича, подаренная ему с автографом, и еще сотни других экспонатов, просвещающих, будящих гордость за отечественную науку, воспитывающих уважение к творчеству, поиску, в который вовлекаются сейчас новаторы, ускоряющие научно-технический прогресс...

За стеной музея идет жизнь, далекая от космоса, но тоже близкая Кондратюку. Со всего Крыловского района собрана на элеваторе пшеница, рис, кукуруза, соя, горох, подсолнечник. Объемный современный элеватор лишь по названию напоминает то деревянное хранилище, где механик Юрий Кондратюк внедрил свои новшества. Сегодня любой из силосных корпусов в десять раз больше всего элеватора времен Кондратюка. На верхнюю площадку 60-метровой рабочей башни нас мгновенно поднял обыкновенный лифт, а вот зерно к нориям двигалось по транспортерам, на которых легко узнавались, хоть и осовремененные, хоть и усовершенствованные, известные уже полвека «ковши Кондратюка». Четыре авторских свидетельства получил Кондратюк за изобретения в области элеваторной техники, три из них — в Крыловской, на том маленьком элеваторе, что сожгли фашисты. Ветераны до сих пор вспоминают, что за год работы механик Кондратюк изобрел счетчик к автоматическим весам, два существенных приспособления для погрузки зерна из хранилища в вагоны, и — что особо интересно — уже тогда по методу Кондратюка всеми технологическими операциями управлял с самодельного пульта один человек. Сегодня никого не удивит, что процессы очистки зерна, сушка, погрузка, температурные режимы в этой железобетонной громадине осуществляются без вмешательства человека, автоматически. Но в середине 20-х годов даже наметки подобной механизации казались фантазиями. Подобные механизмы установил Кондратюк на соседних элеваторах Кубани, в Эльховото (Северная Осетия), и память о нем закрепилась среди людей, а слава поспешила по всей большой России.

Когда первый советский спутник, совершив революцию в космосе и умах людей, вышел на простор Вселенной, в маленькой станце вспомнили о своем механике. Одна из работниц элеватора, в семье родителей которой Кондратюк в свое время нашел душевное тепло и кров, рассказала, как предсказывал их постоялец это время, говорил и о спутниках, и о ракетах, и о полете на Луну. Рассказ женщины услышал новый механик элеватора Валентин Иващенко. Заинтересовался, да и должность занимал он того самого ученого мечтателя. Записал воспоминания, послал запросы, письма большим людям, создателям космической техники. А они откликнулись. Теперь уже давно Валентин Николаевич — главный инженер элеватора, директор первого в стране народного музея Ю. В. Кондратюка, заслуженный работник культуры РСФСР. Архив собирателя богат, многие экспонаты созданы и найдены им лично, он же и успел записать воспоминания своих односельчан. Вот одно из них — сестры той самой работницы, рассказ которой послужил толчком к рождению станичного музея. — В. В. Самоодовой.

«Юрий Васильевич был совершенно неповторимым человеком. Его доброта, человеколюбие превосходили все пределы. Получая зарплату, гонорары за свои изобретения, он оставлял себе деньги только на питание и самые необходимые мелкие расходы, остальные отсылал, помогал нуждающимся рабочим элеватора, которые обращались к нему... Костюм его состоял из брезентовой куртки, таких же брюк, а зимою вместо теплого пальто у него была демисезонная старенькая тужурочка и кепка. Он мог бы быть очень обеспеченным человеком, но помогал другим».

...Стоит на кубанской земле перед зданием районного элеватора мраморный бюст. В урожайную пору сотни машин замедляют бег у надписи: «На Крыловском элеваторе в 1925—1926 гг. работал механиком Юрий Васильевич Кондратюк, один из пионеров отечественной и мировой космонавтики».

Вскоре за спиной скульптуры в фюзеляже ракеты будет расширен музей — так замыслили его реконструкторы. А впереди зеленеет пшеничное обильное поле. Обедившись хлеб и космос — две составные жизни этого человека на кубанской земле.

«ПЫТЛИВОСТЬ, ИНИЦИАТИВА И ЭНЕРГИЯ...»

Из письма Ю. В. Кондратюка К. Э. Циолковскому, 1930 г.:

«Уважаемый Константин Эдуардович!

Извините за длительный неответ. Посылаю Вам мою карточку, снятую в бытность мою механиком Эльхотского элеватора. Вас со своей стороны прошу прислать те из Ваших сочинений, какие у Вас сохранились; перечитывая их перечень, я каждый раз неизменно удивляюсь сходством нашего образа мыслей по многим, самым разным вопросам и потому особенно интересуюсь ими... Мой новый адрес: Новосибирск, «Хлебстрой», мне. Обязательно заказным. Глубоко Вас уважающий Ю. Кондратюк».

Есть в центре сегодняшнего Новосибирска оживленная, грохочущая площадь, к которой лучами сбегают четыре улицы: Советская, Сибирская, имени Фрунзе и проспект Дмитрова. В центре площади — стела с орденом Ленина, врученным сибирской столице. Площадь носит имя Юрия Васильевича Кондратюка. И выбор именно ее имеет глубокий смысл: вся пятилетняя жизнь Кондратюка в Новосибирске связана с этим районом. Здесь в двух шагах от площади, между улицей Советской и Красным проспектом, в доме Сафидулы Сабитова,

завершил он свою книгу: по совету профессора В. П. Ветчинкина ввел новую главу, упорядочил терминологию, восстановил ранее опущенный вывод формулы. «Настольным справочником для всех занимающихся ракетным полетом» назвал ее ученый.

Здесь по улице Советской, 6, в типографии «Сибкрайсоюз», она увидела свет в январе 1929 года. Небольшая, в мягкой обложке, на которой изображена околоземная орбита с траекторией выхода в космическое пространство. «Издание автора. Улица Державина, 7». Домашний адрес указан недаром: ведь книга вышла на его собственные средства. Юрий Васильевич и сам помогал лаборщикам, сам изготавливал формы для интегралов.

По этому адресу получал он письма от Циолковского, отсюда писал ему. К сожалению, основная часть переписки погибла в годы войны, во время пожара в Калуге, и о содержании ее во многом можно лишь догадываться. Здесь же, неподалеку, на Советской, 24, работал Кондратюк в краевой конторе «Хлебопродукт». Теперь этот двухэтажный дом взят под охрану государства и в нем планируют разместить постоянную выставку по истории космонавтики. И здесь же, в трех домах в сторону Оби, в проектно бюро «Кузбасстрой», произошло знакомство его с Н. В. Никитиным, молодым инженером, незадолго до этого закончившим Томский технологический институт. Знакомство это подарило миру высочайшее сооружение современности — Останкинскую телевизионную башню.

Из письма лауреата Ленинской и Государственной премий, доктора технических наук, профессора Н. В. Никитина В. Н. Иващенко, 1972 г.:

«Я познакомился с Ю. В. Кондратюком в 1932 г. в Новосибирске. Он... работал в «Кузбасстрое» как конструктор-строитель. Жил он на частной квартире, снимал комнату».

Встречались мы с ним на службе и у меня дома. Юрий Васильевич был абсолютно честным и правдивым человеком.

Он предложил мне принять участие в проектировании шахтного копра, сооруженного в скользящей опалубке. Я рассчитал и сделал чертежи...

Позднее я помогал Ю. В. Кондратюку делать проектное предложение по конкурсному проекту ветроэлектростанции на 10 тыс. кВт. в Крыму».

Из письма Н. В. Никитина красным следопытам школы № 6 ст. Октябрьской Крыловского района Краснодарского края, 23 янв. 1972 г.:

«Уважаемый класс 10-В!

...Вот несколько слов о Ю. В. Кондратюке. Он был высокого роста, примерно 1 м 85 см, худощав, примерно 70 кг. Всегда готов был пошутить, если даже у него были причины для плохого настроения. За всю свою жизнь он не выкурил ни одной сигареты. Попробовал выпить вина и сказал:

— Глупое ощущение, кружится голова, худо соображаешь. Наверное, это делают люди, которым думать не нужно, то есть бездельники.

Это было худшее определение для человека. Юрий Васильевич всегда был занят какой-либо мыслью. Он не понимал слово «скучно».

«Скучно может быть только идиоту. У человека всегда есть о чем подумать».

Из рассказа Н. В. Никитина корреспонденту центр. газеты, 1970 г.:

«Когда мы с ним встретились, он был захвачен идеей превращения энергии ветра в электрическую... Рассказал мне о грандиозных перспективах. «Это вечное

сырье,— сказал он о воздушном океане.— Энергия этого океана неисчерпаема». Я попросил его объяснить, как он мыслит технологию превращения энергии ветра в электрическую... Из беседы с Кондратьюком стало ясно, что основные трудности будут связаны именно со строительством. Башня должна быть не только очень высокой, но и вращающейся.

...Башню через коническое основание мы поставили на гидравлическую шарнирную пятю, которую изобрел Кондратьюк. Мне же пришлось придумать специальный механизм для свободного поворота башни. Придумали и многое другое. Надо было рассчитать действие ветровых нагрузок на железобетонную башню 150-метровой высоты. Методики для таких расчетов тогда не существовало. Во всяком случае, не существовало применительно к вращающейся железобетонной башне. Пришлось исследовать все виды динамических действий ветровой нагрузки на сооружение.

Ветроэлектростанция, которую по замыслу наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе планировалось соорудить на горе Ай-Петри, должна была снабдить электричеством все Крымское побережье. Всесоюзный конкурс на лучший проект ее принес победу Ю. В. Кондратьюку и его соавтору П. К. Горчакову. Их ВЭС не имела аналогов в мире: «12 тысяч кВт мощность, станция представляла собой установку в два 80-метровых колеса на железобетонной башне высотой 150 м»,— сообщала «Правда». По личному распоряжению Орджоникидзе авторов проекта отозвали для дальнейших работ в Харьковский институт промэнергетики. В июле 1933 г. по приглашению Ю. В. Кондратьюка для проектирования строительной части ВЭС к ним присоединился Н. В. Никитин.

Вместе закончили они технический проект, начались доработки, экспертизы. Инженерно-конструкторская группа перебазировалась в Москву.

В эти годы Юрий Васильевич один и в соавторстве с Горчаковым получает пять авторских свидетельств на изобретения. Все они касаются главной работы: «Трубчатая железобетонная башня с оттяжками для ветряных двигателей», «Башенный железобетонный копер с применением подвижной опалубки для бетонирования стен» и др. В журналах «Социалистическая индустрия» и «Горном журнале» публикуются их статьи «Проект наиболее мощной в мире ветроэлектростанции», «Железобетонный копер башенного типа, выполненный в подвижной опалубке» и другие.

Интересный, необычный, требующий умной инженерной мысли труд собирает вокруг Кондратьюка одаренную молодежь. Так, работающий с ним еще в элеваторном отделе «Союзхлеба» в Новосибирске Б. А. Злобин вновь становится учеником Кондратьюка в его проектно-отделе, а затем блестяще защищает диплом по проекту башни ВЭС. На защите присутствуют Ю. В. Кондратьюк и Н. В. Никитин.

Смерть Г. К. Орджоникидзе остановила работы на Ай-Петри. ВЭС так и не была достроена. Появились новые задачи. Но надвигалась война, неся неотвратимое.

Через тяжкие испытания пройдет наш народ. Не мнут они и Н. В. Никитина, и Б. А. Злобина. Навсегда останется в калужской земле рядовой роты связи 62-го стрелкового полка, ушедший добровольцем защищать Родину в составе коммунистического батальона народного ополчения столицы, Юрий Васильевич Кондратьюк...

Пройдут годы. И будет мир. И он потребует обустройства.

Невиданной доселе ракетой глянеть ввысь МГУ на Ленинских горах, из пепла Варшавы взметнется в небо Дворец культуры и науки; на полкилометра к звездам вытянется Останкинская телевизионная башня. Памят-

ники инженерной мысли Николая Васильевича Никитина.

В 1970 г. ему, автору проекта Останкинской башни, и Б. А. Злобину — главному инженеру строительства, будет присуждена Ленинская премия. В беседе с корреспондентом Н. В. Никитин скажет: «Методикой расчета высотных зданий и сооружений я овладел только потому, что участвовал в проектировании башни на Ай-Петри. Она по самому своему смыслу должна была быть высотной».

Из далекого далека словно благословил их творческий поиск и взлет Ю. В. Кондратьюк: «Пылливость, инициатива и энергия всегда стремятся занять место на передовых позициях в борьбе за овладение силами природы».

...В техническое училище № 20 мы поехали вместе с С. А. Козловым, старожилом Новосибирска, краеведом и, несмотря на свои немалые годы, главным инженером проектов «Сибгипрошахта». До этого мы обошли с ним все дома — а ныне на месте иных — новые, многоэтажные,— связанные с памятью Кондратьюка. Музей его имени, который создали будущие авиастроители завода им. В. П. Чкалова, расширил для меня географию деловых странствий механика-изобретателя: элеваторы, зернохранилища в Рубцовске, Поспелихе, Шипуново, Барнауле и далее по всей магушке Сибири — от Омска до Красноярска. Среди них и возмелшые по технологии Кондратьюка из рубленого круглого леса, как испокон веков было принято на Руси. Для таких строек не требовались ни тес, ни шпалы, ни огромное количество столь дефицитных для того времени гвоздей. А емкостью были они в семь раз больше принятых в те годы канадских. На фотографиях, привезенных ребятами из поездки в Камень-на-Оби,— вновь память людская: стенды на каменском элеваторе, мемориал погибшим в Великую Отечественную, где есть и имя Кондратьюка, улица, дом, где останавливался он в свои наезды 1929—30-го годов, и главный свидетель и дитя его гения — знаменитый «мастодонт». Служит этот зерносклад уже полвека, до сих пор поражая хитроумной конструкцией и колоссальной вместимостью как праздный зевак, так и просвещенных зрителей «Очевидного-невероятного».

«ЖИТЬ НАДО С УВЛЕЧЕНИЕМ...»

26.09.1923 г.

«Глубокоуважаемый К. Э. Циолковский!

К Вам я обращаюсь с просьбой и буду очень благодарен, если Вы ее исполните. Эта просьба касается проекта межпланетного и межзвездного путешествия. Последнее меня интересует уже более двух лет... Без всяких пособий, совершенно самостоятельно я начал вычислять. Но вдруг мне удалось достать Вашу статью в журнале «Научное обозрение» (май, 1903) — «Исследование мировых пространств реактивными приборами...»

15.11.1923 г.— К. Э. Циолковскому.

«Пишу и хочу издать кое-что о межпланетных сообщениях».

10.3.1924 г.— К. Э. Циолковскому.

«13 марта с. г. пишу в Госиздат свою книгу... Относительно того, насколько я интересуюсь межпланетными сообщениями, я Вам скажу только то, что это является моим идеалом и целью моей жизни, которую я хочу посвятить для этого великого дела... Уже три года, как я каждую свободную минуту посвящаю ему».

Не правда ли, как напоминают эти письма те, что приведены в начале очерка? Но автор их другой — одесский школьник Валентин Глушко. Ему было 15 лет, когда написал он первое из писем. Ему было 16, когда

в год окончания школы он опубликовал свою первую статью о завоевании Луны. Вспомним, что свой первый труд на близкую тему Ю. Кондратюк завершил в год окончания гимназии.

Случайные совпадения? А может, логичный исток жизни двух неординарных личностей-единомышленников?

Валентин Петрович Глушко никогда не был лично знаком с Ю. В. Кондратюком, их жизни не пересекались, но имена неслучайно связаны в нашей публикации, как и портреты соседствуют на одних стендах по истории космонавтики.

В Краснодарском крае их обычно называют вместе. В музеях — школьных ли, станичных, студенческих — обязательно, говоря об одном из ученых, вспоминают и второго. В семнадцати школах края ребячьим энтузиазмом созданы музеи авиации и космонавтики. Среди них награжденные дипломами Федерации авиации и космонавтики СССР, медалями С. П. Королева и Ю. А. Гагарина. А институт культуры, где много лет заведует кафедрой истории СССР главный организатор и энтузиаст этой патриотической работы в крае профессор Т. И. Агапова, первым среди учреждений культуры страны стал в прошлом году коллективным членом Федерации космонавтики СССР. Материалам, хранящимся в институтском кружке истории авиации и космонавтики, могли бы позавидовать крупные музеи.

Доктор исторических наук Т. И. Агапова, как и директор станичной школы № 6 М. И. Косенко, и главный инженер элеватора В. Н. Иващенко, заслуженные работники культуры, — друзья академика В. П. Глушко. Он же, исходя из той большой работы, которая заслуживает отдельного рассказа, написал письмо в Краснодарский крайком КПСС. О чем же хлопочет член ЦК КПСС, лауреат Ленинской и Государственной премий и дважды Герой Социалистического Труда? «Космонавтика сегодня — это передний край не только научного и технического прогресса, но и политики, и международных отношений. Именно поэтому мы высоко ценим и всемерно поддерживаем работу, проводимую в Вашем крае.

...Учитывая, что с Кубанью связаны плодотворные периоды жизни и деятельности не только Ю. В. Кондратюка, но и Героя Советского Союза, имеющего удостоверение под № 1, А. А. Ляпидевского; семьи Коккиваки; летчика-испытателя первого реактивного самолета Г. Я. Бахчиванджи; плеяды летчиков-героев Великой Отечественной войны, в том числе Г. Г. Берегового, который сражался в небе Кубани, космонавтов В. В. Горбатко, А. Н. Березового и В. И. Севостьянова, на подвигах которых можно и нужно воспитывать советский патриотизм и лучшие нравственные качества молодежи, было бы целесообразно в Краснодаре создать Дом авиации и космонавтики, где был бы сосредоточен материал о жизни и подвигах кубанцев».

Наверное, в миллионном Новосибирске тоже мог бы интересно работать такой Дом, где учились бы мальчишки жить по-королевски — «с увлечением», соорудили свои первые модели, готовили себя к воплощению мечты, найдя свое призвание еще в отрочестве; могли бы здесь действовать школы юных космонавтов в юных ученых — «космосоветов». Да мало ли что придумали бы для подростков энтузиасты, которых в обоих городах немало. И тогда однажды из такого вот юношеского центра вдруг полетело бы в Звездный письмо, автор которого в свои 15—16 лет взял да и рассчитал новую трассу — в еще непознанные миры. Вот о чем печется академик, видя в памяти о прошлом дорогу в будущее.

Спрашивают — отвечают...

В почте отдела фантастики не так уж и редки письма, адресованные, по существу, не редакции, а конкретным писателям. Когда такие письма скапливаются, мы передаем их адресату с просьбой — при возможности — ответить через журнал. Именно так появилась, в частности, наша прошлогодняя (см. № 11) беседа с Вл. Крапивным. Но вот что при этом в очередной раз выяснилось. Уже после публикации подобных бесед приходят в редакцию запоздалые письма как крайне любопытными подчас вопросами, которые оказались бы очень кстати, будь они заданы заблаговременно.

Чтобы избежать подобных накладок, мы решили — по подсказке читателей! — завести новую рубрику. В чем ее суть?

Представьте, что вы — в гостиной «Уральского следопыта»: уютно расположились в кресле (либо, за неимением одного, на обычном стуле), особенно спешить вам некуда — есть время подумать и семь раз отмерить, прежде чем... Впрочем, со временем у вас все ж таки — не очень! Ведь напротив вас, за скромным редакционным столом, сидят в этой же гостиной писатели, представлять которых нет ни малейшей надобности: братья Стругацкие. Оба они — и москвич Аркадий Натанович, и ленинградец Борис Натанович — безусловно согласились, по договоренности с редакцией, выслушать любые ваши вопросы и со страниц «Уральского следопыта» ответить на те, что покажутся им интересными.

Среди любителей фантастики не найдется, вероятно, таких, кто не был бы знаком с книгами Стругацких. Как, вероятно, не найдется и таких, у кого не было бы своего собственного, не заемно-дежурного, привычного по читательским конференциям, нет, именно своего, заветного — из глубины души — вопроса к авторам этих затрепанных, даже если они и не библиотечные, книг... Что ж, спрашивайте! Писатели — вот они, перед вами, спрашивайте же, а если с чем-либо в их книгах, в их публичных выступлениях не согласны — поспорьте! Но — помните при этом о логике спора: ваше мнение должно быть доказательным. Аргументированным. Четким. Лаконичным.

Ваши письма — с вопросами ли, с суждениями ли об отдельных произведениях Стругацких или их творчестве в целом — должны быть отосланы на адрес редакции (с пометкой: Отдел фантастики, А. и Б. Стругацким) до 1 июня 1986 года.

Мы передадим их адресатам в середине июня — и рассчитываем в конце 1986-го или начале 1987 года печатать в журнале ответы писателей.

Итак, спрашивайте! Отвечают — братья Стругацкие...

Очерк уральской казачьей общины

Сергей МАКСИМОВ

Рисунки Е. Охотникова

**Живи вольный казак,
пока Москва не проведала.**

Старинная казачья поговорка

ВОЙСКОВОЙ ОБОЗ

В земле уральских казаков, где старинная, излюбленная русским народом общинная форма быта ревниво отбивалась и бережно сохранилась, мне привелось видеть эту общину не только глаз на глаз, что называется «в лицах» и «воочью», но и выразившемуся в такой прелестной картине, которая поразила и увлекла меня.

Наступила вторая половина сентября, и стояли такие ясные дни и теплые ночи, какие бывают в Петербурге только в июле. Возы с арбузами на рынке г. Уральска (по 50 коп.—1 р. воз) уже исчезли; держались пока еще дыни, которых в этой сытой и благодатной земле насчитывают не один десяток сортов и между ними самыми вкусными (очень сладкими) почитают тополинские, зеленевские и сарайчиковские. Уборка хлебов окончена уже целый месяц тому назад, и тянулось то

досужее безработное время, которое всякого заезжего поражает безжизненным однообразием и одолевает скукой.

Однако приходилось уже не много томиться и не долго ждать. На 20-е число сентября войску указано было войсковой канцелярией начало «плавни», или «плавенного рыболовства». А так как оно начинается с Каленовского форпоста в 200 верстах от г. Уральска, почти на середине течения реки Урала от этого главного войскового города до Каспийского моря или Гурьева-городка, то казаки из-под Уральска давно уже потянулись к этому заветному рубежу. Я поспешил за ними, чтобы поспеть к самому началу плавни («осенней», потому что бывает еще «севрюжья плавня», или, как проще говорят там,— «севрюги»).

Дорога не дарит разнообразием и не веселит неожиданностями: едем глухой и гладкой степью. Голая земля

на ней от летнего зноя покрыта многочисленными трещинами, и хотя на это осеннее время на бесплодных солончаках, по закону природы тех мест, успела уже обнаружиться молодая жизнь в виде свежих и разнообразных солонцовых растений, все же чувствуется, что едешь той степью, которая сродни киргизской, потянувшись по ту сторону реки Урала в неизмеренную даль и глубь Средней Азии. Самый Урал, силясь разнообразить впечатления, уснащает лишь небогатой зеленой растительностью, тщательно сберегаемой; но и побережные ветлы, ивы и березы годятся только на жерди и колья и выросли лишь на сырых и низких местах самой реки. Воздух очень сух, и едва справляешься с жаждой при помощи дынь и арбузов, гостеприимно предлагаемых в селениях, которые до сих пор почему-то сохраняют чужое и ненужное, давно потерявшее всякий смысл имя — форпостов (но не станиц). В довершение бед перед нами встало густое серое, неприглядно-громоздкое облако от исчезнувшего из глаз полотна дороги вплоть до недостижимой выси ярко-голубого и жаркого неба. Мы уже чувствуем его близость в том, что слой мелкой и тяжелой пыли покрывает платье, залегает нос, слабеют зрение и слух, усиливается жажда.

— Дайте воды вымыть лицо и руки. Дайте возможность отряхнуть платье.

— Напрасный труд: дальше еще хуже будет. Мы нагнали войсковой обоз.

В самом деле, из невиданного до тех пор чудовищного пыльного облака долетают до нас скрипы немазанных колес на телегах ленивых казаков и вблизи колес, смазанных догадливыми свежим дегтем очень недавно, но уже успевших набраться пыли. Слышатся сфырквания лошадей, и мы обязательно берем значительно в сторону, с трудом распознавая и отыскивая свободное место на широком степном просторе, чтобы не врезаться в самый обоз и не запутаться и не заблудиться. Едем точно во тьме ночной, хотя не так давно любовались ярким светом полуденного солнца. Внезапно накрыла нас глухая ночная тьма — именно глухая, потому что, осиливая пыльное облако и объезжая войсковой обоз, мы поражаемся необыкновенно типшиною. Как будто там нет живых людей, для которых так обязательно живое слово, и как будто все движение руководится неведомою силою, а люди крепко спят или вымерли. Это молчаливое шествие войскового обоза в строго определенном порядке в самом деле поразительно и торжественно. Словно на чопорное маслянистое катанье с целью себя показать выехало войско в степь на прогулку, а не на работу, которая предполагает неизвестность и, во всяком случае, заботу, нервное возбуждение, подъем кое-каких мелких страстей, торопливых хлопот и бестолковой суетни. Видимо, сытому человеку нечего торопиться и беспокоиться: он идет расправить слежавшиеся кости и позабавиться, как сибарит, когда придет время, «укажут час».

— На нынешней плавне, — объясняют нам, — предполагается больше двух тысяч «связок», то есть больше

ПИСАТЕЛЬ-ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ

Дорога, странствие — любимый мотив русской литературы. Многие знаменитые произведения отечественной словесности строились в форме отчета о поездке или хождении — от древних повестей тверитянина Афанасия Никитина и «Жития» пламенного Аввакума до «Мертвых душ» Гоголя и «Фрегата «Паллада» Гончарова. Но есть художники, почти целиком посвятившие себя литературе путешествий. У истоков этого жанра в России стоит писатель-землепроходец Сергей Васильевич Максимов. Его книги о путешествиях по Руси, о народах, обитающих на просторах огромной державы, выдерживали множество изданий, стали своего рода классикой. Творчество писателя высоко оценивали его выдающиеся современники — И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов. Хотя Максимов не был беллетристом, то есть сочинителем в точном значении этого слова, а писал об увиденном и пережитом, имя его постоянно упоминалось при жизни в ряду виднейших мастеров слова. Для того чтобы понять, как путешественнику-этнографу удалось занять такое приметное место в числе виднейших писателей золотого века русской литературы, надо знать его жизненный путь. А был он не всегда прямо и всегда нелегок...

Максимов рос в глухом посаде Парфентьеве, затерянном в лесах Костромской губернии, — отец его служил здеишим пчтмейстером. Однако отдаленность от культурных центров не воспрепятствовала будущему писателю знакомиться с лучшими образцами отечественной литературы, ощущать биеие пульса эпохи. Современник писал, что родитель Сергея Васильевича — «человек хотя плохо образованный, но весьма начитанный, просвещенный и с прогрессивными понятиями. Известный друг Пушкина, Катенин, близко сошелся с ним во время ссылки в свою костромскую деревню и только в его обществе отводил свою душу, стосковавшуюся в одиночестве и изгнании». Вероятно, влияние поэта как-то сказалося на пристрастиях мальчика. Ведь по своим убеждениям Катенин принадлежал к литературным «староверам» — его привлекали образы древней Руси, в своем творчестве он стремился следовать определенным канонам старинной словесности.

Интерес к русскому прошлому характерен для Максимова начиная с юности — известно, что, еще учась в Костромской гимназии, он целиком прочел многотомную «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, а в выпускном классе подготовленная им речь «Ломоносов как первый русский ученый» произвела большое впечатление на слушателей.

Изучение жизни крестьян, городской бедноты стало к тому времени своеобразной модой. Если в начале 30-х годов обращение к этим слоям считалось для литератора дурным тоном, то теперь читающая публика охотно раскупала сочинения Дая, Сахарова, Терещенко и других авторов, писавших о быте, мировоззрении простого народа. Расцвел жанр так называемого «физиологического очерка» — нравоописательного рассказа о людях разных профессий и занятий.

Ко времени поступления Максимова в университет относится такое важное для русской словесности событие, как образование так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин», издававшегося крупным историком М. П. Погодиным. Известные писатели и критики, объединившиеся вокруг журнала, были преданы идее изучения народной жизни, стремились постичь своеобразие исторических судеб Родины.

Максимов и его друзья по университету прочитывали каждый свежий номер «Москвитянина» — их кумирами были А. Н. Островский и А. Ф. Писемский, выступавшие на страницах журнала.

Прочувшись в Москве два года, Сергей Максимов перебрался в Петербург и сделался слушателем военно-медицинской академии. К этому периоду относятся его первые опыты в художественно-этнографическом жанре. Самый читаемый журнал того времени «Библиотека для чтения» опубликовал в январе 1854 года первый самостоятельный литературный опыт студента-медика — зарисовку «Крестьянские посиделки в Костромской губернии». За ним последовали подряд несколько очерков. Максимова заметили. И. С. Тургенев, считавшийся тогда первейшим знатоком родного языка, пришел в восторг от очерка «Сергач», посвященного бродячим поводьям дрессированных медведей.

Первые успехи вдохновили Максимова, и он решил предпринять путешествие по глухим углам России, чтобы дополнить и углубить свое знание народной жизни. Летом 1855 года он покинул Петербург. Путь его лежал во Владимирскую губернию, в уезды, откуда расходились по всей стране офени — торговцы вразнос. Те самые коробейники, о которых поет народ — «Ой, полным-полна коробушка, есть и ситцы и парча...» Было известно, что у офени существует особый жаргон, непонятный для окружающих, — об этом писали и Даль, и другие знатоки народного быта. Но никто не владел тайным языком коробейников. Максимов поставил перед собой задачу — создать словарь неведомого жаргона.

Максимов объездил всю Россию. По заданию Морского министерства он в 1856—1857 годах совершил тысячеверстное путешествие по берегам Белого моря, проплыл по крупнейшим рекам стран полуночных — Пинеге, Мезени и Печоре. Когда впечатления писателя, изложенные в объемистом труде «Год на Севере», стали достоянием читателя, Сергей Васильевич сразу приобрел широкую известность. Российское географическое общество присудило ему за эту книгу золотую медаль.

После каждой своей поездки (на Амур в 1859—1860 гг., на реку Урал и Каспий в 1861 году, по Смоленщине и Белоруссии в 1867—1868 гг.) писатель печатал в газетах и журналах своего рода художественные отчеты об увиденном, а затем издавал сборники очерков. Так появились книги «На Востоке», «Лесная глушь», «Сибирь и Каторга», «Бродячая Русь», «Христа ради». К примеру, в последнем из названных сочинений были собраны наблюдения писателя над бытом всевозможных побирюшек, нищих, бродяг, мошенников, в изобилии слонявшихся по градам и весям Руси. Появилась книга «Крылатые слова» — первое исследование такого рода на русском языке, которое переиздавалось несколько раз, в том числе и в советское время.

Избрание в 1900 году Максимова почетным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности свидетельствовало о том, что современники воспринимали книги путешественника-этнографа как подлинно художественные произведения. Имя Максимова не забыто и сегодня. К его творчеству в равной степени обращаются этнографы, фольклористы, историки, литературоведы. К 150-летию юбилею писателя вышло «Избранное» и отдельное издание «Куля хлеба». Недавно в Архангельске переиздан «Год на Севере».

«Уральский следопыт» предлагает читателям очерк (в сокращении) С. Максимова «Плавня». Впервые он был напечатан в журнале «Исторический вестник» в конце минувшего века, в другие издания очерк не включался.

С. ПЛЕХАНОВ

четырёх тысяч будар. На каждую связку (две плавные сети, или ярыги) приходится средним числом до пяти телег обоза. Вот какая громада пылит и шевелится тут, в этом облаке, — и молчит, потому что не о чем разговаривать: все давно размерено и всякий знает свое место. Те, которые будут вместе ловить, около друг друга и телеги держат: на одних будары лежат, на других сети, на третьих овес для лошадей, съестные припасы про себя. Всякий казак, не рассчитывая на дальних соседей и не имея в виду ни степных базаров, ни мучных лавок впереди, весь запас везет с собой, чтобы суметь прокочевать вплоть до Гурьева, не возвращаться, за недостатком прокорма, с полпути, а стало быть, больше наловить рыбы и больше получить барыша. Всякий соображает при этом, что в средних и нижних форпостах хлеб постояно дорог, но зато, когда мимо них пройдет войско, подымутся сверх того цены на яйца и на дыни.

— Нынешний войсковой обоз, — толкуют нам далее, — идет семью дорогами.

Семь дорог, то есть семь хвостов из телег одна за другой по подобию тех, какими осаждаются кассы столичных театров, составляют целый казачий обоз, на полверсты в ширину, на две версты в длину; обоз — величайший в мире, не имеющий себе ничего подобного нигде на всем широком пространстве русской земли. Перекочевки киргизов отчасти походят на это зрелище, но по величине своей с уральским кочевьем далеко не могут равняться. Семь, да хотя бы и двадцать дорог, не встретят препятствий и не потеснят друг друга на широком степном раздолье, где на степи, гладкой, как доска, везде дороги, до бесконечности. И долго всматриваясь в это шествие уральского войска, торжественное и молчаливое, я, не отходя сравнением от первого подвернувшегося представления, все-таки был изумлен тем порядком в движении, какое развернулось перед моими глазами. В опере «Пророк», в шествии Иоанна Лейденского, зазевавшийся статист может сбиться с ноги, другой опоздать и нарушить симметрию в рядах; здесь, в степи, на берегу Урала, режиссера не держат, кулачной расправы не требуется, полицейской палки и осаживанья назад не бывает. Кажется, повись то и другое, и верно налаженный и в меру натянутый канат лопнет: один воз выедет вбок, натолкнется на соседний, остановит и собьет его; остановятся и спутаются другие. Начнется шум, поднимется брань, — и дела самому опытному уставщику и уряднику не наладить. Ладит изумительный порядок шествия та живая, невидимая сила, которая, вместе со многими прочими, заключается в понятии общины и в ее практическом применении. На этот раз войсковая казачья община сумела еще разбиться на отдельные артели, и каждая является настоящим хозяином как в передвижении к месту лова, так и в самой плавне. Артель состоит из 7 и от 15 до 20 человек, между которыми с поразительной справедливостью распределены и равномерный труд, и равная доля расходов, равные убытки и одинаковые барыши. Эта же равно-

мерность каждого перед всеми в изумительной гармонии разлита по всему, собственно, казачьему обозу: все различные, вместе взятые казаки, как один человек.

В войсковой обоз имеет право въехать с телегами всякий уралец, лишь бы был он коренной приуральский житель, а не илицкий и не сакмарский казак, не с бородинского форпоста и не из башкирского отделения, хотя эти входят также в общий состав уральского казачьего войска. В плавне, как и во всех видах здешнего рыболовства, не имеют права участвовать те казаки, которые состоят на действительной службе во внешних и внутренних командировках: будет ли то лейб-гвардия уральская казачья сотня или те сотни, которые посланы на кордоны, ушли в степь, в Ташкент, в Хиву, в Геёк-Тепе и т. д. Не участвуют также и женщины, но зато как отставным, так и малолеткам, находящимся в пределах войсковой земли, предоставлено право участия, хотя и определена известная доля с ограничениями. Здесь также нет тех, которые в то же время занимаются рыболовством где-нибудь в другом месте уральской земли: разом в двух рыболовствах, по общинному справедливому закону, участвовать нельзя ни лично, ни наемными рабочими, ни по доверенности. Кто собрался на Чекальское морцо или в Узени, на так называемые осенние побочные ловы, тому нет места и права на плавне. На плавне, как и на некоторых других ловах, не дозволяется найма посторонних рабочих из киргиз или иногородних русских: чистокровный казак один только вправе кататься на бударках с ярыгой на плавне и рубить лед и под ним багрить и подбагривать рыбу на «багрень». Коренные старики казаки даже глубоко и стойко уверены в том, что с тех пор, как дозволили иногородним купцам селиться в городе и форпосте на казачьей земле, в Яике стало гораздо меньше рыбы. Нечистый дух и чужой глаз пришлых людей испортил заповедную реку с «золотым донышком, с крутыми бережками посеребристыми, а за их и прозвали именем не хорошей дешевой рыбы «чехонью» и «церковными записками» (за преследование старой веры, общей всему войску; хотя, в свою очередь, невестке на отместку, заезжие русские люди зовут уральских казаков «разной породой»).

Когда величавое шествие войскового обоза вновь открылось на наших глазах перед Каленовским форпостом, мы заметили, что на хвосте его тянулся другой обоз с приметною целью от него отделиться и с ним не смешиваться. Легко было распознать, что одни возы, увязанные крепко и накрытые кожами, представляют собою обычный всей России вид возов с товарами; на других просто навалены были, ничем не укрытые, бочки с надписанием на заднем днище краткого, но красноречиво гласящего слова «патент»: войско, стало быть, привыкло и любит поработать, т. е. половить рыбку и повеселиться, после работы промочить горло по смыслу присловья, что рыба любит воду, а, стало быть, рыбац должен выпить водки: одновременно согреться и обсу-

шиться. Это уже те иногородние, которых казаки не любят, но без них не могут обойтись (в войске еще сильно предубеждение, по которому торговля — не казачье дело, не аристократический промысел, а торговля водкой, во всяком случае, промысел гнусный и ремесло зазорное). Иногородние это смекнули давно и, пристроившись к войсковому обозу, нагревают руки: им тепло вокруг и около, хотя водка их согревает другой стороной. За походными, кочующими кабаками тянутся иные возы иногородних, пока пустые, потому что назначены для кладки выловленной казаками рыбы и для своа ее в посоленном виде в какую-нибудь Елабугу, Казань и отсюда по всей Каме и до самой Вятки.

Когда лев или тигр вышли в одиночку на охоту и в чащобах тропических лесов ищут овец и буйволов, не брезгуя и верблюдом, следом за ним плетутся барсы и шакалы и иной более мелкий и менее сильный зверь попользоваться остатками сытой трапезы сильного и могучего богатыря. Когда пеструшка — мышь морозных тундрных степей — нечисленными мириадами стад тронется за пищей, ее сопровождают также большими стадами соболи, куницы, горностаи и лисицы, чтобы поживиться прямо на ее счет, а не на оставленные объедки. Все это невольно пришло мне на память, когда за кочевым казачьим табором растянулся по степи торговый обоз.

Этими иногородними возами увеличивается громадный казачий обоз, который был мал в начале пути под городом Уральском, когда выезжали телеги с подгородных хуторов, но постепенно нарастал за каждым полутным форпостом, а под Каленовским представлял собою уже такую громаду, которая и на представления привычных казаков производит подавляющее действие. Это отразилось и в обыденном языке, и в выражениях.

Осенью, когда обнаженная степь покрывается зеленью и перелетная птица, находящая пищу в разнообразных породах солянок, наполняет шумом и звонким говором эти безмолвные летом пустыри, когда оживают они всем этим судорожным и торопливым движением птичьих стай, гусиных и лебединых артелей, казак говорит:

— На степи теперь птицы — воза!

Когда легкой порой оживляется базарная площадь горста Уральска и круглолицые, миловидные и чопорные уралки мешаются в толпе со скуластыми и покрасивыми киргизами, иногородними торговцами и казаками в разноцветных полосатых бухарских халатах, они же, под впечатлением хлопотливой толпы, говорят домашним, возвратившись в избу:

— Народу на базаре — воза.

На базаре всякий по обычаю рекомендует себя своеобразно. Киргиз пришел продать коню и бараньи шкурки и купить табачку, уздечку, ремешок либо пагайку. Казак привел воз с арбузами или дынями, старуха казачка приехала, сидя на возу, с молоком, носящим свойственно только этому месту название и вид —

«мешотчатого». Непосредственно в самую телегу, в подстланную простыню, налила казачка это странное полужидкое вещество, что-то вроде молочного студня или простокваши с комьями свернувшегося творога. Хотя такое кушанье и годится только для охотника и потребляется привычными людьми, тем не менее его в тех местах любят и хвалят. Молочный студень, разбавленный водой, считается в летние жары самым лучшим прохладительным напитком. Хотя на этот раз и в самом деле на уральских базарах «молока воза», однако для уральского казака и пыли в степи — воза, и народа в плавленном обозе — воза, да и времени у уралок, целые дни щелкающих сушеные и каленые арбузные семечки, — тоже воза!

Настоящие воза, последние на хвосте войскового обоза, на эту ночь поспешат установиться по улице Каленовского форпоста; воза же самого обоза расположатся на степи в некотором почтительном отдалении от селения. Наавтра самым ранним утром — начало плавни и новое любопытное представление, даром предлагаемое уральской казачьей общиной, но столь поразительное, поучительное и невиданное.

Пока казаки отдыхают от дороги, набираясь свежими силами, так нужными для них на завтрашний день, пока иногородние прилаживаются подпереть колыями свои холщовые походные лавки — мы осмотримся также по их примеру и сообразимся. Без нескольких предварительных слов не обойдешься.

КАЗАЧИЙ УЧУГ

Войсковая уральская земля — как всем известно — прорезается большой рекой Уралом, неширокой, не поражающей величественным или царственным течением, как Волга и Кама, но многоводной и сильной. Окрещена река этим именем с небольшим сто лет тому назад (в 1775 г.), после разделки с Пугачевым и его публичной площадной казни, а до того времени река Урал известна была всем под именем Яик.

Вывравшись из отрога Уральских гор, из не особенно высокого «камня», Яик очень быстро и торопливо побежал по узкой холмистой долине, по наклону ее прямо на юг. Под Орской крепостью выбежала ему из степи, из тамошних мокрых мочагов и родников, с юга, река Орь, которая сбила Яик с пути и повернула его на запад. За Орском он набежал на Губерлинские холмы и, как удаляя казачья река, храбро пробился меж них по узкому ущелью в 12 верст длиной. Набравшись здесь смелости, он еще похрабрился в сжатой долине своей, но за Оренбургом стал стихать и смиряться, так что с 1600 футов падения при истоке здесь упал до 186 футов. Когда выбежал навстречу Чаган, храбрый Яик повернул на юг в том направлении, как приказал новый товарищ, т. е. прямо к Каспийскому морю.

Не сразу, впрочем, подчинился Яик злой судьбе, повелевающей течь в определенных и законных берегах,

не вольнодумничая; но, выбежав, после встречи с Чаганом, в настоящую свободную степь, он попользовался кочевым правом: поиграл на ней и немного посвоевольничал. От степных прогулок его по узкой долине и сейчас можно видеть неисчислимое количество боевых следов: то озерко, то сухая протока, то глубокий овраг, прозванные казаками приличными именами: проранов, ильменей, ериков, стариц. Сухоручье, или старое, покинутое рекою русло, стало «старницей»; такое же русло, но в весенние половодья заливаемое водой, застаивающейся в длинных ямах, названо «ериком»; мокрые обросшие камышом заросли или озерики, накопившие воду во время широкого разлива Урала, превратились в «ильмени», а протоки в устьях реки, или побочные русла, ее назвались «проранами». И теперь еще старый казак Яик иногда не прочь показать, что он еще не разлюбил вольной воли и не совсем согласен с тем, чтобы улечься в тесных берегах по обычаю других русских рек безропотным пленником. Нет-нет да и заспорит он со своими противниками, хотя некоторые это правовое и естественное движение его готовы назвать бунтом и обычно ставят лишь только раздражающие, но не успокоительные препоны. Так, например, не дальше 25-ти лет назад под самым городом Уральском, где произошел спор и встреча реки с Чаганом, Яик успел выкинуть такое шаловливое колено, что город в одном месте очутился на старике, а сама река перенесла свое русло далеко в сторону, расстоянием на целую версту. Другое колено реки осталось на прежнем положении, и городок Уральск вторым краем своим по старине выходит на самый берег Урала, в том месте, где существует знаменитое и знаменательное для всего войска сооружение, называемое «учугом». О нем и поговорим, так как в учуге коренная сила огромного значения, самое живое и больное место всего Уральского казачьего войска.

Учуг сам по себе штука нехитрая. Это — забор, выстроенный поперек реки с одного берега до другого самым обыкновенным способом, как на Урале и Волге, так и на любой из рек, впадающих в Белое море. Там — для семги, здесь для севрюги, осетра и белуги поперек реки вбит ряд свай сплошным частоколом и затем другой ряд накось. Ряды этих свай связаны веревками (свистом), а в промежутки закатаны бревна. Эти бревна, или чигинник, представляют мост, по которому можно ходить, но нельзя ездить. Под водой забойка покрыта решетками или щитами из деревянных дранок. Чтобы не размывала учуг вода и забойка содержалась в порядке, приставлены особые сторожа. Это — водолазы-«баграчи», ловкие нырялы, способные долго оставаться и смотреть в воде, ответственные люди, обязанные чинить учуг. Они могут под учугом и ловить рыбу, но только ту, которая в весеннее половодье прошла вверх, а по установке учуга возвратилась назад и встала под ним и выше ожидать времени и возможности для прохода на низ и в море. Но и эту рыбу баграчей имеет право

ловить только для почетных и влиятельных гостей в войске, в виде подарка на угощение и для атаманского стола. И опять-таки ему дозволяется лов не сетью, а ручным железным крюком «абрашкой», так как приткнувшаяся к забору и остановившаяся выше учуга рыба дает себя нащупать рукой и подсесть крюком.

Такая крепь, как учуг, останавливает, не пропуская дальше, всю ту рыбу, которая идет весной и осенью (непрерывно два раза в год) из моря в реку Урал. Здесь конец ее путешествию. Здесь для коренного уральского войска, по привилегированному праву его, то место, с которого река считается заповедною вплоть до черной и Култук Каспийского моря. Пятьсот верст течения Урала от центрального войскового города до Гурьева-городка считаются неразделенною войсковою собственностью, и притом всего Уральского войска во всем его составе, целой казачьей общины. Триста лет прошло с тех пор, как река сделалась единственною кормилицею этих уральцев, зашедших сюда с Дона и Волги, одновременно и вследствие одинаковых причин заставивших Ермака наняться к Строгановым и загладить свои вины завоеванием Сибири. Укрывшись на окраине государства, в дальней глубине Яицкой долины, эти казаки поспешили обеспечить себя земляным городком на урочище Орешном, в 40 верстах выше нынешнего Уральска. И живя в старом городке, и после разорения

его татарами, в 1613 году, переселяясь в новый, яицкие казаки основывали на реке все надежды к пропитанию и существованию. Царь Михаил снабдил их грамотою (теперь затерянную), разрешавшей «владение рекою Яиком, с сущими при ней реки и притоки и со всеми угодьями от вершин той реки и до устья». Хотя последнее и оспаривалось у казаков долгое время и сама же казна сдавала устья на откуп, но с расселением казаков по низовьям реки и поступлением в казачьи руки учуга в Гурьеве-городке, т. е. с 1770 года, все низовое течение Урала сделалось безраздельною казачью собственностью. Гурьевский учуг был уничтожен, а сооруженный под Уральском стал единственным направителем рыболовного войскового хозяйства. Предоставленная казакам в награду за образование укрепленной цепи постов, державших «воровские перелазы» на святую Русь степных кочевников, река Урал стала заповедною, была, так сказать, запрещена и зачурована.

Ни один казак единично не в урочное время не осмелится опустить в реку невод или крючковую сеть и имеет лишь право, в успокоение соблазна рыбной рекой, бросить удочку на мелкую рыбу. Крупная рыба — вся собственность войска, и все нижнее пятиверстное течение Урала — место береженое и щекотливое, и река, в этом отношении, единственная в России. Еще до сих пор здесь не только ни одной сваи не вбито в «золотое

доушко» и не гляделись в реку бревенчатые чакаты мостов, опираясь на его «круты бережки посеребренные». В заповедное время ни один казак, никакой киргиз не дерзнет переплыть реку вплавь на коне и потревожить улегшуюся на отдых красную рыбу в «ятовях»; глубоких речных ямах, называемых во всей остальной России омутами. Ни один казак не смеет выстрелить на берегу из ружья, не затевает никакого необычного и тревожного шума, и только лишь летом, когда зашедшая в реку рыба плавает по ней вверх и вниз, отыскивая ятови, дозволяется в реке поить лошадей и переправляться на другой берег в сенокосную пору. С начала осени, когда вода делается холоднее, а рыба, залегающая в ятови, пулливее, с 1-го сентября над рекою учреждается строгая охрана: на берегах невозмутимая тишина, и весь путь от города до Каленовского форпоста представляется поразительно безмолвной пустыней. В это время укладывается по ямам вкусная и ценная хрящевая красная рыба (осетр, севрюга, белуга и шип), ложась ярусами одна на другую, в самом деле как бы на отдых и спячку после долговременных прогулок в Каспийское море и продолжительного плавания по реке Уралу. Сюда же приходит гостить и менее вкусная и ценная «черная», или «частиковая», рыба в виде судаков, сазанов, жерехов, сомов, волбы, чехони и т. д. В угоду рыбе — и на свою пользу — казаки реку свою, удобную для судоходства, сделали несудоходною, также единственную в этом отношении на всем пространстве русской земли. Плавают по ней только тогда, когда разрешается ловля, но ни одно судно не поднималось с моря до Уральска. На наших глазах и нам навстречу везли на лошадях, установленный на колесах, двенадцативесельный катер, сработанный в астраханском порту и доставленный удалым гурьевским казаком, сплывшим на нем из устьев Волги в устья Урала. Вот почему и казаки из-за Уральска обязаны ехать больше двухсот верст на лошадях и в телегах до начального рубежа плавни, в уверенности, что все ятови соблюдены особыми охранителями и не только пересчитаны, но и определены опытными глазами старых казаков с такою точностью, как бы они были у них на ладони. Ко всем капризам реки, делающей ежегодные переметы песку и ила, ко всем обычаям рыбы опытные «плавучи» и «баграчи» отлично присмотрелись и приладились.

Читатель наш видит теперь, что уральским учтом определяются два основные рубежа на низовом течении Урала на то время, когда рыба остается на долгое время лежать в реке и совсем забывает о морском раздолье, где ей слишком теперь холодно. Залегшую между морем, или — лучше сказать — между Гурьевым-городком и Каленовским форпостом, рыбу вылавливают плавленными сетями (т. е. плавающими по течению) с последних чисел сентября до первых чисел ноября, когда начинает замерзать река. К концу этого месяца и ретивые казаки, добравшиеся до Гурьева, успевают вернуться под Уральск, отдохнуть дома и приготовиться к

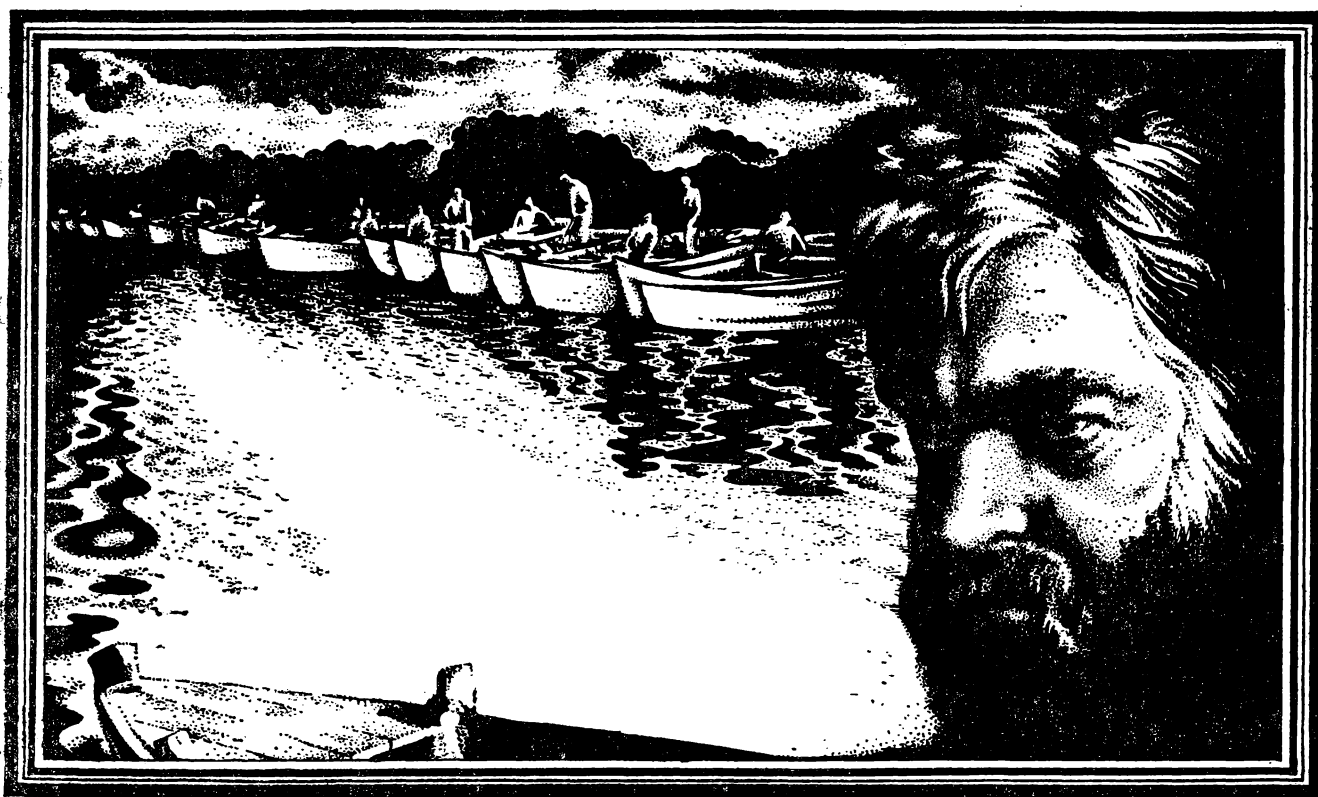
зимнему лову, когда окрепнет лед на реке. С 20-го или 22-го декабря начинается «багрень», начинают разбавривать ту рыбу, которая улеглась в ятовях Урала от учуга до Каленовского форпоста, т. е. в верхней половине зачурованной казачьей части реки Урала.

Мне остается прибавить, что по всему Уралу одновременно ловят рыбу, без определенных рубежей, а сплошь по всему течению его от учуга до моря также плавленными сетями со вскрытием льда. Этот лов носит название «севрюжьей плавни», и «на севрюгах» работают казаки до летней поры. В июне все рыболовства оканчиваются и рыбу оставляют в покое во все время, пока продолжается вторичный ход ее из моря на долгий зимний сон. Известно, что весною рыба входит в теплую пресную воду метать икру и, исполнив этот закон природы, спешит возвратиться обратно в море. Там ее уже и ловить невыгодно и очень трудно, а потому для севрюжьей плавни открывают все зачурованное, сбереженное и отгороженное пространство Урала, и ловят рыбу разом, без рубежей, — иначе она может ускользнуть из рук. Нельзя медлить — надо поторапливаться.

ОБЩИНА В ЛИЦАХ

Самым ранним утром, когда солнце успело немного подняться и осветить перед нами на противоположном «бухарском» берегу Урала кучку жителей из любопытных киргизов, мы также, вместе с прочими, для той же самой цели были на ногах, и на этом казачьем берегу, или на «русской стороне», за Каленовским селением. Войско давно было в сборе. На возвышенном, крутом и обсыпчатом яру правого берега стояла стройными рядами живая стена ловцов, выжидающих сигнала, чтоб начинать лов, по общинному правилу всем разом, что называется, «с удара». Весь передний ряд этих молодцов выстроился по изгибу реки как бы на параде, стройно установившись грудью вперед и глаза направо: на палатку рыболовного атамана, назначенного канцелярию из войсковых офицеров по очередному списку или в силу желания начальства материально пособить ему. Около ловцов чернеют их небольшие и легкие лодки — бударки и белеют сети — ярыги, у всех обязательно одинаковой величины: мешок в 6 сажень длины, 4 сажени стеной, спятый так, что остались два свободных крыла — верхнее и нижнее. На верхней подборе навязаны поплавки (барбелки), по нижней хребтине — таши, или грузила. Чтобы сеть стояла в воде стеной, один конец плавает на пуче или лучках, свитых из рогожи или ситниковой травы. Пуч привязан за приух или за петлю на конце стеной сети. Хребтина, или бечева сети, пойдет по дну и станет срезывать рыбу и вгонять ее в мешок ярыги.

Со стороны, от атаманской палатки, нам ясно видно, что казаки стоят «связками», потому что согласившиеся рыбачить вместе тесно плотятся друг к другу и крепко ухватились за свои бударки. Мы видим натянутую пря-

мую линию строя, но не замечаем, чтобы она ломалась от выпятившихся вперед людей или от высунутых дальше соседей бударок. Чувствуем, однако, что движение в этом смысле и с подобным намерением возможно и даже совершается, но невидимая и неизвестная нам сила устанавливает правила равенства каждой связки перед соседней и перед всеми другими, которые сплелись в тесную стену, потянувшуюся вверх реки и конец которой едва достигаем глазом. Между тем и на этот раз мы не видим тех, которые обычно ровняют ряды и ломают палкой загривок и спину тех, которые осмелились изломить прямую линию. Здесь каждый по себе и всякий за всех. Тем не менее видится и чувствуется, что эта живая, дышащая и временами вздрагивающая струна натянута до последней возможности. Немного напряжения надо на то, чтобы она мгновенно лопнула на несколько частей и исчезла из глаз. Не лопается и не разрывается в куски она потому, что еще не дано сигнала, но судорожно вздрагивает эта живая стена из людей под тем электрическим током, который можно переименовать в жажду наживы и корысти. Всякому хочется поймать рыбы больше; всякий намеревается напрячь свои силы, чтобы сильной греблей раньше и впереди других дойти до ятови, а до того времени не зацепить бы бударки в проклятых кустах, не свалиться бы самому с сыпучего крутояра, где можно

и запнуться, и соскользнуть, и на доморощенных салазках очутиться вместо бударки под ней и в холодной воде. Вдобавок к этому не знаешь, каким манером и каким знаком подаст атаман сигнал, чтобы хвататься за бударки и выплывать на реку. На багренье обыкновенно грохает пушечный выстрел и рассыпается звонким раскатом по улицам Уралья, по реке и бухарской стороне до самого менового двора. Здесь либо твоякает маленькая пушечка, либо пыхнет звонким металлическим звуком винтовка или пистолет. Может атаман выставить свое лицо из палатки и махнуть платком, либо высунет свою шапку на палке, либо опрокинет свою палатку или разберет ту ее стенку, которая глядит на казаков, и, может быть, зычно крикнет. Меня, когда я поместился в атаманской палатке, убедительно просили не закуривать папироски, чтобы вспышку спички не приняли казаки за сигнал. Самое появление головы нашей или атаманской, самый дым папироски с несомненною про себя уверенностью примут ловцы за знак к началу плавенного лова.

Опытный глаз атамана все высматривает тот удачный момент, когда напряжение живой стены несколько уменьшится и все установится так, что ни для кого из стариков не будет места для сетования и неудовольствия. Они строго блюдут за атаманом и зорко следят за тем, как он исполняет рыболовные правила и войсковые

постановления, умеет ли охранять порядок и настолько ли неуступчив, стоек и справедлив, чтобы не допустить ни малейших послаблений и злоупотреблений. Зорко блюдут также и за тем, насколько атаман мудр и опытен, чтобы умирять ссоры и разбирать жалобы, что всегда возможно и вероятно, где соперничают люди удальством и силой и руководятся бедовым чувством корысти и страстью наживы. Рыболовный атаман все это очень хорошо знает и помнит, что иногда хитрые старики с серьезным видом являются с просьбами, в качестве депутатов, изменить какое-нибудь коренное рыболовное правило:

— Все-де войско так желает по тем-то и таким-то причинам.

И причины приводятся веские и убедительные.

Податливый атаман вскоре убеждается, что эта просьба была простой подвох, явное испытание совести начальника. Опытные и бывалые атаманы знают, что за умелые распоряжения в конце плавни войско вызывает свое удовольствие и благодарностью криками «ура»; в противном случае на лицеприятного и подкупного подадут жалобы по начальству.

Наш атаман разобрал кибитку с противоположной стороны от казаков, ползком добрался до маленькой пушки и — пукнул. Я глазом мигнуть не успел, как величественно стоявшая живая стена, которую я не мог налюбоваться, рухнула, рассыпалась по камушку и исчезла из глаз. Пуст оказался истоптанный берег на крутояре, но зато чистая до тех пор, как зеркало, и молчаливая, как степная ночь, река Урал также исчезла из глаз: мы уже на ней не видим воды. Как степная саранча скрывает дневной свет, так изменилась голубая поверхность реки, посерела и почернела под тысячью бударок. Зашевелилась она теперь и, зажала тем особым движением, которое ей самой необычно. Через нее по бударкам, как по мосту, кажется, можно перейти на бухарскую сторону, если бы только лодки вздумали остановиться. Такого молодецкого приема и движения казаков я и представить себе не мог!

Однако где же видимы знаки проявления заподозренного нами в войске чувства корысти и стяжания наибольших, сравнительно с товарищами, барышей? Где эти непобедимые и неодолимые человеческим сердцам толчки, из которых нарождается отвага и удаль, вся эта теперь нестройная, но в общем несомненно цельная суетня на воде казачьего разгула и представляемой в лицах общины? Всмотримся.

Как мухи, сплошь усеявшие стол, на котором пролили каймак или мед угощавшиеся казачки, усыпали казаки всю реку вплоть от одного берега до другого. Все гребут, налегая на весла и рьяно и учащенно всплескивая веслами, каждые две бударки, или по-казачьему, каждая связка. Им нельзя отставать друг от друга, потому что обе действуют заодно и не обращают внимания на то, что этим теснят других, которые в свою очередь мешают плыть дальше третьим и десятым связ-

кам. Однако на этой гонке с препятствиями, совершаемой более опытными и сильными руками, чем всякие картинные яхт-клубные гонки на таких же, как длинные и узкие бударки, легких гичках, более ловкие и сильные руки выдвинули свои лодочки далеко вперед всех остальных. Отсталых очень много, и между передними и задними стала обнажаться вода Урала большими плесами, или просветами. Эти задние — те, которые среди первоначальной суматохи не успели сладить с бударками, ярыгами и сами с собой — и опоздали. Двое выпустили из рук свою лодку: она поплыла вниз одинокою, а они вплавь и вброд перебрались на бухарскую сторону и, стоя на другом берегу, отчаянными голосами молили о помощи. Сотни бударок проплыли мимо, не внимая мольбам, и, видимо, при сосредоточенной мысли о себе не замечали несчастья других, хотя, конечно, их было жаль. Другой сорвался с своей лодки в воду и, не желая в ней тонуть, хватается за край плывущей мимо бударки, его бьют по рукам веслом; несчастный казак, опрокинувшись на живот, начинает плыть, меряя саженками и наталкиваясь на встречные бударки, к тому же несчастному и безнадежному берегу. Суматохи довольно, и, видимо, начинается тот беспорядок, который противоречит общему и сначала так хорошо и согласно налаженному тону. Как тут быть: не всем же, в самом деле, быть удальцами и ловкачами?

Рыболовный атаман, который плывет впереди и ведет войско к первой ятови, не доходя до нее, все случившееся назади видит и все, что по сторонам его кричит и плачется, слышит. Рьяных и сильных передовиков подъемом весел, криками и приказаниями он сдерживает настолько, чтобы не могли задние очень отстать. Одним строго приказывает поймать плывущую без хозяев бударку; другим принять меряющего саженки казака. Все это неохотно, конечно, но на виду всех исполняется. Передние все-таки успевают оставаться впереди за право удальства и силы. Задние уже не так безжалостно и безнадежно отстали: нельзя же всем выстроиться в такую же стройную и прямую линию на узкой реке, как это могло быть на широком степном берегу. Везде должны быть передние и задние: на ловкости и удальстве весь свет стоит, и плавенное и багренное рыболовство неизбежно и обязательно должно было признать это явление за бесспорный закон. Распоряжением атамана все, конечно, довольны, и, лишь на очистку совести, поворчат на него те, которые давно уже могли бы быть на первой ятови. Но дело не во времени: дело в самой работе на ятови. Не страдать же казакам с ловкой и сильной рукой, при могучих плечах и груди, из-за того лишь, что бывают невоворотливые и слабосильные?

Начали облавливать и те и другие первую ятовь: два казака гребут, другие два держат веревки на обоих концах ярыги. По мере того, как двигаются бударки, тянется за ними и сеть, по подобию мережи с крыльями, столь всем рыбакам известной, но на этот раз не сто-

ячей, а плавучей. Когда стали казаки ленивее опускать ярыги и, смотря в вынутые, покачивать головами, атаман повел на вторую ятовь, которую указывают ему ясно и точно те старики, которые обязаны эти ятови замечать и оберегать. Как только атаман доведет ловцов до новой ямы, он на своей бударке отплывает в сторону и подает знак. Весь этот лов первого рубежа плавни от Каленовского до Антоновского форпоста производился войском с такой быстротой и ловкостью, что, когда мы, на быстрой казачьей тройке снявшись с места тотчас после того, как скрылся хвост «плавачей» за крутояром, прискакали в Антоновский форпост, голова казачьего поезда вскоре была уже у нас на виду. Она медленно выплывала из-за селения, и ловцы суетливо забрасывали в последнюю ятовь ярыги и вытаскивали из воды, выбирая и выбрасывая, рыбу на бударки.

Когда мы уселись ожидать войско в такой же кибитке, которая была раскинута за Антоновским селением и через день должна служить таким же местом для сигнала на второй рубеж, пламенный атаман был уже там. На реке ему нечего было делать, потому что первый рубеж он прошел и счастлив, и в барышах, потому что на его пай ловили рыбу вперед других, и ему самому не для чего было беспокоиться. У нижнего рубежа для него расставляются «переставы», или переметы с крючьями. Рыба, пробиваясь в них, поворачиваясь и вызывая плеском, обязательно запутывается и непременно вязнет.

Когда под множеством бударок опять скрылась из наших глаз водная поверхность Урала и все войско закончило первый рубеж, к нашей кибитке явилась депутация из пяти стариков. С нами был на плавне, из любопытства, сам наказной атаман (генерал-майор Вик. Дев. Дандевиль), и к нему-то пришли старики поклониться от всего войска «презентом» (по-нынешнему), или «атаманским кусом» (по-старинному казачьему выражению). Принесли они живого, самого крупного и икряного осетра. Когда атаман поклон и подарок принял, один старик быстрыми и умелыми руками вскрыл рыбу, вынул мешок с икрой, с такой же ловкостью и быстротой вскинул его на грохот и протер так тщательно, что пробились сквозь сетку одни только зерна, а пробойка, или слизистая оболочка мешка, осталась на грохоте и отброшена. Свежую икру с крупными зернами, рассыпчатую, как круто сваренная гречневая каша, на наших же глазах старик посолил, перемешал деревянной ложкой в деревянной чашке и в таком первобытном виде преподнес наказному атаману. По старинному казачьему обычаю следовало Виктору Дезидерьевичу принять стакан водки, поздравить войско с началом лова, пожелать казакам удачного конца и закусить икрой из деревянной чашки нижегородского дела деревянной ложкой. Откуда ни взялся и кусок пшевичного хлеба на заедку. На привет атамана старики депутаты глубоко поклонились в пояс, а вышедшее из будар на песчаный берег войско, у которого все время ушки были на макушке, грохнуло «ура» в благодарность за добрые поже-

лания. Попробовали и мы это незнакомое нам, необычайно вкусное вещество, которое язык не поднимается назвать свежей икрой ввиду того подражания ей, которое продается под этим почетным именем у Елисеева и Смурова, хотя бы по цене и за 3 руб. 50 коп. фунт.

ПОСЛЕ РУБЕЖА

Первый рубеж пройден; остается еще больше десятка таких же рабочих рубежей плавленных. После каждого рубежа отдых на целые сутки, или «дневки». Завтра на ловлю не поедут. Сегодня выловленную рыбу выложили из бударок тут же на береговой песок, на подостланные холсты и рогожки. Начался рыбный базар на эту свежую, сейчас пойманную рыбу. Явились покупатели из иногородних: из Елабуги, из Казани и проч. Они уже давно поджидали ловцов, гораздо раньше забравшись в форпост. Прошла по базару та невидимая сила, которую не уловишь и не распознаешь в глаза ни в виде казака, ни в виде бородатого купца известного облика; прошла та сила, которая устанавливает цены. Не сразу она порешает дело и здесь, но осторожно прислушивается, осматривается, переминается с ноги на ногу, подчесывает в затылке, упрямится и ломается. Два борца схватились пробовать силу на палке, кто кого перетянет, как бы в самом деле не перелететь через голову и больно не ушибиться. Как бы не подсунил казак ялового осетра вместо икряного, как бы не обмануться купцу в определенении подлинного веса на глаз. Однако поладили; ударили по рукам: казачья рыба перешла в руки купцов, которые тут же на берегу, тем же своеобразным кочевым способом ее пластают, солят, очищают от икры. Тешка (брюшко) отделяется от балыка (спинки); вынимается и просушивается на солнышке плавной гузырь (рыбий клей), выдирается сильной рукой сухожилие, лежащее вдоль хребта (вязига). Для этих операций на Волге созидаются целые селения под именем ватаг, устраиваются большие крытые плоты, целые заводы; здесь все это, степным обычаем, продельвается на песке, рыба засаливается в чанах и бочках или складывается тут же прямо на телеги.

Казаки вечером — с задатками, утром — с полным расчетом наличными деньгами: кредит они не любят; он у них не в обычае. Сказано надвое: хочешь — бери, хочешь — нет; свезем домой, рыба станет дороже. А что казак сделает с деньгами — это скажет ярмарка с красным товаром. Она уже открылась на улице станицы, небольшая, очень тихая, но пестрая. Чтобы не выгорали на солнце линючие московские ситцы, кушцы приладили навесы, столь густые с боков и сверху, что в лавках у них темно, а стало быть, удобно и им ловить свою рыбу в этой мутной воде. Казачки охочи до пестрых и ярких цветов в особенности, как дочери яркого юга и как Евины дети повадливо идут и на ленточки, пуговки и на тесемочки. Светлые красносельские стеклянные запонки так и бьют в глаза обок и рядом с зеркаль-

нами, вставленными в двухстворчатую жестяную рамку. Особенно много именно этих зеркальцев. Все это, конечно, выставлено для форпостных лежебок-казачек. Для самих казаков у сметливого торгового люда найдутся и рыболовные высокие личные сапоги, кожаные фартуки, суровый холст на рыбацьи штаны, широкие, как Каспийское море. Привезено и железо в деле на всякую потребу, и ярядево, и бечевки подчинить прорвавшуюся ярыгу. А главное, конечно, наиболее приятное и любимое, очень любимое казачьим войском:

— Вот, милости просим под наш навес выпить и закусить.

Читателю, таким образом, ясно теперь, что плавня искусно и практично привела за собою ярмарки во всякий из прикиных форпостов, где кончаются плавенные рубежи. Обнаружилось на Руси новое явление, нигде уже больше не повторяющееся, в своем роде единственное, которое любознательный человек, во всяком случае, должен заметить и запомнить. Подвижное кочевое хозяйство потребовало и вызвало «подвижные и кочевые торжки». Войско пробует свою молодецкую удачу, кактается на бударах, как на гонке, сеточкой-ярыгой, что ни кинет в воду, вытаскивает из нее чуть не полный мешок рыбы. И зато какие у него славные песни про удалых отцов и дедов, и как он их охотно, хотя монотонно, поет! Можно ко всему этому прислушаться и

присмотреться на той же скороспелой и скоропреходящей форпостной ярмарке, затейной именно для данного форпоста. Ярмарка в Уральске отыграла тотчас перед плавней точно так же, как в конце этого рыболовства она начнется в Гурьеве — унылым и скучным во всякое время года.

Купид казак жене в подарок платочек от себя и того, что наказывала дома из мелочи, — и себя не забыл: завернул к патентованной бочке справиться о том, не фальшивую ли бумажку дала проклятая «чехонь», купец за рыбу (дряни этой забирается в войско, особенно с менового двора, где торгуют степными баранами, очень много, можно сказать по-уральски — воза). Зашел казак к бочке и настоящей бумажку разменял: крупна очень, а в войске менял не полагается, даже трехрублевую разбить трудно. Словом сказать, к вечеру, к концу дневки, у редкого казака держится на голове шапка, — надо идти спать, надо выполнить очень трудную на этот раз задачу: отыскать свои воза.

Вон стоят воза громадным табором в степи, за селением: сгрудились и скучились так, что к средним и в трезвом виде не скоро пролезешь и с великим трудом до своего воза доберешься; а попробуй-ка его теперь отыскать. И всякие меры приняты: у одних на возах вздернуты на высоких шестах резные деревянные петушки, клочки сена, тряпки, рваная шапка и другие

издалека видные и условные знаки. Возы охраняются подростками, называемыми «малолетками», а на этот раз «станичниками», так как они обязаны пускать лошадей из возов в степь, кормить их там и стеречь, конечно, где захотят, в любом месте: степь, как и река, бесспорная общая собственность. Звонкие голоса мальчишек, призывающие запоздалых отцов, раздаются там, лишь только стемнеет. Но, несмотря на все меры предусмотрительности, не всякий казак, возвращающийся с ярмарки, ночует на своем возу, а спит раскидавши по-запорожски и по-казачьему руки, на сырой земле там, где приспел час и отвинтились ноги. Петушина переключка ребят примолкает, однако скоро сколько по безнадёжности и усталости, столько же и потому, что казакам надо рано ложиться и назавтра опять следует вставать со светом, строиться в длинный ряд, нетерпеливо выжидать неизвестного сигнала и снова начинать барушную прогулку вдоль рыбного Урала.

Послезавтра опять дневка с теми же картинами рыбного базара и краснорядской ярмарки, так почти до самого Гурьева: день прогулки с ярыгой, день отдыха с покупной водкой и даровыми угощениями у знакомых казаков на форпостах, в крепостях: Кулагинской, Калмыковской, Сахарной, Горской, Тополинской, Баксайской и Сарайчиковской и в Гурьевом городке. Пока ловцы отдыхают на дневках, на их следах по реке производится другой лов на ускользнувшую рыбу сетями и неводами. На этот раз попадаетея лишь черная рыба, а иногда, как редкость, и красная.

На Кандауровском форпосте, не доезжая 15 верст до Гурьева, кончается первый участок лова в конце октября. На этом месте ярыга оказывается непригодной по свойству речного русла: требуются невода, сети гораздо крупнее, до 32 сажень. Они состоят из двух полотен с редкими ячейками на переднем, туго натянутом и с частыми ячейками на заднем, гораздо слабее натянутом. Здесь, в этом месте, самая плавня утрачивает свое имя и лов носит название «осеннего неводного». От Гурьева до моря на конец октября и начало ноября опять осенняя плавня. Кто приплыл в Гурьев, тот имеет право поставить сети по ильменям и прорапам, по правую и левую сторону трех оставшихся из 19-ти прошлого столетия устьев реки и запереть их, на двух участках, неводами или волокушами, т. е. неводами без мотни (среднего мешка), но длиною от 50 до 100 сажень, а в ширину (или стеною) до 4 сажень. Зато и самый лов носит название «запорного» (прибрежного морского), а общинное начало сказывается здесь тем, что рыбу обметывают по очереди, которую определяет, конечно, безобидный и справедливый жребий. Тянут невода в течение двух-трех суток, потом одни сутки отдыхают, т. е. делят улов по артелям и солят рыбу.

Когда осенняя плавня разворачивается по рубежам своими красивыми и оживленными картинами, за кулисами происходят тот материальный расчет и денежные сделки, которые составляют самую сущность дела. Об-

щинное пользование водами есть, конечно, материальная основа казачьих государственных повинностей, по образцу владения землею в сельских общинах. Не забыты ни те, которые по болезни не могут принимать участия в лове, ни бедняки, ни лица, оказавшие какие-либо особенные услуги войску, ни те служилые казаки, которым мешает участвовать в лове служба. В пользу этих лиц установлен особенный сбор с участников в ловах, из которого составляется капитал, а из него выдаются из войсковой канцелярии билетами, которые носят своеобразное название «печаток» (взрослые за 3 руб., малолетки за 2 руб.). От сбора освобождаются только состоящие на службе по выбору, также священники и сторожа при церквях, но пополняют хозяйственный капитал войска сбором с морских рыболовств (также по 3 руб.). За войском, вместе с нами едет священник, тоже получивший на плавни «печатку», которую продал за 15 руб. Сам священник (обыкновенно из казачьего сословия) в то же время хотя и сопровождает обоз под видом исправления треб, а собственно едет для сбора с прихожан судаков, и мы видели его незавидное угнетенное положение как бы лишнего и ненужного человека. Судаков он получает приправленными и круто просоленными солью насмешек от тех казаков, которые не приняли единоверия, не ходят в единоверческую церковь и называются «никудышными».

— Молился ли ты об удачном-то лове?

— Благословил ли ты своих-то, а мне твоего благословения не надо: проходи мимо! — И так далее.

С печатками набирается священник в год рублей до сорока, а дома у него человек десять детей, и все девки. Пономарь и дьячки ловят иногда рыбу сами.

В конце плавни, ввиду приближающихся заморозков, рыбалют уральцы обыкновенно без дневков, идут так называемыми «обыденками». В этом отчасти и та выгода, что ослабляется влияние неблагоприятных осепных непогод и казаки меньше болеют лихорадками и ревматизмами, столь нередкими «ломотными» болезнями именно на этой плавне, в этой счастливой стране, где вообще разлито здоровье и вырастает рослое, красивое и сильное племя.

МИР
НА ЛАДОНИ

С первым космонавтом

Его прозвали в армию всем селом, тепло напугивали. И попал уралец Анатолий Струин на Черноморский флот. А через несколько лет прислал в родное Дымково (Свердловская область, Туринский район) фотографию — посчастливилось морякам-черноморцам сняться вместе с первым космонавтом планеты Юрием Алексеевичем Гагариным.

Сейчас эта фотография — памятный экспонат школьного музея. «...Гордятся жители села своими земляками, — пишет в редакцию бывший председатель Дымковского сельсовета, ныне пенсионерка Александра Иванова Сафонова. — Вот и сын механизатора-ветерана комсомолец Анатолий Мефодиевич Струин не подвел, когда был на военно-морской службе: старшина первой статьи, отличник боевой и политической подготовки, вступил в партию. На фотографии он сидит рядом с Ю. А. Гагариным — по его правую руку».

После службы, вот уже более двадцати лет, А. М. Струин — аппаратчик Ирбитского фармацевтического завода.

«Штат» музея — один человек

Житель города Пушкина Ленинградской области Сергей Дмитриевич Умников сам не называл свой домашний музей столь громким именем: «Музей А. Ахматовой»... О нем рассказали газеты. И теперь хозяин и владелец богатой литературной коллекции старается оправдать этот статус, принимает посетителей, дает объяснения, отвечает на многочисленные письма, заботится о пополнении экспонатов.

Сергей Дмитриевич встречался с Анной Ахматовой в 1926 году и через всю жизнь пронес преклонение перед этим ярким талантом. Когда праздновалось 90-летие

со дня рождения поэтессы, он впервые открыл все собранное им для обозрения всем желающим.

Его собрание включает фотографии, открытки, эскизы, рукописи, значки, книги... Можно услышать голос Ахматовой, записанный на грампластинку, можно прочесть нигде не публиковавшиеся стихотворения-посвящения поэтессы...

Сергей Дмитриевич Умников называет себя «составителем», «хранителем» музея. Что касается «основателя» — здесь он делает поправку:

— Около шестидесяти человек внесли что-то в музей... Так что будем их всех считать «сооснователями»!

Н. АНДРЕЕВА

Дом-путешественник

Дизайнеры Уральского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики разработали складной туристский домик-автоприцеп.

Это компактный металлический ящик на двух колесах, который может храниться в гараже и прицепляется к легковому автомобилю любой марки. Всего две минуты требуется для того, чтобы ящик превратился на берегу озера или на живописной лесной поляне в туристский домик на четыре окна. В таком домике на колесах весной, летом, осенью может проводить свой отпуск на природе семья из четырех человек. Стены из тонкого гофрированного алюминиевого листа, оклеенные внутри специальным синтетическим утеплителем, даже зимой могут предохранить от холода любителей автомобильных путешествий.

Тепло и уютно в таком домике — на стенах обои модных расцветок, два удобных дивана, шкаф для одежды, два верхних откидных спальных места, на кухне, оборудованной газовой плитой и мойкой для посуды, можно быстро приготовить обед.

На автомобильных стоянках вы можете подключить свою двухкомнатную «квартиру» к источникам электропитания и водопроводу, а в полевых условиях энергоснабжение осуществляется за счет аккумулятора.

Великолепный подарок любителям автомобильных путешествий приготовил молодой свердловский художник-конструктор В. Кротов. Выпуск новинки будет осваиваться в Перми.

Я. АНДРЕЕВ

Автор замечательных идей

Анатолий Трофимович Качугин был удивительно одарен. Его называли художником. Картина Качугина «Плачущая девушка» получила серебряную медаль во Франции. Он был и музыкантом. И... хирургом. Сделал сотни операций. После революции Анатолий Трофимович — один из первых чекистов молодой республики Советов. Наконец, он стал изобретателем.

По сей день работает в квартире изобретателя первый в мире индикатор нейтронов, прилетающих из космоса. Еще в 30-е годы Качугин заметил на изобретенной им фотоэмульсии странные вспышки. К сожалению, изобретателю не удалось доказать, что это был след неизвестной частицы. А спустя несколько лет англичанин Чедвик получил за открытие нейтрона Нобелевскую премию. Путь к исследованию микромира был открыт. А для Качугина след нейтрона на фотопластинке остался лишь скалочным пером жар-птицы...

В квартире изобретателя — архив. Более 500 идей и предложений Качугина рассматривалось в Комитете по делам открытий и изобретений. Многие из них стали классическими. Например, изобретатель получил один из первых патентов на цветное телевидение.

Но вот перед нами нераспечатанные конверты под сургучными печатями. На них следы времени: потрескался сургуч, пожелтела бумага. Оказывается, изобретатель посылал их самому себе... В этих письмах поразительные мысли, которые и сегодня могут показаться фантастическими. Так было с препаратом для лечения туберкулеза, который как бы родился раньше, чем его могли понять, оценить специалисты. Как и великий Луи Пастер, заразивший себя и испытывавший на себе действие изобретенной им вакцины, Качугин заразил себя туберкулезом, получил все признаки этой страшной болезни, а затем вылечился своим препаратом. Под сургучными печатями осталась идея с тяжелой водой, без которой теперь неммыслима атомная энергетика.

В годы войны, как изобретатель, он много сделал для успешной партизанской борьбы в тылу фашистов, для отражения танковых атак гитлеровцев. А после Победы А. Т. Качугин вновь у главных проблем страны. Зерно, такое дорогое, которого еще долго не будет хватать, гибнет от маленького жучка-долгоносика. Чтобы бороться с вредителем, надо было знать температуру его тела. Ученый совет тему «долгоносика» решил растянуть на полтора года, иначе не успеть разработать прибор для измерения температуры. И тогда Качугин предлагает собрать стакан долгоносиков, закрыть их крышкой, а через отверстие в ней опустить в стакан обыкновенный... термометр. Простейшее решение: через двадцать минут температура жучка была измерена!

В 1968 году в «Литературной газете» писательница Антонина Коптяева сообщила читателям, что прототипом одного из главных героев романа «Люди в белых халатах» послужил Анатолий Трофимович Качугин, с которым писательница дружила многие годы, была свидетельницей сложной и очень нелегкой его судьбы. Судьбы человека, оставившего глубокий след в людской памяти.

Я. МАССОВИЧ

Без шлема не выйдешь...

Во дворе одной из школ австралийского города Нью-касла обосновались несколько сорочьих пар. Они уютно гнезда на ветвях раскидистого дерева, и ни ученики, ни учителя не рискуют выходить без пластикового шлема на голове. В период высидивания и выведения птенцов птицы очень агрессивны. Защищая свое потомство, они яростно набрасываются на каждого, кто осмелится приблизиться к гнезду.

Г. ФРОЛОВ

Необычные слоны

Группе зарубежных ученых-зоологов удалось с вертолета обнаружить и сфотографировать слонов-гигантов. Они живут в Намибийской пустыне в 26 километрах от Берега Скелетов (юго-западное побережье Африки). Эти животные имеют рост 5 метров — они на целый метр выше известных видов африканских и индийских слонов.

Животные, за которыми наблюдали несколько дней, ведут ночной образ жизни, передвигаясь каждый раз на 40 километров. Племенам овамбо, гереро и бушменам эти слоны известны с незапамятных времен, о чем свидетельствуют наскальные рисунки.

Ф. ГЕННАДЬЕВ

КОСМОС... В КАМНЕ

25 ЛЕТ НАЗАД ЮРИЙ ГАГАРИН СОВЕРШИЛ ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ В КОСМОС

...Эти произведения молодых мастеров посвящены космосу. Мозаичный портрет первого в мире космонавта, — для его изготовления ушло более пятисот различных кусочков самых разных пород... Настольный сувенир «Памяти Юрия Гагарина»: на полированном обсидиане нанесен силуэт космонавта, его автограф и надпись: «Космос служит людям».

В честь первого полета человека в неизведанные миры создана композиция «В космос». На черном фоне взметнулась ввысь ракета, изображение которой составлено из нескольких камней искрящегося горного хрусталя, на фоне звездного неба — портрет космонавта в скафандре.

Большое мозаичное панно посвящено стыковке советского и американского кораблей «Союз» и «Аполлон». Уникальность подбора камня, динамичность работы, неожиданность цветовых тонов, искусность обработки дали возможность комитету ВДНХ отметить это произведение Золотой медалью.

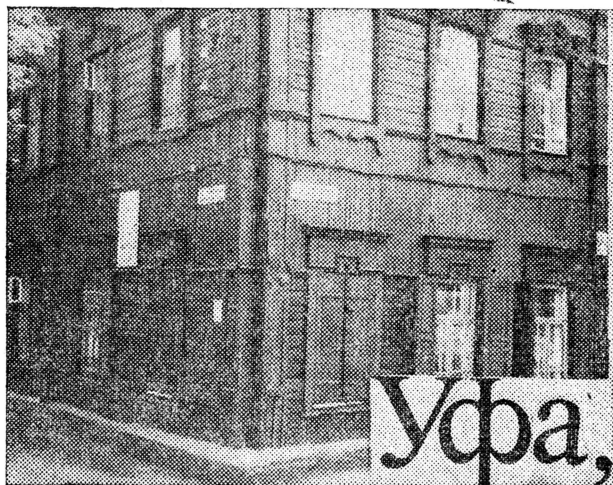
С первым спутником, запущенным в космос, началась для воспитанников Свердловского художественного училища №42, где готовят специалистов по изготовлению изделий прикладного искусства в камне, космическая тема. В разные годы были изготовлены интересные композиции, посвященные развитию космонавтики в нашей стране: оригинальный сувенир «Спутник», композиция «Луноход», работа «Прилунилась...», мозаичное панно «Космонавты на известной планете».

Камнерезное дело — сложная область прикладного искусства. Во все времена славилось на Урале мастера по изготовлению оригинальных изделий. Среди тех, кто передает традиции и умение молодым, — старший мастер производственного обучения, художник-камнерез, заслуженный мастер профессионально-технического образования РСФСР Владимир Юрьевич Рысин.

Камнерезные работы, выполненные учащимися под руководством В. Рысина, экспонировались на международных выставках на Кубе, в Чехословакии, Канаде, Англии, Италии, Бельгии, США, Финляндии... Училище много раз удостоивалось дипломов первой степени. Более двухсот его учащихся и мастеров награждены медалями ВДНХ.

Г. КУМАНОВ

*Цветные фото на 4-й стр. обложки
И. Горячева*

Уфа, улица Крупской...

Когда в центре современной — многоэтажной Уфы попадаешь на улицу Крупской, возникает ощущение, будто что-то случилось со временем. Настолько подлинно старинными кажутся деревянные домики с изящной резьбой, дворники, колодцы, службы...

Создавая в 1982 году филиал Центрального музея В. И. Ленина, уфимцы решили не только увековечить память о вожде, но и передать атмосферу того времени, сохранить уголок старого города.

В новый мемориал вошли Дом-музей Ленина, дом, в котором жила Крупская, и восстановленный участок улицы Крупской (бывшая Старожандармская).

Уфа — единственный город на Урале, где был Ленин. В феврале 1900 года, возвращаясь из ссылки в селе Шушенском, Владимир Ильич остановился здесь. Он встречался с местными

социал-демократами — А. Д. Цюрупой, В. Н. Крохмалем, А. И. Свицерским. Ленин познакомил их с планом создания революционного печатного органа. Позднее уфимские социал-демократы говорили, что появление Ленина было похоже на то, как в душевной комнате распахивают окно, через которое врывается свежий ветер.

Перепоручив местным товарищам заботу о Надежде Константиновне, которая под гласным надзором полиции оставалась жить в Уфе, Владимир Ильич уехал в Москву.

В июне того же года, собираясь в эмиграцию, Ленин вместе с Марией Александровной снова приезжал в Уфу, чтобы повидаться с Крупской.

В зданиях музея расположены экспозиции, посвященные различным периодам жизни Ленина. Часть залов рассказывает об истории социал-демократического и революционного движения в Уфе и на Урале. Еще одной отличительной особенностью комплекса являются стенды, посвященные воплощению в жизнь идей Ленина.

Более 120 тысяч посетителей в год знакомятся с экспозициями музея.

На снимках: улица Крупской; деревянная резьба; картина В. Н. Пегова (Уфа) «Советание двадцати двух большевиков»; воссозданный интерьер в доме крестьянки Петровой в Шушенском; интерьеры уфимского Дома-музея В. И. Ленина; редкие значки из коллекции музея.

Игорь ГОРЯЧЕВ

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

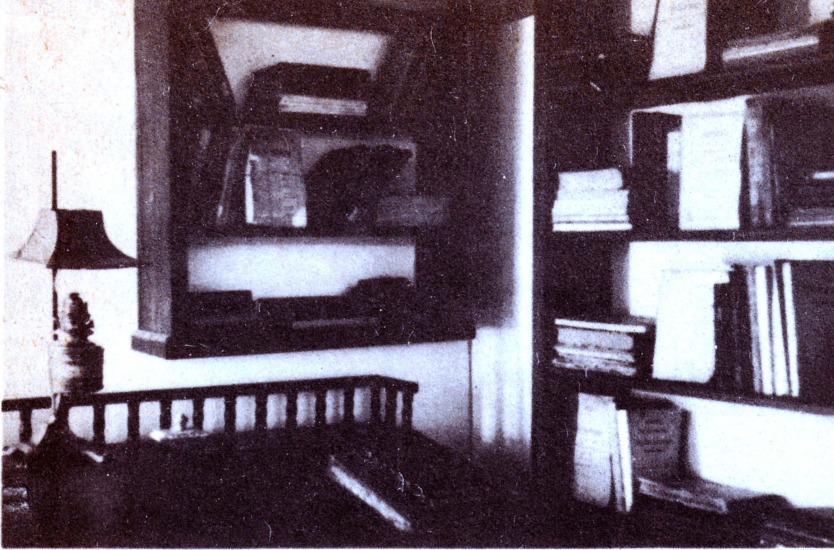
Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕВЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

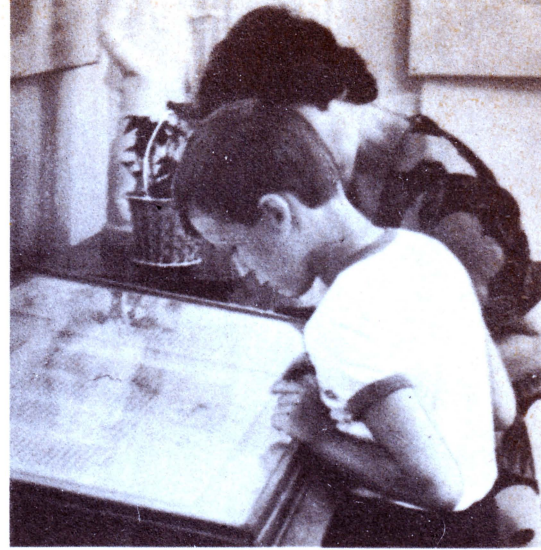
Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 30.12.85. Подписано к печати 06.02.86. НС 16161. Формат бумаги 84×108/16. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отг. 11,76. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 385 000. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 470. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

Интерьер Уфимского Дома-музея В. И. Ленина.

СОВЕЩАНИЕ ДВАДЦАТИ ДВУХ БОЛЬШЕВИКОВ.
Художник В. Н. Пегов, Уфа.

Улица Крупской.

Слайды И. Горячева

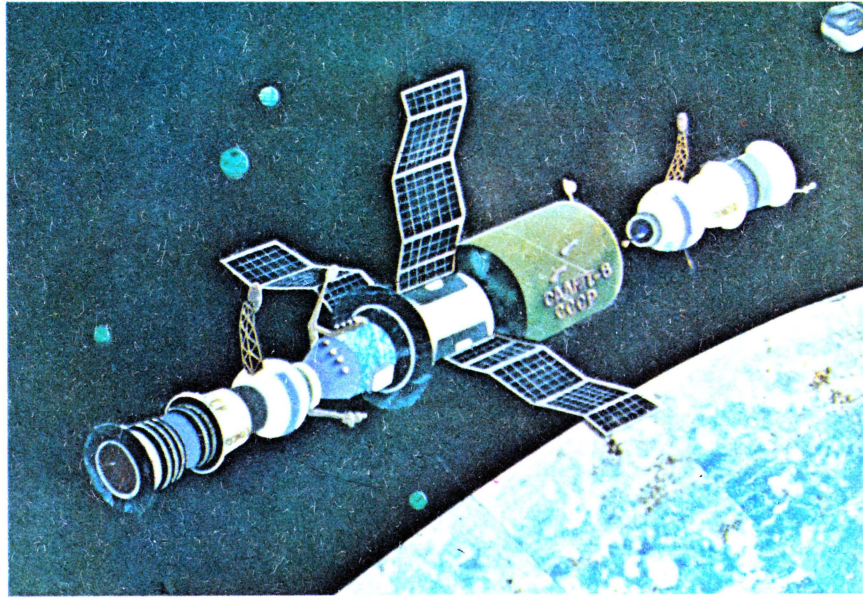
КОСМОС...

Слайды И. Горячева

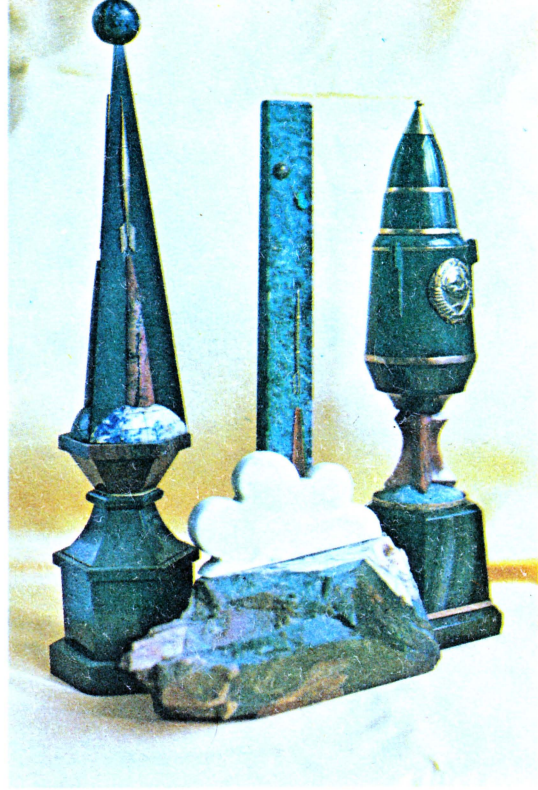
Панно «КОСМОНАВТЫ НА НЕИЗВЕСТНОЙ ПЛАНЕТЕ».

Панно «СТЫКОВКА».

Читайте стр. 79.

Мозаичный портрет Юрия Гагарина.

Сувениры на космическую тему.

В КАМНЕ

Уральский Следопыт, № 4, 1—336. Цена 40 коп. Индекс 73413